

Диана Хант

Паложница
дракона

Annotation

Оказавшись в мире, где правят драконы и магия я, обычная студентка, получила ипостась дракона. И все вроде прекрасно и замечательно... Но оказалось, драконы — страшные шовинисты, а моя семейка особенно. Итак, наш ответ домашнему режиму — здоровый смысл, немного наглости и... сила дракона!

Продолжение (и довольно горячее) книги «Дочь дракона». Вас ждет Огненный дракарат Мичио Кинриу, Парящие горы Ледяного клана и Альма-матер для настоящих драконов!

- [Диана Хант](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
-

Диана Хант
Наложница дракона

Глава 1

Воды Лазурного моря пенились, окатывая прибрежные скалы. Закатное солнце сделало их пурпурными и оттого Огненный дракарат сперва показался фиолетовым. Лишь когда подлетели ближе, оказалось, что высокие шпили башен словно отлиты из пламени, а пышная зелень этого края пронзительно-изумрудная.

Подлетев ближе, мы закружились над Огненным дракаратом, устремляясь к восточной части полуострова, к землям клана Золотого дракона, Кинриу. Монументальные здания (язык не поворачивается назвать их домами) просторного, непривычно-зеленого города, все, как одно, из красивого желтого камня, с плоскими крышами-площадками.

Мы устремились к центральному дворцу, внушительному, великолепному, похожему на скалу, только из желтого мрамора и всю в золоте.

Я поняла, что сейчас придется садиться и оборачиваться... отчего накатила паника.

Инициация в озере Драконов произошла сама по себе, оборачивание, соответственно тоже, только было очень больно... Поэтому сейчас, стоило мелькнуть мысли, что понятия не имею, как вернуть человеческий облик, а еще вспомнив сумасшедшую боль во время инициации, опьянение небом улетучилось, а паника накрыла девятым валом.

Исам словно почувствовал, что творится со мной, потому что серебристый дракон изогнул длинную шею, подлетая ближе и посмотрел долгим взглядом. В синих глазах явственно читалось: *я в тебя верю*.

Шумно выдохнув, я устремилась вслед за обоими драконами на огромную желтую площадку, на которой, кажется, стоят люди.

Драконы обернулись на подлете и спрыгнули на площадку людьми.

Я робко вытянула лапы к желтой плитке, и стоило им столкнуться с поверхностью, мир взорвался ожидаемой болью!

Только на этот раз новая драконья сущность обошлась со мной милосердно. Потому что практически сразу же я потеряла сознание.

Сначала в мой тревожный сон, в котором я никак не могла сдать зачет по восточным единоборствам мастеру Горо, потому что коварный японец какими-то хитрыми касаниями «отключил» мне руки и ноги, и я старалась уползти от него по матам на манер червячка, ворвался птичий хор.

Когда сэнсэй замедлился, словно некий доброжелатель нажал на «медленный кадр», и никак не мог догнать ползущую меня, а птичий щебет усилился, начала догадываться, что вижу сон.

Затем лучи утреннего солнца настойчиво заскользили по лицу и пришлось перевернуться на другой бок, чтобы не мешали досыпать. Тем более что противный сон с сэнсэем закончился, а значит, следующий мог оказаться вполне сносным.

Вместо этого в голове зашумело, словно подернулось туманом, а когда я постаралась вспомнить свое имя и где я нахожусь, почему-то не смогла.

Вдох-выдох, и я принялась «трясти» сопротивляющуюся изо всех сил память, но потом, раз за разом, дело пошло.

Итак. Зовут меня Александра Кинриу. Студентка военной академии имени Александра Васильевича Колчака (лучшая академия страны, если что!). Только-только успешно сдала сессию и перешла на третий курс... Почему военная академия? Отчим посоветовал. По заверению Виталия Владиленовича, успешного бизнесмена и вообще финансового гения, «воля» для меня «чревата». И вот ни разу не обидно. Потому что дури во мне, то есть я хотела сказать темперамента — хватит на племя взбесившихся дикарей.

А так, наравне с теоретическими дисциплинами, где можно почерпнуть знания об азах командования, управления, оперативно-тактической подготовки, а еще инженерно-технических и юридических дисциплин и прочей нудятине, идут мои любимые, практические.

А это: несколько навыков рукопашного боя, в том числе и нежно любимые мной восточные единоборства, то же дзюдзюцу у мастера Горо, а еще первичные летные навыки на планерах (к вертолетам на втором курсе еще не допускают, ждала третьего, как ребенок Нового Года) и разные факультативы, в том числе стрельба из лука, мое хобби с детства.

Вот только третьего курса похоже уже не дожидаться, да и по полетам я наш курс опередила.

Потому что судьба решила изменить мою жизнь с помощью двух чертовски-обаятельных драконов, которые, как снег на голову, обрушились в мою жизнь под конец сессии.

Причем с известием, что я, дескать, принцесса драконьего мира, дочь дракона, да непростого, а верховного правителя Огненного дракарата. И вот, по достижению совершеннолетия (мне только-только восемнадцать исполнилось) папенька изволили о дочке вспомнить и потребовали ее возвращения в родной мир.

Родной, то есть драконий мир меня встретил не так, как ожидалось. Потому что сопровождающие меня драконы (они бы на слово «сопровождающие» обиделись, потому что все, как один, жуткие шовинисты) должны были меня с рук на руки папеньке передать, да не тут-то было.

Портал ни с того ни с сего перенес нас не в Огненный дракарат, в объятия любящего родителя, а к священной горе Сусаноо или Такэхая Сусаноо-но Микото. Да, да, именно туда, где проходят инициацию и обретают дракона!

И я, студентка третьего курса лучшей военной академии страны, после долгих перипетий и препятствий, инициацию-таки получила и стала драконом!

Причем, первой драконицей в истории (кроме богини Инари, разумеется, Матери всех драконов), потому что до меня ни одна женщина не была драконом! Собственно, до меня ни у одного дракона не рождалось девочки.

Но я самого главного не сказала.

Я вообще-то добровольно и по своей инициативе в этот мир скаканула (хоть сопровождающие утверждают, что и так, и так бы меня забрали). Потому что мне, оказывается, пришел вызов из Альма-матер для драконов. Лучшей магической академии этого мира, где воспитывают настоящих драконов.

И вот шанса обучаться в магической академии, где мало того, что каким-то специальным навыкам боя учат, так еще обучают, как управлять сильнейшей магией мира — драконьей то есть. А еще преподают столь необходимые новичкам азы контроля и вообще уживчивости с новой ипостасью. Словом, этого я ну никак пропускать

не собираюсь.

Полная решимости и гордости за такой четкий и структурированный итог последних жизненных событий, я проснулась окончательно и открыла глаза.

* * *

На меня смотрели сразу три пары глаз. Причем вопросительно как-то смотрели, с любопытством и придыханием.

Три похожих друг на друга, как капли воды, девушки. Все в странных нарядах, что-то между кимоно и длинными, в пол, платьями. Цвета — розовый, голубой и фишашковый, такие нежные-нежные, чуть не пастельные. Вышиты цветами и бабочками.

Волосы у всех троих разделены на прямой пробор и заплетены в косы. По четыре (или шесть, мне с кровати не видно) косы, каждая заканчивается крохотным перламутровым шариком. Как жемчуг, только побольше.

Лица — очень милovidные, есть в них что-то восточное. Красиво вылепленные скулы, маленькие курносые носы, аккуратные губки бантиком. Глаза, как у оленят, широко распахнутые и темные, про такие принято говорить, с поволокой.

Заметив, что я проснулась, девушки развели руки в стороны, отчего рукава платьев-кимоно вспорхнули, как крылья бабочек и, сложив ладони на груди, поклонились.

Я ресницами захлопала.

— Здрaсти, — говорю чуть хриплым со сна голосом.

— Приветствуем, принцесса Таши Кинриу, — мелодичным голосом произнесла та, что в розовом. Она посерединке стояла, и, говоря, шагок вперед сделала.

После чего девчонки опять поклонились, а мне неловко стало. Хотелось им на вежливость как-то ответить, но сил странным образом не было. Тело как после долгой болезни, вроде и обновленное, но какое-то слабое и непослушное.

— Девчонки, заканчивайте кланяться, — попросила их и поинтересовалась: — А вы кто?

Ответила снова «розовенькая». То ли она у них за старшую, то ли

на нее сегодня пал жребий.

— Мы ваши джошу, принцесса.

— Джошу? — не поняла я и нахмурилась.

— Нам выпала высокая честь прислуживать вам.

— Эм, — вырвалось у меня. — Вообще-то я привыкла сама себе прислуживать... в смысле, заботиться.

— Вы слабы после оборота, принцесса, — мягко напомнила «розовенькая» и с этим было сложно поспорить. — Вам потребуется помощь.

Я привстала, опираясь на руки, что заставило поморщиться. Девчонки тут же подскочили и подложили под спину подушек. Стало удобнее и я вынуждена была признать:

— Помощь так помощь. Только без этих ваших поклонов, «вы» и прочего. Я себя на «вы» пока не ощущаю, а когда мне кланяются, кланяюсь в ответ. А поскольку сейчас ответить вежливостью на вежливость не могу, то и вы поберегите спины.

Длинная речь, которую слушали с вниманием и почтением, вымотала.

Я откинулась на подушки и часто задышала.

Одна из девушек протянула высокий узкий сосуд с зеленоватой жидкостью, который наполнила из графина на низком круглом столике.

— Выпейте, принцесса, и у вас прибудет сил для омовения и облачения.

Послушно приняла напиток. На вкус оказался кислым и освежающим, словно лимонный сок с яблочным разбавили, но при этом густой, как кисель. Морщась, стала пить маленькими глотками.

Пока пила, осмотрела помещение, в котором нахожусь.

Очень светлое, с высоченным потолком и окнами в которых не то, что человек, дракон пролезет.

Прозрачные и легкие, как паутинки, занавески нежно колышет ветер. Стены из прежде не виданного мной желтого мрамора с золотыми крапинками. Они искорками отражают солнечные лучи, и, если приглядеться, видно, что не хаотично разбросаны, а складываются в узоры. Очень красиво. Пол деревянный, покрытый лаком, только светлее стен, как и потолок, отчего создается впечатление, что мебель в помещении и сами стены висят в воздухе.

Мебель внушительная, деревянная, нежно-голубого цвета с

коричневой и золотой окантовкой, что только оттеняет красивый желтый цвет стен. А у меня почему-то ассоциацию с древнеегипетским стилем вызвало. Там тоже основные цвета: желтый, коричневый, голубой. И вот хоть золотинки-узоры в иероглифы складываются, они же и на мебели есть, ощущение, что богатство египетского стиля и минимализм японского совместили, и получилось здорово.

Кроме кровати под балдахином, на которой лежу, собственно, по стенам полки, есть два стола, письменный и пониже, круглый, несколько стульев и кресел, в которых запросто можно как на диване устроиться и зеркало во всю стену.

Я протянула девушке в голубом пустую склянку и поняла, что каким-то волшебным образом силы ко мне вернулись. Не совсем, но все же лучше, чем было.

— Прежде чем вы будете готовы приветствовать вашего отца, верховного предводителя Огненного дракарата, великого воина Мичио из клана Золотого дракона, позвольте помочь вам омыться и облачиться, принцесса, — поклонившись, сказала «розовенькая» девушка.

— Так, стоп, — сказала я, предупреждаяще держа ладонь перед собой: стоило мне попытаться встать, кинулись помогать втроем. Но если во всем полагаться на помощь, эдак можно долго провалиться. И дело здесь не в состоянии, а в человеческой натуре, которая, конечно, если ее постоянно не преодолевать, выберет, что полегче.

— Во-первых, — продолжала я, — заканчивайте с «вы» и поклонами. Если я ваша принцесса, то такой вот мой вам указ.

Лица девушек вытянулись, губы открылись буквой «о», и ресницами все трое часто захлопали.

— Ладно, — пробормотала, поморщившись, — по-крайней мере, пока мы наедине.

На миловидных личиках отчетливо проступило облегчение.

— Теперь давайте знакомиться, — сказала я, свешивая ноги на пол. — А то вы мое имя знаете, а я ваши — нет.

Девчонки недоуменно переглянулись.

— Зовите нас джошу, принцесса, — сказала «розовенькая». — Просто джошу, прислуга. К джошу принято именно так обращаться.

— Нет уж, — отрицательно покачала головой я. — Виталий Владиленович бы не простил, если бы я честь мундира опозорила.

Какое отношение к чести мундира имеет бизнесмен-отчим, я сама

не понимаю. Просто именно эти слова первыми пришли на ум и показались (мне лично) самыми убедительными.

— Итак, как нас мама с папой назвали? — поинтересовалась я в первую очередь, у «розовенькой».

Та испуганно оглянулась на остальных, и, сглотнув, представилась:

— Отец нарек меня Аки, принцесса.

— Таша, — упрямо сказала я и вопросительно на других посмотрела.

— Акико, — решила голубенькая.

— Акира, — потупившись, пробормотала «фисташковая».

— М-да, — пробормотала я. — Значит, папенька вам одно имя на троих выделил...

— Не совсем так, — осмелев, сказала «голубенькая», Акико. Стараясь не обращать внимания на шепот и тычки сестер, которые пытались образумить ее и даже дергали с двух сторон за рукава кимоно, она пояснила: — Аки — значит, осень, или яркая, потому что родились мы осенью, принцесса Таши. Акико — значит, умный ребенок, а Акира — яркий, ясный, рассвет.

— Хм, — призадумалась я. — А значить, папахен ваш проницательностью отличается.

Девушки горделиво поджали губы, скрывая усмешки и ответила на этот раз Акира, та, что в фисташковом.

— Отец — рожденный от дракона, принцесса. Интуиция и проницательность у таких людей и вправду невероятна.

Я попыталась вспомнить, что об устройстве драконьего мира Исам говорил. У дракона рождаются только сыновья, это раз. Не все способны пережить инициацию, или сохранить себя до нее, это два, соответственно, становятся они не драконами, а «людьми, рожденными от дракона». С драконьей кровью, то есть. Дочери от таких котируются выше некуда на рынке невест, поскольку способны родить драконам сильных и крепких сыновей, способных стать драконами, это три.

Значит, мне в сопровождение, или как у них тут выражаются «джошу», не простую прислугу выделили, а местную элиту. Прямо, как фрейлин для королевы, что говорит о том, что отец мой занимает здесь самый высокий пост. Это сразу и четыре, и пять. Ну, это мы итак знали.

— Что вы говорили о предстоящей встрече с отцом? — напомнила я девушкам.

Меня тут же увлекли в высокие деревянные двери с нежно-голубой отделкой, где, как оказалось, располагается моя личная купальня.

— Вам следует омыться и переодеться, принцесса, — сказала Аки.

— А позавтракать не следует? — уточнила я, когда в животе жалобно булькнуло.

— Конечно, принцесса... Таши, — под моим строгим взглядом исправилась Аки. — Завтрак будет подан сразу после того, как вам... (тут девушка, как ни старалась, так и не смогла перейти на ты и выкрутилась) как состоится церемония приветствия Мичио Великого!

— И мы сразу завтрак принесем, — торопливо добавила Акико. — Вы, должно быть, голоднее титанозавтра после перехода через пустыню!

— Все-таки два дня не ели! — поддержала сестру Акира.

— Сколько?! — ошарашенно выпалила я.

Оказывается, я две ночи провалялась (так говорить все-таки правильней, чем два дня, потому что сейчас, как я поняла, утро).

Только сейчас я заметила, что на мне легонькая и длинная ночнушка. На тонких бретелях, широкая, клешеная от груди, полностью скрадывающая очертания тела и все равно чуть прозрачная, как я мельком успела отметить, взглянув в зеркало.

— А как Исам? — спросила я, чувствуя, что краснею. — И Кеншин?

Девушки снова переглянулись, при этом мне показалось, что тревожно как-то.

— Что не так? — спросила я.

Ответила Аки, предварительно набрав в легкие воздуха и закатив глаза:

— Для женщины вы задаете слишком много вопросов.

— М-м? — у меня дар речи временно пропал.

— Аки, — осекла сестру Акико. — Принцесса Таши не ведает наших традиций и не знает, что...

Девушка осеклась, беспомощно кусая губы.

— Что женщине задавать вопросов не полагается? — закончила я за нее.

Все трое кивнули.

Я нахмурилась, раздумывая, уже сейчас начинать пропагандировать принципы эмансипации, или подождать до завтрака.

В животе снова жалобно заурчало и выбор был сделан.

— И все-таки, — нахмурившись, проговорила я. — Хотелось бы знать о судьбе своих спутников. С ними все в порядке?

Девчонки снова переглянулись.

Наконец, Аки ответила:

— Все гости вашего отца в добром здравии, принцесса.

А две другие закивали. При этом у меня создалось впечатление, что меня не то, чтобы обманывают, скорее, не договаривают чего-то. Я уж было хотела уточнить, чего, но моим вниманием собственная купальня завладела.

Минималистичная и роскошная одновременно, как все здесь.

Просторная, посредине ванная стоит, высокая, с плавными краями волной. В одном углу — небольшой бассейн, во втором углубление, и, судя по отверстиям в стене на уровне глаз где-то, душ, в третьем — что-то типа гладильной доски, но широкой и устойчивой, я так поняла, массажный стол, а в четвертом — пара кресел и низкий столик.

И все мраморное с золотом и в восточном орнаменте. Красиво — глаз не отвести.

Пока я озиралась и ресницами захлопала, меня к самой центральной ванной увлекли, называя ту «лоханью». Она уже наполненная водой оказалась, почти горячей, с пеной и ароматическим маслом. Принюхалась: лаванда и еще что-то неуловимое.

Вопросительно на девчонок посмотрела: вот как они узнали, что я люблю?

— Лавандовый аромат свежести, гордости и свободы, принцесса Таши, — смело сказала Акико. — Нам показалось, вам должен очень пойти. Мы добавили немного жасмина, нежного и загадочного, и получилось уравновесить слишком тяжеловесные нотки лаванды.

Я снова носом воздух потянула и вынуждена была признать: свое дело девчонки знают.

Быстро избавившись от сорочки, скользнула в ванну.

Теплая вода разнежила, стало снова клонить в сон. Правда, когда мне попытались волосы вымыть, да и меня саму, вежливо отказалась. Еще не хватало, чтобы меня тут аки какую барыню обслуживали. Ведь позору не оберешься. Смешно, ей-богу.

Когда с купанием и с массажем в четыре руки к моему вящему сожалению, было покончено, насухо вытерлась и по наущению

девушек, намазалась каким-то ароматным кремом. Он подозрительно шипел и впитывался в кожу, но неприятных ощущений не было, вместо этого в теле прибывала сила и легкость. Затем меня закутали в пышную банную простыню и снова проводили в комнату, которую они называли покоями. Ну что ж, покои так покои.

Самое интересное потом началось: одевание. Или, как девчонки его называли: облачение.

За нарядами девчонки еще в одну дверцу шмыгали.

Не удержалась, и, кутаясь в простыню, за ними пошла.

— Вот те раз, — вырвалось у меня.

Надо сказать, умеют здесь принцесс размещать. Полки, кронштейны, шкафы с ящиками и шуфлядками, и все это увешано какой-то царской одежей. Ожидаемо преобладал золотой цвет, а еще белый и пастельные оттенки. Платья, кимоно, рубашки, расшитые птицами и павлинами, какие-то накидки, платки, вышитые жемчугом и бисером туфельки на плоском ходу с задранными носами... Я ощутила себя героиней из сказки Шахерезады, а от всего этого великолепия как-то странно стало. Вот оно вроде и красиво, как в музее, а душно.

Зато, когда в уголке скромно стоящий свой чемоданчик увидела и три рюкзачка рядом, мой восторженный вопль заставил девчонок подпрыгнуть.

Правда, решено было с привычной одежкой не спешить, а доверится на первый раз приставленным ко мне сестрам. Да и интересно было.

Поэтому полностью положились на вкус девчонок и обратно, в свою опочивальню потопала, а они с ворохом тряпок, за мной.

Бельишко мне преподнесли закрытое, целомудренное. Трусики и маечку. Маечка с пуш-эффектом и вшитым бюстиком. Удобно. Хотя мы с Ариэлькой совсем другое бельишко предпочитаем. Максимум шика, кружев и «завлекалочки». И пусть, кроме нас, этого никто не видит, главное, мы знаем, что «там» все идеально и это очень на самооценке, кстати, отражается.

Вслед за бельишком последовала тоненькая сорочка на бретельках, длинная, с разрезами по бокам и чулочки, такие тонкие, что почти на ножках их и не видно, если бы не широкие кружевные резинки, было бы совсем незаметно. Поверх всего выдали кимоно с широкими, чуть не до пола, рукавами, с таким высоким запахом, что ключицы скрывает.

Воротничок-стойка придает наряду еще более целомудренный и одновременно какой-то царственный вид.

На ноги — расшитые жемчугом туфельки на небольшом каблучке.

Усадив меня на стул с высокой спинкой, девушки высушили подогретыми полотенцами волосы, а затем нанесли на них ароматное масло. Темные пряди заблестели и при этом разгладились, словно потяжелели. Потом девчонки в четыре руки соорудили высокую прическу, закрепив ее длинными деревянными шпильками с перламутровыми цветными шариками на концах.

Когда они с прической заканчивали, двери распахнулись и на пороге возникла еще одна девушка.

— Принцесса готова? — спросила она Аки... всех. — Верховный правитель идет сюда!

Меня рывком подняли со стула и вывели на середину комнаты.

Проходя мимо зеркала, бросила на себя взгляд.

Кимоно золотого цвета, расшитое драконами, несмотря на обилие ткани, сидит на фигурке, как влитое. И хоть не подчеркивает намеренно изгибов, как принято в привычном мне мире, невозможно не угадать хрупкое очертание фигурки под богатой тканью.

Высокая сложная прическа с выпущенными по сторонам от лица прядями, придает мне царственный и загадочный вид. Кожа после купания свежая, розовая, щеки чуть алеют. На контрасте с золотым цветом одеяния глаза так и сияют зелеными звездами. Не нужно быть знатоком психологии, чтобы видеть — в них застыло беспокойство. Губы нервно подрагивают. Вообще несмотря на торжественное одеяние вид у меня каким-то образом стал совсем юным и немного напуганным.

Если честно, то страшно было увидеть отца-дракона. Увидеть впервые за восемнадцать лет.

— Верховный предводитель Огненного дракарата, Мичио из клана Золотого дракона! — объявил звонкий голос.

А потом двери в покои отворились, и вошел он.

Глава 2

Одного взгляда на вошедшего хватило, чтобы понять — это мой отец.

Пространство смазилось, оставив в фокусе высокого широкоплечего мужчину с зелеными пронзительными глазами и волевым подбородком. Хищное, властное лицо, виски выбриты чуть не до макушки, иссиня-черные волосы заплетены в косы. На голове — золотой венец наподобие тех, что цезари носили, только этот украшен двумя золотыми крыльями.

Длинные золотые одежды из странной переливающейся ткани исходят сиянием. Распахнутый на груди камзол не скрывает выразительной мускулатуры и поджарого, в кубиках, пресса. Широкий пояс с круглой золотой бляхой, черные, в золотой росписи, штаны. На первый взгляд показались кожаными, но спустя секунду поняла, что это ткань, только такой в нашем мире я не видела.

Отец застыл шагах в десяти и рассматривал меня так же пристально, как я его.

Только сейчас поняла, что девушки в комнате, все, как одна, упали на колени и коснулись лбами пола, сложив ладони вместе и выставив руки перед собой. И, что совсем уж возмутительно, замерли в таком положении, явно ожидая высочайшего позволения встать.

Я на это действие нахмурилась, причем так выразительно, а отче и бровью не повел.

Его взгляд продолжал изучать меня. Пристально, не спеша. Что ж, решила я. Мне ведь тоже спешить некуда. Еще посмотрим.

На вид правителю Огненного дракарата можно было дать лет тридцать пять, но стоит взглянуть в его глаза и тут же меняешь мнение. Глубокие, пронзительные, совсем взрослые... и очень умные глаза. И... очень похожие на мои. Это сразу видно. Только глаза отче болотного оттенка зеленого, с золотыми искрами, а мои (должно быть, оттого, что у мамуль голубые) скорее изумрудные, с серебряными крапинками.

— Что ж, — наконец, изрек папахен, когда молчать, должно быть, надоело. — Стало быть, моя дочь дракон.

При этом в голосе его... не то, что громовые раскаты прогрохотали,

точнее, не только они. Скорее я услышала бурю, ураган, смертоносный вихрь, что крушит все на своем пути и треск лесного пожара.

При звуках его голоса (еще в совокупности с тяжелым взглядом) захотелось стать ниже ростом, а то и забиться в какой пятый угол и не отсвечивать. Но инстинкты — инстинктами, а мы люди, и, значит, рождены для того, чтобы над ними властвовать... Поэтому я только плечики еще больше расправила и подбородок вздернула. Что ж. Раз он со мной без приветствий и церемоний, то и мне можно.

— Ага, — отвечаю, стараясь попасть ему в тон. — Стало быть, мой отец — дракон.

По спинам склонившихся в поклонах девушек рябь пошла. И это взбесило. Показалось, что папахен специально такой ужас внушает, подчеркнуто не замечая, что его царственность рождает раболепие.

— Девчонки, — говорю им. — Вы бы встали. Сквозняки тут, не ровен час, простудитесь.

Надо сказать, взгляд отче каким-то совсем уж пристальным стал. Уголок четко очерченного рта дернулся, а затем он пророкотал:

— Оставьте нас.

Девчонкам второй раз повторять не пришлось. Не поднимая голов, подхватили полы кимоно и мотыльками выпорхнули из комнаты.

— Сильная, — сказал отец, глядя мне в глаза, оценивающе так. При этом он вроде как обращался ко мне, а вроде и говорил сам с собой. Что раздражало, потому что не привыкла быть пустым местом. Даже не пустым, а каким-то недостойным голоса местом. — Сможешь родить своему господину настоящих драконов. Это хорошо.

И вот такой тон отца, как поняла, выбран намерено. Он мне таким образом свое пренебрежение с порога решил показать, а еще указать на мое место. Это он зря. Потому что... не надо так с родными дочерьми, кого за долгие годы впервые видишь, вот.

— А знаешь, — проговорила я приветливо-холодно. Мы с Ариэлькой умеем на место ставить не хуже папеньки. У мамуль, кстати, научились. — Спасибо, что поинтересовался, как мамочка. Она цветет и пахнет. И, надо сказать, украшает наш мир.

Брови отца сошлись у переносицы, а взгляд больше изумленный, чем рассерженный. Если я правильно понимаю, ему же не перечил никто. Вот вообще никто.

В тот же миг в комнате стремительно потемнело, а еще как будто

резко закончился воздух. Только спустя пару секунд поняла, что это не в покоем темно стало, а у меня в глазах. Как поняла, что это что-то от отца исходит. Умеет отче страх внушать, и даже ужас. Неприятное состояние длилось секунд десять, а затем опять все в порядке стало. И по пристальному взгляду папахена поняла, что со мной какую-то хитро-магическую штуку отмочили нарочно. И сразу решила, что зря.

— Я рад известиям о твоей матери, — словно издеваясь, произнес папахен и глаза его торжеством сверкнули. А я еще больше разозлилась.

«Рада, что ты рад», — чуть было не вырвалось у меня, но сдержалась в последний момент.

Отче, тем временем, продолжал:

— Судя по тебе, твоя мать, находила чем заниматься в зеркальном мире, вместо того, чтобы воспитывать мою дочь.

Злюсь. Элементарно. Навесила при этом самую милую из улыбок и парирую:

— Мамочка растила меня как принцессу. Только, по ее словам, не драконью. И, спасибо, конечно, что моим воспитанием озаботился. Впервые за восемнадцать лет.

Отче снова нахмурился. Прежде, чем говорить, пожевал губами.

— Мать не говорила тебе, почему я отослал вас в зеркальный мир?

— Говорила, — ответила я. — Потому что у драконов не бывает дочерей. Поскольку непонятно было, что со мной делать, решено было отправить в мир, который ты называешь зеркальным.

Мне величественно кивнули. Я ресницами захлопала — и это все? И он считает, что я должна быть удовлетворена таким нехитрым объяснением? Это еще я не сказала, что знаю о том, что меня младенцем одну там бросить хотели, мамочка настояла, чтобы со мной поехать...

Злюсь, и при этом как-то не по себе от величия отца, его надменности и царской уверенности в себе.

— Теперь ты дома, — все также величественно произнес отец. — И сможешь выполнить твой долг, лежащий на тебе по праву рождения.

— Никаких долгов за мной не числится, — вежливо поправила я родителя. — Я вон, перед инициацией даже мастеру Горо последний спарринг сдала. Так что не надо меня моим рождением попрекать.

Говорю это, а у самой все внутри сжимается.

Так страшно было... так волновалась, прежде чем с отцом встретиться.

И вроде все идет, как надо, вон он какой — высокий, сильный, красивый просто нечеловеческой красотой. Еще и по местным меркам император, то есть, выражаясь их языком, верховный предводитель... Словом... Именно о таком отце мечтает любая девочка... А вот тепла в этой встрече нет. Ни на грамм. Не то, что не спросили, как вообще у меня дела, как и чем я жила все это время, не то, что моими успехами не поинтересовались, а ведь даже не поздоровались со мной! Да что там не поздоровались, не улыбнулись мне ни разу! И от этого такой осадок горький, как будто меня обманули. Я все-таки другого от этой встречи ожидала... Хотя бы немного... другого.

Вот и сейчас, посмотрел внимательно и пристально, и даже, как показалось, с каким-то сожалением. Словно я такую глупость лягнула, что отче за меня стыдно. А потом, видимо, в виде исключения, решил меня поправить:

— Долг дочери — следовать своему предназначению, выполняя заветы отца.

И так важно это сказал, что я от неожиданности сначала заморгала часто, а потом губу закусил.

— А такое понятие, как родительский долг, в этом мире есть? — мягко так интересуюсь. Почти смиренно.

Отче призадумался. Похоже, такая мысль, как родительский долг нечасто занимает его царственные думы. К моему удивлению, мне ответили.

— Долг отца — воспитать сильных сыновей, — наконец, сказал, он. — Долг матери — родить своему господину сыновей. И воспитать покорных и смиренных дочерей. Твоя мать со своим долгом не справилась.

Я даже зумами скрипнула. От злости. Потому что никто и никогда не смеет говорить о моей мамочки столь пренебрежительным тоном.

— А я считаю, — начала закипать я. — Что мамочка хорошо справилась со своим долгом. Прекрасно даже. Она всегда-всегда рядом со мной была. И она лучшая в мире мамочка, о которой только мечтать можно.

Мне, наконец, улыбнулись. Точнее, усмехнулись. Снисходительно так и как-то с сожалением.

— Ты женщина, дочь. Несмотря на то, что ты дракон, ты женщина. А женщина не имеет права на мнение. Просто потому, что мнения у

женщины нет. Есть флюгер, именуемый настроением. А то, что может меняться сотни раз в день, сложно обозначить какой-либо позицией.

Меня как обухом по голове шарахнули! И не столько от обидных слов, нет. По большей части от тона, которыми они были произнесены. От этой снисходительной ухмылки, от презрительного прищура умных, пронизательных глаз, от тяжелого взгляда.

Я перевела дыхание... А потом уловила внутренним слухом рев! Страшный, неистовый! Дракон внутри меня ревел, столкнувшись с несправедливостью, с незаслуженной обидой! Красная пелена встала перед глазами... Губы вытянулись в одну линию, а кулаки решительно сжались.

В этот момент страх перед болью, сопровождающей оборачивание, отступил на второй план. Это все не имело значения. Все было неважно, кроме отца, который стоял передо мной, скрестив на груди могучие руки.

Отца-дракона, упивающегося собственным величием, отца, который в грош не ставил не то, что мое право на равенство, мое право на мнение!

Будь, что будет, решила я, чувствуя, как тело медленно наливается огнем, готовясь к обороту. Я покажу ему, кто я. Покажу, что я дракон!

Тело начало вибрировать, жидкий огонь растекался по венам, грозя сжечь изнутри. Внутренний рев зазвучал громче и был протяжный, похожий на зов... А потом вдруг затих.

При этом меня качнуло, повело в сторону. Сознание помутилось, как бывает перед обмороком.

Нечеловеческим усилием я осталась на ногах. С трудом перевела дыхание и подняла голову. Расплывшиеся границы мира понемногу обретали очертание. Наконец, я смогла разглядеть отца.

Спокойного, величественного. С иронично приподнятой бровью.

Сначала он просто смотрел на меня долгим взглядом, от которого хотелось скрыться, затем, дернув уголком рта, заговорил.

— Ты не обернешься, дочь. Ни здесь, ни где-то еще на землях Огненного дракарата, — величественно сказал он. — Потому что этого не хочу я. Ты не владеешь драконьей магией, при этом находишься в ее поле. В поле, где все драконы подчинены сильнейшему на глубинном уровне. И сильнейший во всем дракарате — я. Кроме того, твой дракон юн. И он, как и все остальные, на инстинктивном уровне покоряется

силе. Здесь я — средоточие силы, дочь.

Не успела я толком осмыслить сказанное, отец жестко припечатал:

— Когда войдешь в дом мужа, средоточием силы станет твой муж.

— Но, — вырвалось у меня изумленное. — Но ведь ты сам сказал, что я дракон...

Меня окинули пристальным взглядом с ног до головы. Причем непонятно, остались довольны увиденным, или нет.

— Тем более сильных сыновей ты подаришь своему господину, — невозмутимо ответил отче.

Вдох-выдох. Привести дыхание в норму. Он не должен знать, что довел меня. Не дождется. Еще раз вдох-выдох.

— У меня никогда не будет господина, — процедила я. — Я личность, я женщина и я дракон. Рада была знакомству, но злоупотреблять твоим гостеприимством я не собираюсь.

Отец иронично приподнял бровь.

— Вот как?

— Именно, — кивнула я. — Именно так. Я сюда вообще ради Альма-матер приехала. Туда и направлюсь.

Я всего ожидала, но только не смеха. Жесткого. Властного. И, что особенно обидно, искреннего. Смеялся отче долго и с удовольствием. А когда стих, за спиной что-то зашуршало.

Я оглянулась — на подоконнике сидела кошка. Белая, пушистая, с треугольной мордочкой. Должно быть с ветки раскатистого дерева на подоконник перебралась. Я толком вид из окна разглядеть не успела, но то, что справа дерево растет, заметила.

Не обращая на нас с папахеном решительно никакого внимания, котейка уселась на солнышке и принялась умываться.

И тут отец меня потряс.

Величественно прошествовал мимо открывшей рот меня, прямо к пушистой гостье. А потом... принялся гладить ее. Кошка умываться перестала, глазищи сощурила и на морде абсолютное блаженство. Замурчала так, что мне, шагах в пятнадцати, слышно, как будто у нее там басы встроенные. Мурлыча с каждой секундой все громче, она принялась тереться об огромную ручищу отче, изгибаясь при этом и норовя обхватить родительскую конечность пушистым хвостом.

— Удивительные создания кошки, правда? — как ни в чем ни бывало, обратился ко мне отец, повернувшись.

Я только и могла, что ресницами хлопать.

— Такие мягкие, такие приятные на ощупь... и при этом независимые. Только их независимость немного другая, чем в твоём понимании, дочь. И все же они гармоничны. И в этом мудрость природы. Женщины похожи на кошек.

— Да уж, похожи, — скривилась я. — Куда там! Вон эти, которые на «джошу» откликаются, а не на свои имена, прям такими независимыми были, когда у твоих ног копошились. Прямо как кошки. Тьфу, смотреть противно.

Отче посмотрел на кошку, на меня и как-то задумчиво пожевал губами.

А потом гладить белую шерстку перестал, убрав руку за спину. Кошка выгнулась, мол, куда делись погладушки? Еще хочу! Недолго думая, она спрыгнула на пол и начала тереться о ноги родителя. Тот продолжал смотреть на меня и при этом победно улыбаться.

Затем побарабанил пальцами по подоконнику.

Пушистая, видимо осознав, что снисходить до нее не собираются, одним прыжком вскочила на подоконник и с блаженством подставила спинку под новую порцию ласки.

— Вот какая польза от кошек, Таши? — спросил отец, словно в пустоту и впервые назвал меня по имени. — Кроме того, что они красивые, мягкие и пушистые? Никакой.

— А мыши? — вырвалось у меня и на меня же посмотрели как-то с сожалением.

— Но их приятно гладить, на них приятно смотреть, когда их кормишь, они мурчат, — продолжал воспитательную работу отче. — То есть получается, одна цивилизация живет за счет другой, и при этом все довольны, потому что все на своих местах. Если бы кошки задумали состязаться с нами в силе... Боюсь, их бы ждала незавидная участь.

И снова окинул меня оценивающим взглядом.

— Я поняла, куда ты клонишь, — чувствуя, что силы возвращаются, а значит, закипая от ярости, сказала я.

Вот понимаю, почему мамуль все сделала, чтобы мы с папахеном не встретились. А еще Исам вспомнился. И подумалось, что не все драконы такие уж шовинисты. Некоторые, должно быть, в силу возраста, подлежат воспитанию.

— Но среди кошек есть и более крупные и более независимые

представители, — продолжаю я, стараясь говорить, как отче, деловито, спокойно, величественно, раз уж такое дело. — Тигры, гепарды, пантеры... Может, в схватке с драконом они и не выстоят, но что-то мне подсказывает, тереться о ноги тоже не поспешат.

Отец нахмурился. Вид у него был задумчивым.

— Ты, должно быть, думаешь, что и драконы не все одинаковые? — спросил он и я вздрогнула, потому что отец словно прочел мои мысли. Потом вспомнила, что драконам свойственна развитая интуиция, и немного отпустило.

— Да, — не стала вилять я. — Думаю. И не просто думаю, а знаю. Как знаю и то, что за мной из Альма-матер драконьей прислали. Документы, или что там у них принято...

— Из Альма-матер присылают вызов, — подсказал папахен.

— Вот, вызов, спасибочки, — проговорила я. — И я инициацию прошла. И драконом стала. А значит тебе, отец, со своими планами на не виденную восемнадцать лет дочь, обождать придется.

— Пятнадцать лет, — спокойно поправил меня отче. — Именно пятнадцать лет назад я отправил твою мать с тобой в зеркальный мир. До этого скрывал вас в другом месте.

Пятнадцать? — пронеслось в голове. — Значит, я помнить этот мир должна. А потом поняла: я и помню. Отсюда мои сны, фантазии, которые всегда принимала за выдумку... И отсюда такое мощное ощущение *déjà vu* в этом мире. Как будто я с ним не заново знакомлюсь, а просто вспоминаю.

— Ты скрывал нас в стране Идзумо? — осенило меня. — Там, где священная гора Сусаноо?

Отче хмыкнул, но не ответил. И не очень-то и хотелось.

— Ладно, неважно, — пробормотала я, потому что итак поняла, что многое вспомнила, а не придумала. — Как бы то не было, вызов этот самый из вашей Альма-матер за мной пришел. И с этим ты, отче, сделать ничего не сможешь.

Отец руки на груди сложил, отчего кошка, лишенная ласки, заурчала в три раза громче.

— Тебе про вызов в Альма-матер Ичиро Исами сказал? — спросил он, и тон при этом какой-то странный.

— А что? — решила уточнить я.

Отец снова чуть губами пожевал, словно усмешку прячет.

— А то, что вызов в Альма-матер и есть пропуск в нее, сын предводителя Ледяных уточнил? И что без пропуска там делать нечего. Тебя просто-напросто не пропустит магический полог, покрывающий Долину Знаний.

Я нахмурилась. Вроде такого разговора не было, но с другой стороны, я и сама не спрашивала, да и как-то некогда было. То одно, то другое... Сюда, между прочим, спешили! Знала бы...

В общем, я промолчала. Но при этом выжидательно на папахена смотрю.

Тот прищурился и как-то победно усмехнулся, прежде чем продолжить.

— Так пропуск в Альма-матер Ичиро Исами тебе отдал?

Я опять молчу, тем более что на это сказать мне решительно нечего.

— Нет? — деланно удивился отец. — Ну так знай, дочь. Что и не отдал бы.

От этих слов больно стало и дыхание перехватило, как будто в солнечное сплетение ударили, что называется, под дых. Знаем, били. Не все студенты (да и препода) честны во время боя.

Отец же явно перемену во мне почувствовал, потому что продолжил.

— Женщина лишь орудие, чтобы сделать сильнее мужчину, — сказал он. — Но не быть сильной самой.

— Теперь я понимаю, почему мама свалила отсюда, — процедила я сквозь зубы. — Сумасшедший мир.

Стоило прозвучать упоминанию о маме, как отец нахмурился.

— Твоя мать Джун, — задумчиво проговорил он. — Ты знаешь, что ее имя значит «послушная»?

Не дождавшись от меня ответа, что, впрочем, отца ни капли не смутило, он продолжил:

— Послушная Джун из клана Огненной птицы... Непослушание она проявила только однажды.

— Когда ты меня спровадить решил, а мамуля со мной вызвалась? — вырвалось у меня.

Видно было, что воспоминание об этом отцу неприятно. Нет, на лице его это никак не отразилось. Просто я почувствовала. Драконья интуиция, наверно.

— Это было мое решение, — чуть скривившись, ответил отец, и я вспомнила, что мама говорила о том, что он должен был ей желание, за мое рождение.

— А, — догадалась я. — Когда за Виталия Владиленовича замуж вышла. Так он, если что, замечательный мужик. О таком отце каждая девочка мечтает. А каждая женщина — о таком муже.

Шевеление воздуха — и отец, с которым нас только что разделяло около пятнадцати шагов, оказался рядом. Глаза сверкают зеленым пламенем, при этом зрачок вытянулся, губы поджаты. Показалось, что сейчас ударит.

Вспомнив о закалке, полученной благодаря мастеру Горо и остальным преподам, отличающимся особым садизмом, еще больше распрямила спину, хотя куда еще-то, не отводя взгляда от отца. Губы поджала. Нет, что он меня в два счета уделает, я как-то не сомневалась. Но и сдаваться или отступить, или как всякие кошачьи там о ноги тереться не собиралась.

И отец ударил.

Только не делом.

Словом.

Нехорошо усмехнувшись, он произнес:

— Ты знаешь, что я пообещал тебя кланам?

При этом продолжал глазами буравить, и от этих вытянутых зрачков и зеленого пламени было, если честно, жутко.

Я взгляда не отвела (исключительно... не знаю уж, благодаря чему) и нарочито спокойно ответила:

— Двум, знаю. Из Подземного Дракарата и Ледяным.

Глаза отца полыхнули торжеством.

— Всем, — сказал он, наслаждаясь моей реакцией.

Хотя я, конечно, в обморок не грохнулась, на ногах устояла, да и покер-фейс... Но это короткое слово будто шокером шарахнуло.

— За мою дочь будут биться сильнейшие, — добавил отец.

Я промолчала. Потому что не знала, что на такое сказать.

— Сегодня, — с нажимом сказал отец. — В общем зале меня с моей дочерью поприветствуют сильнейшие представители драконьих кланов. Все, кто будет биться за тебя.

— Рыцарский турнир? — поинтересовалась я. — Боюсь, турнир опоздал.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил отец.

— Ничего, — ответила я. — Кроме того, что победитель предопределен.

— Предопределен? — переспросили меня, нахмурившись.

Я кивнула.

— Я уйду из твоего дворца и с твоей земли с Ичиро Исами, первым сыном предводителя клана Ледяного дракона.

Ухмылка у отца какая-то совсем нехорошая стала.

— Почему ты так решила? — спросил он.

— Потому что его выбрал мой дракон, — просто ответила я.

Отец смерил меня долгим взглядом, и, не говоря ни слова, вышел.

Глава 3

Я подошла к окну. Уперевшись руками в подоконник, который успела покинуть кошка (сбежала, зараза хвостатая, как только папахен ушел!), высунулась наружу и глубоко вдохнула. Повторила глубокий вдох и не менее глубокий выдох несколько раз.

Понемногу ритм сердца пришел в норму.

Опустила взгляд вниз — высоко. Не для дракона, конечно. Для человека. Если с нашими домами сравнивать, этаж шестой примерно.

Внизу песчаные дорожки, пышные клумбы, аллеи. Сад. Деревья здесь огромные. Самое большое тянет ветки в сторону папочкиного дворца. По ним и скользнула в комнату бесстрашная кошка, которой уже след простыл.

Я задумчиво перевела взгляд на небо. Синее, чистое, прозрачное. И потянуло в эту синеву со страшной силой. А потому чуть не зарычала в голос.

Это что же получается — мало того, что я, оказывается, не имею права на мнение (собственно, вообще мало на что право имею, даже ни на что, кроме, разве что права на место породистой кобылицы в доме мужа-дракона), так я еще в папочкином дракарате обернуться не могу? И, несмотря на мое заверение в том, что мой дракон выбрал истинную пару, его слушать никто не собирается? Моего дракона?!

Если честно, первое чувство было, когда встретила и заговорила с отцом — страх. Вот просто страх, потому что он элементарно сильнее, старше... чего там, умнее.

А потом злость. Просто злость, и все тут.

На это индюшачье (извините, драконье) самодовольство, на откровенное пренебрежение. Мной, как дочерью. Как личностью. Как драконом.

Все больше и больше понимаю мамочку, почему она навсегда закрыла для себя двери в этот мир. Потому что быть рядом с таким вот... пусть и величественно-блистательным драконом — умным, сильным, властным... Но быть для него чем-то сродни домашней кошке, которую хочешь — гладишь, для своего же, кстати, удовольствия... А хочешь — другую кошку гладишь... Они все только

и ждут твоей ласки и твоего внимания...

И вот вспомнился отчим. Тоже сильный. Тоже властный. Надежный.

Вспомнились его слова, которые на всю жизнь в память врезались. О том, что никогда и ни при каких обстоятельствах не будет самоутверждаться за счет женщины, просто потому, что она слабее. И на этом все. А это значит, что мамочке рядом с ним просто хорошо, уютно и безопасно. Настолько безопасно, что она даже скандалит с удовольствием, прямо с апломбом, театрально и... с любовью. И все в доме знают: вслед за мамочкиным возмущением последуют объятия и поцелуи. А потом она еще что-нибудь придумает.

Здесь женщин и мужчин я особо пока не видела, но вот реакция девчонок джошу на появление папахена, если честно, покорила.

Пока я стояла у раскрытого окна и рассуждала, дверь в покои отворилась.

Три уже знакомые девушки внесли подносы разной степени наполненности.

Тут же в воздухе замелькали ароматы съестного, а живот заворчал, на этот раз так жалобно, что решено было все планы по диверсионной тактике отложить на потом.

Ничуть не возражая, позволила увлечь себя к словно по мановению волшебной палочки, сервированному столу.

Что ж, судя по всему, голодом здесь морить не собираются.

Мясо нескольких видов, птица, блюдо с сырами и крупными маслинами, какая-то ароматная каша, не поняла, из какой крупы, скорее всего, у нас такой просто нет, с овощами, шпакки с запеченным сыром и маленькими вялеными томатами, хлеб трех видов, от пышного белого каравая, нарезанного тонкими ломтями до небольших круглых лепешек и черного, с семенами и сухофруктами, масло... А кроме этого, огромное блюдо с фруктами: несколько видов хурмы, те самые виденные мной уже розовые лимоны, что-то похожее на папайю и манго...

— Эм... — вырвалось у меня.

— Мы не знали, что вы любите, принцесса, поэтому принесли всего понемножку, — сказала Аки.

— Понемножку, — хмыкнула я, но на этом слова закончились, потому что все оказалось просто умопомрачительно вкусным, но еще,

подозреваю, двое суток голода сказались. Поэтому уписывала предложенное за обе щеки, со скоростью, которая сделала бы честь драконам...

Наконец, сыто отвалилась на спинку стула и насладилась охлажденным травяным отваром.

— Аки, — спросила я стоящую ближе всего девушку (как ни пыталась уговорить их присесть, не удалось. Заявили, что все то время, пока я с папахеном беседовала, сидели себе, отдыхали, а я, значит, на ногах). — Это я, получается, здесь типа пленница и меня из покоев выпускать не велено?

Девчонки переглянулись. Тревожно как-то.

Потом Аки забормотала:

— Вы принцесса Таши, дочь верховного предводителя Огненного...

— Это я помню, — перебила я девушку. — Мне отсюда выходить дозвоительно, или это что-то вроде золотой клетки?

— Вы имеете ввиду, выйти в сад, принцесса? — осторожно спросили у меня.

Ну, в сад, так в сад. Начнем с малого.

Уже покинув покои, я пожалела, что не переоделась в привычные вещички. Потому что местные наряды для нормального, энергичного променада не предназначались. К слову, мало для чего они предназначались, кроме неспешных прогулок по парковым аллеям и дворцовым залам. Потому что я в юбках этого кимоно путалась, а еще они, юбки узкие какие-то, на нормальный строевой шаг не рассчитаны. Но возвращаться в покои не хотелось, ощущение, как в детстве — домой пойдешь, а мама загонит обедать. Мамы здесь не было, и дома не было, и вот это было совсем печально. В общем, потопала я за девчонками по коридору.

К моему удивлению, лифт здесь был. Принцип работы механизма остался за кадром, потому что электрических розеток и вообще электричества здесь вроде как не наблюдала, но лифт, который вместил бы двадцать таких как мы с тремя Аки, работал слажено, исправно и очень плавно. Я про себя до десяти досчитать не успела, когда его створки распахнулись и не закрывались, пока мы не вышли. А вышли мы сразу в сад. Прямо такой, как на картинках со страниц детских сказок.

Пышный, зеленый, с невероятным количеством цветов на клубках самых разных форм и размеров, с беседками, какими-то тонкими и изящными, словно кружевными, скамеечками, фонтанами с разноцветными рыбками и павлинами на дорожках.

Откуда ни возьмись, на дорожку перед нами выпрыгнула то ли мартышка (судя по ушастой мордочке), то ли белка (судя по размерам и хвосту), и, встав на задние лапки, передними постучала по животу.

— Как тебе не стыдно попрошайничать, — возмущенно сказала я зверьку. — Ты — дикое и вольное животное.

Белка склонила голову набок, как будто понимает, а потом похлопывание по животу повторила.

Я рассмеялась и обернулась к девчонкам, поинтересовалась, нет ли у них орешков. Орешков не нашлось и поэтому мы прошли дальше.

Несколько раз нам встречались женщины. Красивые, в роскошных нарядах, но какие-то странные, не отвечали на мое «здрости», вместо этого так и буравили взглядом. Все в сопровождении джошу, те глаз поднять не смели, но зыркали искоса.

На мой вопрос, а где, собственно, хотя бы один заваливший дракон, девчонки часто заморгали.

— Это женская половина дворца, — сказала, наконец, одна из девушек. — Сюда драконы не заходят.

— Эм, — вырвалось у меня. — Это я, что ли, в гарем попала? Я раньше только читала о таком. Любопытно, конечно, но мне бы потолковать кое с кем. Блондинистым. По поводу моего то ли вызова, то ли пропуска в Альма-матер. Короче, насчет документов.

Девчонки переглянулись с таким видом, мол, о чем она.

Ладно. Не дождавшись вразумительного ответа, пошла дальше. И вот вся эта старательно созданная красота какой-то чересчур уже казалась. И улыбки у девушек слишком уж наигранными. А глаза женщин, которые по дороге встречались (мне объяснили, что это жены и наложницы отца) — злыми.

Через какое-то время ожидаемо натолкнулась на ограду. Белую, изящную, как и все здесь. В форме эдакой кружевной решетки, плющом увитую. Высокая, метра три. Для человека высокая. Мне, если бы только была возможность обернуться... высокой бы не показалась. Мимо ограды шла долго, больше из упрямства, чем из любопытства. Итак было ясно, что как породистая кобылка, угодила в загон и никто

меня отсюда без приказа светлейшего (или верховнейшего?) родителя не выпустит. И это все больше и больше злило.

Наконец, когда обошла полсада где-то, а девчонки мои даже запыхались и бросали на меня какие-то укоризненно-жалобные взгляды, прибежала еще одна джошу. Тоже с несколькими косичками с шариками, в кремовом кимоно в бабочках.

Поприветствовав меня почтительным поклоном (я тоже руки у груди сложила и склонилась перед ней, потому что невежливо было бы не склониться, правда, девчушку это, похоже, больше напугало, нежели обрадовало), она дрожащим голосом объявила, что мне следует прошествовать обратно в покои для переодевания. Мол, торжественная церемония скоро, представление драконам, битва сильнейших и все такое...

На мой вполне резонный вопрос — а этот наряд, что на мне, он как, не для торжественных случаев, на меня посмотрели, как будто я не из другого мира прибыла, а, скажем, с луны свалилась. Вот только что, на глазах у этих четырех. Из чего сделала вывод, что нет, не торжественный. Повседневный.

Поразмыслив, чем сие (переоблачение), а собственно, и сама торжественная церемония мне грозит, и придя к выводу, что ничем особенным, кроме того, что Исама встречу, а значит, смогу об Альма-матер поговорить, я решила ответить согласием на приглашение «возвратиться в покои».

При мысли о том, что увижу блондинистого дракона, в груди становилось жарко, ноги и руки наливались странной сладкой тяжестью, а щеки начинали предательски краснеть. Гормоны всех миров, объединяйтесь, называется.

Я, конечно, все эти гормональные бунты пресечь пыталась, и даже делать вид, что решительно ничего не происходит, а в груди у меня теплеет, стоит только о нем подумать, так это из-за того, что он теперь — мой пропуск отсюда. Из золотой клетки, в которой родитель меня запер, и при этом не скрывал, что в ближайшее время у меня появится новый, тьфу, господин.

А еще как-то по-детски было обидно, хоть поняла уже, что глупо от отца ждать участия к моей жизни, как, скажем, от отчима... но все равно ком в горле вставал, стоило подумать, что ему вообще плевать. Посмотрел на дочь-дракона, решил, что подходит в качестве награды

«сильнейшему», и все. Ни о детстве расспросить, ни об увлечениях, о мечтах...

Виталий Владиленович постоянно занят был, но никогда не забывал спросить, о чем я думаю, о чем мечтаю, как представляю свою жизнь в будущем...

Почему-то казалось, что Исам бы и расспросил, и выслушал. И хоть отче как-то слишком уж глумливо намекнул на то, что вызов в Альма-матер Исам мне не отдал, все же, хотелось верить, что это оттого, что просто не до этого было, и все тут.

В покоях работа кипела полным ходом. Все было завешено какими-то тряпками, я имею ввиду, нарядами, на длинном столе у стены переливалось что-то, судя по блеску, украшательное.

Незнакомые мне девушки в похожих нарядах спорили, что лучше «подойдет принцессе для торжественной церемонии»... Я меланхолично жевала сладости и попивала кофе с молоком (на счастье он здесь есть, оказывается, и мне Акира его прямо на крошечной жаровне, что приволокли прямо в покои, варила), и поэтому стоически терпела собственное переодевание.

Кимоно «для выхода в свет» мне выбрали не просто расшитое золотом, а вроде как драгоценными камнями усыпанное и оттого тяжелое, чуть не в несколько килограмм весом. Длинное, до земли, но расклешенное, и в разрезах нижняя нежно-голубая юбка видна, а в вырез на ключицах — нижняя рубашка из той же голубой ткани, по канту жемчугом отделанная. Рукава у кимоно с разрезами, от локтя, и спускаются практически до пола. Туфли дали тоже золотые, на вид — твердые, на ощупь изнутри — мягче тапочек.

После того, как кимоно на меня водрузили (слово надели все же какое-то не то), и поверх широким поясом обмотали, я почувствовала себя в футляре.

Но больше всего прическе досталось: в нее воткнули двух золотых птиц по бокам, и одну спереди на букли посадили, каких-то золотых с камнями шпилек навтыкали, с висюльками, поверх этого всего — золотую сетку с крыльями. Я так поняла, это у них здесь вроде короны.

Как в зеркало себя увидела — не узнала. Передо мной стояла золотая кукла, правда, с моим лицом и нахмуренными бровями. Правда, это меня совсем не портило. Даже наоборот, казалось, что с таким «футляром» некая стервозность вообще должна в комплекте идти.

А затем... я не поняла, что произошло. Я скорее почувствовала, нежели услышала, тяжелые шаги за дверью.

— Отец, — сказала я девочкам, которые порхали вокруг, довершая мой образ последними штрихами, поправляя складки, нанося блеск на губы и подводя темной краской нижнее веко (эх, сказали бы раньше, я бы им свою косметичку на разграбление предоставила, не жалко. Хотя их стараниями итак получилось шикарно).

Отец вошел снова после предварительного объявления.

Окинул меня оценивающим взглядом, непонятно, остался доволен или нет. Вроде кивнул, значит, доволен. Хотя мне все равно, если честно.

— Ты готова предстать перед сильнейшими из кланов Огненного, Подземного и Воздушного дракарата? — спросил отец.

Я чуть не спросила, а Водный куда делся, а потом вспомнила, что у них вроде как чуть ли не война с ними. Собственно, из-за этого сыр-бора меня и вытащили в этот мир. Кажется, папахен с помощью моей руки (и меня в придачу с вредным характером, чего уж там) хочет... кажется, поддержки кланов, что ли.

И вот мне показалось, или в голосе отца сейчас гордость прозвучала?

— А можно вопрос? — спрашиваю.

Папахен нахмурился. Девчонки-джошу побледнели.

Я вспомнила, что женщине вроде как не принято тут задавать вопросы. И тем не менее посмотрела на родителя так выразительно. Интересно, опять будет изображать из себя такого всего властного и блистательного или поучать меня примется?

Но, к моему удивлению, мне величественно кивнули.

— Спрашивай, — милостиво разрешили.

— А зачем тебе все это надо? — честно спросила о том, что больше всего интересовало. — Маскарад этот весь, с помещением меня в этот футляр и представлением неким драконам?

Папахен брови нахмурил, а я, пользуясь его молчанием, продолжила.

— Я же, как была тебе не нужна восемнадцать лет, так и дальше не понадобится? Неужели нельзя было мою передачу или как там у вас это принято по-быстрому обстричь и всего делов? Без вот этого вот апломба, суровый отец и покорная дочь, что характерно?

Отче меня таким взглядом смерил, что не по себе стало. Но отступать я не собиралась. Сам же спросить разрешил. А еще мне во все это почему-то не верилось. Вот не верилось и все тут. Ну не бывает так, чтобы студентку двадцать первого века как какую-то породистую кобылицу, словно на торгах какому-то драконьему клану отдавали. Вот не бывает, и все тут.

Отче молчал, но взгляда не отводил, смотрел. Причем вопросительно так, мол, это все? Или у меня еще что сказать, есть?

А у меня всегда найдется, что сказать.

— Если тебе все равно, что истинная пара у меня есть, — продолжаю я. — Из этого один вывод напрашивается: у тебя есть на примете, кому меня пристроить. Или я ошибаюсь? А раз так, то к чему это шоу?

Отец чуть нахмурился, словно думал, отвечать или нет. А потом проговорил:

— Море потому велико, что не пренебрегает мелкими речками.

Я стою, ресницами хлопаю.

— Это все? — спрашиваю. — Весь ответ? Спасибо.

— Это мудрость Водных драконов, — сказал отец. — Если я хочу противостоять врагу, я должен мыслить, как враг. Стать им.

— Стать своим врагом?

Я нахмурилась, подозревая, что отвечать мне не хотят, мудрствуя в ответ исключительно из вредности. И впервые мысль закралась, что моя собственная вредность, она у меня не просто так.

Отче же, внимательно глядя на меня, продолжал:

— Солнце не знает правых. Солнце не знает неправых. Солнце светит без цели кого-то согреть. Нашедший себя подобен солнцу.

— Ага, спасибо, — сказала я, кивая. — Очень поучительно. Пошли. Нас заждались твои драконы, поди.

Отец усмехнулся. Показалось, что ему нравится, что не трясусь и не падаю в обморок, а вполне себе храбрюсь даже. Как умею.

Ну а как мне реагировать, если по-человечески со мной общаться он не желает? Не очень-то и хотелось, значит. В конце концов, у каждого своя гордость.

— Водному дракарату никто не бросал вызов, дочь, — сказал Мичио Кинриу, верховный предводитель Огненного дракарата. — Слишком они многочисленны и сильны.

Отец выдержал театральную паузу.

— Предводитель, — говорю, причем глаза папахена при этом нехорошо сверкнули, зацепило, значит, что не отцом назвала. А я покерфейс и ресничками хлопаю. — Ты же предводитель, а не драматург. Ты к чему это все?

Снисходительно усмехнулся. А взгляд при этом жесткий. Хищный. Почти жестокий.

— Увидев мою дочь на общем собрании в главном Святилище Огненного дракарата, каждый из сильнейших воинов кланов захочет получить ее.

— Ну и что? — спросила я. — И что, что каждый захочет? Получит-то в итоге один.

И перед глазами предстал некто блондинистый. И, боюсь, при этом какая-то глупая улыбка вылезла.

Отец новым взглядом на меня посмотрел. При этом в глазах его мелькнуло сочувствие.

— За честь сражаться за мою дочь в поединке сильнейших каждый клан обязан поддержать меня в противостоянии Водному дракарату, — наконец, снисходительно пояснили мне.

— А, вот оно как, — протянула я. — Так это фарс, значит. С самого начала и до конца. Фарс и политика. Что ж, пусть сражаются. Отчего бы мечами не помахать... или чем там у вас, у драконов, принято. Все равно и ты, и я знаем, что мой дракон выбрал истинную пару. И меня выбрали.

При этом, чувствую, щеки покраснели. А я себя как-то уверенней почувствовала.

Отец на меня посмотрел как-то странно, даже показалось, с жалостью, и ничего не ответил.

— Ты готова? — спросил он. — Или есть еще вопросы?

— Родительское напутствие будет? — спрашиваю, а сама злюсь.

— Сделай всё, что сможешь, — сказал отче. — А в остальном положишься на судьбу. Ты, все что могла, сделала, дочь. Смирись. Чем раньше это случится, тем лучше.

— Смиренных дочерей надо было растить в этом мире, — ответила я, и, прежде, чем отец успел снова углубиться в пространственные рассуждения и мудрость, объявила. — Я готова. Кого ждем?

Я ожидала, что мы, как положено, выйдем через дверь, ну, не знаю,

спустимся на лифте и пойдём... где там у них это Святилище главное находится? Вместо этого отец шагнул ко мне и взял за руку, как тогда, когда с драконами из другого мира в этот перемещались.

Отец сделал какой-то пас рукой и я часто заморгала, оттого, что голова закружилась.

Отец держал меня крепко, словно ожидал, что меня поведет в сторону.

А я открыла глаза, и пока моргала, временно ослепленная обрушившимся со всех сторон светом, чей-то голос объявил:

— Верховный предводитель Огненного дракарата Мичио Кинриу с дочерью Таши Кинриу.

Зрение вернулось и я еле сдержалась, чтобы не ахнуть.

Мы стояли на возвышении.

В месте, похожем на старинный амфитеатр. Под открытым небом, пронзительно-синим. И белое солнце в самом зените. А вокруг, на полукругом окружающего помост ступенях, стояли драконы. Со светлыми, темными, красными, коричневыми волосами. Коренастые и более вытянутые, разной комплекции и степени рельефности, но неизменно с выразительной мускулатурой, в искрящихся на солнце одеждах, распахнутых на груди, с четкими, словно нарочно выверенными линиями. С разными лицами и глазами, но одинаковыми взглядами. Хищными. Изучающими. Вождедеющими.

И эти вот взгляды, все устремлены на меня.

А еще они не толпой стояли, а на отдалении друг от друга, и я поняла, что это для того, чтобы взлетать было проще. И тут меня осенила догадка: должно быть, они будут биться в воздухе. И сама мысль об этом такая захватывающая и волнительная была, что я чуть было знакомое смуглое лицо не пропустила.

Кеншин заметил мой взгляд, улыбнулся, обнажив белые зубы, и кивнул. С таким же самоуверенным видом, словно только что расстались.

Я нашла взглядом Исама. И стоило увидеть его, как мир вокруг блондинистого привычно утратил очертания, а внутри ухнуло.

Исам тоже улыбнулся, ободряюще и кивнул. И на этот раз я сказала ему взглядом:

— Я в тебя верю.

Глава 4

Солнце нещадно палит, золотой футляр, что водрузили на мои хрупкие девичьи плечи, весит неизвестно сколько, драконы пялятся в открытую, а у папахена на морде лица такая победная ухмылочка. Увидел, значит, какая на меня реакция у сильнейших драконов кланов, то бишь, женихов, и просиял!

Только вот забыл, что у меня на свою жизнь свои же планы. И с ролью породистой кобылиц в одном из местных гаремов планы эти ну никак не связаны!

— Здесь сильнейшие кланов, — сказал мне папахен, не поворачивая головы. — И каждый из них жаждет получить дочь дракона. С такой поддержкой Водный дракарат не устоит против нас, дочь.

При этих словах папахен руку правую поднял, видимо в приветственном жесте и амфитеатр потряс громогласный рев. На приветствие папика ответили все, все эти разноцветные драконы в сияющих одеждах, и орали еще при этом что-то, глотки-то луженые...

Дождавшись, пока ор стихнет и даже ни разу не поморщившись (а это было непросто), я, тоже к папахену головы не поворачивая, со сладкой улыбочкой произнесла:

— Девичья мечта просто. Я — в красивом платье и целая площадь женихов. А главное, знаешь, что, предводитель? Среди них Исам — сильный, спокойный и уверенный. И я в нем уверена. Что победит.

По дрогнувшим желвакам на щеках отца, что боковым зрением мне видны, поняла, что достала родителя. Особенно ему обидно «предводитель» от меня слышать.

Но, прежде чем он что-то сказать успел, я в точно таком же жесте, как он, левую руку подняла, приветствуя драконов.

И рев потряс стены амфитеатра! И даже, казалось, небеса пронзил! Ревели однозначно, громче и как-то очень слаженно. И все правые руки подняли, отвечая на мое приветствие!

Взглянув на то место, где Исам стоит, увидела, что блондинистый корчится от смеха, но руку в приветственном жесте, как все, поднял.

Я даже растерялась немного — чегойта блондинчик ржет?

Но папенька объяснил.

— Я не приветствовал драконов, дочь, — прошипел он, стиснув зубы, но его голос несмотря на стоящий вокруг гвалт, довольно-таки отчетливо услышала. — Я предложил им биться за свою дочь, вызвал таким образом, на священный поединок!

— Эм, — пробормотала растерянная я. — А я, что, значит? Тоже на священный поединок их всех вызвала?

— Это немыслимо! — продолжал отец, стиснув зубы.

— А со мной они больше согласились, — решила покапризничать я. — Выразительнее.

— Ты сама предложила состязаться за тебя! — прошипел отец. — Неслыханная дерзость!

Я плечами пожала.

— А я предупреждала: покорных дочерей надо было в этом мире воспитывать. Глядишь, была бы сейчас такой же клушей: не то человек, не то джошу.

Искоса на папика взгляд бросила и мысленно ладошки потерла: довела.

Драконы продолжали выжидательно смотреть. Все, кроме Исама серьезные. Я сначала ему тоже улыбнулась, а потом внутри что-то кольнуло. Неприятное. Как-то стыдно за весь этот фарс, за отца-дракона, который единственную дочь практически на торги выставил. И я же его еще поддержала, своим жестом! А еще вспомнила, что ведь действительно, приглашение в Альма-матер Исам так мне и не отдал... и отвела взгляд.

Папахен заговорил.

Глухой, раскатистый голос разнесся над амфитеатром.

— Порой один миг дороже сокровища, — начал он. — И в этот миг, когда все вы со мной, когда мы едины — бесценен. Вместе мы сможем противостоять Водному дракарату, и я, верховный предводитель Огненного дракарата обещаю вам дочь и победу!

Драконы заревели снова, а мне как-то сильно не по себе стало. Скорей бы все это шоу закончилось. Надоело. Тряпки эти золотые надоели. Взгляды... слишком уж выразительные... Тоже. Сейчас бы на пробежку, на спарринг, а лучше обернуться и в синее-синее небо пронзительной золотой стрелой... Скорей бы уж это состязание. Потому как, уверена, чей-то Ледяной дракон победит. И впереди меня ждет

Альма-матер (заждалась, поди) и... счастье совместного полета (это изнутри драконица подсказала).

— Сегодня я принимаю слово всех кланов, — продолжал вещать папахен, и что-то в его интонациях мне каким-то тревожным показалось. Почти угрожающим... — Кроме одного.

Отче замолчал, а у меня ком к горлу подкатил, а в ушах тревожно пульсирует.

— Ледяной клан поддержал в противостоянии Водный дракарат, — сказал папахен, и Исам, который внимательно, как и остальные, слушал, глаза вытаращил, а затем брови нахмурил, словно для него это новость. Папахен же, выдержав паузу, произнес: — Поэтому представитель Ледяного клана не будет биться за принцессу.

Это, как это не будет?! — запульсировало в висках. — Как это?! А остальные будут, значит?! А Исам? Исам — моя истинная пара!

Я переводила недоуменный взгляд с Исама на отца. Один стоял нахмурившись. Второй — как-то победно ухмылялся. И ни тени сожаления на красивом лице!

— Представитель Ледяного клана, Ичиро Исами, ты должен покинуть Святилище, — громовым голосом пророкотал папахен. — Ты не участвуешь в боях.

Я только и могу что ресницами хлопать и дыхание в норму приводить. Это шутка? Этого не может быть! Просто не может! Потому что этого не может быть никогда!

Исам нахмурился. Вместо того, чтобы папахенскому приказу следовать, он спустился вниз по ступеням и пересек площадь, направляясь к помосту, на котором мы стоим.

— Я не понимаю тебя, Мичио Кинриу, — произнес блондин в наступившей тишине. — Ты сам отправил меня за своей дочерью в зеркальный мир, и тогда же принял Слово нашего клана, пообещав, что я удостоюсь чести сражаться за принцессу на священных боях?

Папахен губы поджал.

— Я сказал то, что сказал, Ичиро Исами. Ищи себе невесту в другом дракарате. Я не обещаю тебе дочь в случае победы. Потому что твоей победы не будет. Ты должен покинуть мой дракарат. Отныне ты здесь — нежеланный гость.

— Я не покину твой дракарат без твоей дочери, Мичио Кинриу, — спокойно ответил Исам. — Если надо — я буду биться со всеми

драконами разом и с тобой, верховный предводитель.

— Ты не будешь биться с драконами, потому что я, верховный предводитель Огненного дракарата не допускаю тебя к боям! — прогрохотал отец. — Если ты нее покинешь мой дракарат сейчас же, станешь не нежеланным гостем, а пленником!

Исам только руки на груди сложил и взгляд перед папахенским опускать и не думал.

Что, черт подери, происходит?! — хотела спросить я, но не смогла. Рот просто-напросто не открылся. Это что, Исам будет отцовским пленником?! (почему-то в то, что блондинистый дракон пойдет на попятную, мне не верилось)

А я... меня разыграют, как приз и отдадут какому-то из этих напыщенных драконов? Которые даже мой золотой футляр уже глазами до дыр протерли?!

Я снова попыталась вмешаться. Не удалось.

Показалось, что пространство странным образом зазвенело и сгустилось.

— Уходи, Ичиро Исами, — сказал папахен.

— Нет, — ответил Исам.

И тут я поняла, что у них сейчас что-то вроде магического поединка. Хоть я и понятия (в силу молодости своего дракона) не имею, что значит эта хваленая драконья магия, но, готова поспорить, папахен ей сейчас нехило качнул. У меня даже в глазах помутилось и колени подкосились.

И вместе с этим я посчитала, что должна вмешаться. Вон немедленно должна. Потому что роль «молчи женщина, пока джигиты разговаривают» вовсе не для меня! Не для Александры Кинриу, дочери, так его, дракона!

Нет! — почти вырвалось у меня, но при этом ничего не произошло. Я словно застыла золотой статуей рядом с отцом! На какой-то миг словно увидела себя со стороны: величественная, молчаливая... и до противного покорная воле отца!

Нет!! — билась моя воля, словно в клетке, силясь вырваться наружу и заорать, что не собираюсь принимать участие в этом фарсе, в этих чертовых смотринах, в этом нечестном поединке!

И, словно откуда-то издалека, из самых глубин, услышала рев.

— Не смей противостоять мне, дочь, — произнес папахен, не

поворачивая головы. — Если не хочешь остаться без дракона.

Я не смогла ничего ответить. Рот не открывался. Я словно превратилась в статую. А дракон внутри все ревел и ревел. И я слушала.

Я не слышала его с тех самых пор, как оказалась у отца в дракарате. Дракон словно замер, затих, напуганный силой вожака клана.

Ему словно сказали, что неповиновение вожаку грозит страшным, и он понял, поверил.

И вот сейчас, наблюдая эту несправедливость, глядя, как у нее отбирают пару, истинную пару, которую она выбрала, драконица обиженно взревела!

Каким-то образом я поняла, что не смогу ничего сделать сама, то есть, будучи в человеческом теле.

Словно в подтверждение моим словам, Исам, спружинив коленями, взвился в воздух, и вот уже в воздухе замер, маша крыльями, Ледяной дракон!

Серебристый! Сияющий! Великолепный! С огромными сними глазами, мощными крыльями, гневно распахнутой пастью!

Увидев свою истинную пару, драконица заревела, оглушая изнутри и рванулась к нему!

А я словно отступила назад, выпуская ее на волю.

Привычный жидкий огонь разлился по венам... Перед глазами встала красная пелена. Рев дракона, который рвался на свободу, навстречу своей истинной паре, оглушал.

А в следующий миг, когда мир взорвался ожидаемой болью, свет перед глазами померк.

Словно со стороны я увидела, как хрупкая фигурка в золотых одеждах, оседает на помост. Как в замедленной съемке подкашиваются колени, глаза закатываются и закрываются, и вот она лежит, неловко вывернув руку.

Рядом стоит отец с перекошенным от злости лицом.

А сверху кружит Ледяной дракон и зовет подругу.

Это было последнее, что я видела.

Навалилась тьма.

Глава 5

Мама... мамочка... мамулечка... как же плохо! Не вынести этого, не вынести! Больно. Голова... раскалывается. И тошнота. Снова и снова сотрясает спазмами, и с каждым спазмом все ярче и ярче вспыхивает боль. Страшная, неистовая...

И кружит, кружит... мутит.

— Мамуль, — шепчу запекшимися губами, но вместо шепота из груди вырывается сип.

Я закашлялась и снова застонала от боли.

Плохо... Что со мной? Я никогда и ничем не болела... Мамуля! Мамулечка...

Чьи-то руки бережно подхватили под голову, под плечи. К губам приложили холодное.

Прохлада.

Как же не хватало прохлады!.. в горле пересохло... Странное ощущение, — одновременно тошнит и хочется пить...

— Пить, — прошептала я и поперхнулась.

В горло потекла тоненькая струйка.

Сглотнула, не ощутив вкуса. Тело снова свело судорогой боли, а пить захотелось еще больше.

— Мама, пить, — прошептала я.

Меня держали бережно и крепко. Снова что-то прохладное прижалось к губам, приоткрывая их. Снова делаю глоток. Это выматывает. Нет сил даже на то, чтобы открыть глаза.

— Еще, — раздался голос, больно резанув слух. Это не мама. — Вы должны выпить еще, принцесса.

Нечеловеческим усилием делаю глоток и в следующий миг тело содрогается, а из горла вырывается хрип. От боли.

— Бедная принцесса, бедная принцесса, — слышится чей-то шепот.

— А ну, брысь отсюда! — резкий взглас пронзает виски болью, заставляет скрючиться.

— Лекарь, как она? — все тот же настойчивый голос.

Почему так громко, неужели непонятно, что он... Она... терзает меня?

— Ничего не могу сказать, — новый голос, мужской, хмурый и такой же сосредоточенный. — Отойдите, госпожа. Я усилю магию.

Легкие, удаляющиеся шаги...

Новая волна боли... Девятым валом! Меня крутит, переворачивает! Режет волной, бьет о дно, тащит по камням!!

— Мама, — хриплю я, прежде, чем потерять сознание.

* * *

Я пришла в себя от тошноты.

Стоило открыть воспаленные глаза, как голова закружилась еще больше. Показалось, что движутся стены. Желтые, с золотыми иероглифами... Значит, я в своей спальне, во дворце отца. Я думала, после таких мучений умирают.

— Мама, — зову я, зная, что мама не придет. Что она в другом мире. Здесь его называют зеркальным. — Позовите мамочку... Пить...

Надо мной склонилось чье-то лицо. Сначала мир качался, пространство мазалось, было нечетким, а потом смогла разглядеть. Женщина. Даже сейчас, когда я, кажется, умираю, не могу не подметить ее неземной красоты.

Смуглая, иссиня-черные волосы зачесаны назад. В чем-то синем, что очень подходит к ее синим глазам. Огромным и надменным. Но сейчас... кажется, сейчас... в них плещется сострадание.

— Принцесса пришла в себя, — сказала она и я узнала голос.

Я слышала его, когда звала маму и прощалась с жизнью. Мне никогда не было так плохо.

— Благодарите небо!

Тут же раздались сдавленные рыдания, а между бровей женщины пролегла морщинка.

— Пить, — прошептала я. — Пить.

— Помогите принцессе, — властно сказала женщина и рыдания прекратились. Мне заботливо приподняли голову и плечи, подложили под спину подушки.

— Пей, дитя.

Женщина сама подала высокий прозрачный сосуд. На бокал для шампанского и пробирку одновременно походит. В сосуде плещется

изумрудная жидкость, шипит. Мне почему-то тархун напомнило. И по вкусу тоже. Какие-то травы, сладость, освежающее что-то... Кажется, это я пила, когда совсем подыхала.

— Сделайте еще сока межму, — распорядилась девушка.

Краем глаза я увидела, как девчонки в знакомых кимоно мотыльками метнулись к выходу.

— И пригласите господина лекаря! — крикнула им в спину женщина.

Я поморщилась, а дверь, стоило ей захлопнуться, опять отворилась.

Быстрыми шагами к постели подошел человек. С хищными чертами лица, пристальным, внимательным взглядом. Светлые волосы убраны в хвост. Дракон? Что-то внутри ответило: нет. Человек. И вместе с тем очень на дракона похож.

— Приветствую, принцесса Таши, — сказал лекарь.

— Драсте, — отвечаю хрипло.

— Как вы себя чувствуете?

— Чувствую, — отвечаю честно. — Но плохо.

Доктор усмехнулся.

— Если честно, удивлен, что вы справились, — сказал он.

— С чем справились? — уточнила я и тут же обиделась: — Умеете вы поднять настроение.

— Работа такая, — хмыкнул лекарь.

Потом к этой, красивой обернулся и произнес:

— Думаю, кризис миновали. Судя по настроению принцессы.

— А дракон? — дрогнувшим голосом спросила женщина. — Господину надо знать про дракона...

— Ну-ка, — произнес лекарь, поворачиваясь ко мне, ничего не понимающей.

И в глаза уставился. Пристально так. А на меня такая апатия навалила. Такая тоска. Ведь только-только полегчало, и все равно, тело свинцово-ватное, в висках пульсирует, сердце бьется неровно, заходится, и тошнит... Тошнит... И еще во рту пересохло... А они тут ходят, разговоры какие-то меж собой ведут, как будто меня здесь нету, и еще в глаза пялятся. Надоело.

С этими мыслями я закрыла глаза.

Женщина ахнула, мужчина хмыкнул. Только мне все равно. Раз пить не дают (жадобы) я спать буду.

— Откройте глаза, принцесса, — строго сказал доктор.

Ага, сейчас. Все бросила, и, роняя тапки, глаза вам открываю.

— Принцесса, — еще строже позвал доктор.

— Принцесса Таши, это важно, — добавил женский голос.

А, раз важно, тем более, решила я. Надоело это все.

— Принцесса, — голос доктора уже не был таким самоуверенным. — Попробуйте вызвать внутренний рык. Слышите его?

Это вам еще мой дракон понадобился? — окончательно обозлилась я. Мало вы ко мне пристали, так вам еще дракона подавай. И не подумаю рычать.

— Принцесса Таши, — дрогнувшим голосом позвала женщина. — Это очень важно. Пожалуйста! Нам надо знать, ваш дракон, он...

И она осеклась.

Я глаза открывать не стала. Но по коже пробежал холодок. Как это папахен сказал? Не смей противостоять мне, если не хочешь потерять дракона? Мамочки! Так это мне... Мне не просто так адски больно было, что ли? Это мой дракон... умирал?!

— Ничего, госпожа, — словно сквозь вату донеслись слова лекаря. — Мы попробуем по-другому.

Что-то чиркнуло и в ноздри врезался незнакомый запах. И не просто запах, вонь! Хуже этого только... Да нет, ничего хуже этого не бывает и быть не может! Какая-то болотная гниль напололам с аммиаком и чем-то еще, не менее поганим!

Не выдержав, я чихнула.

А внутри послышалось недовольное ворчание!

Открыв глаза, я увидела, что лекарь водит перед носом какой-то зажженной лучиной. Отсюда и вонь.

— Уберите, — недовольно попросила я.

Хотела отодвинуть раздражитель, но рука на полпути обрушилась на кровать. Слабость.

Снова чихнув, я приложила нечеловеческое усилие к тому, чтобы отвернуться.

— Все в порядке, госпожа, — сказал лекарь. — Дракон принцессы жив.

Внутри обиженно рыкнуло. Мол, а вы что, сомневались? Да уберете вы эту вонь, или нет?

Вонь убрали.

— Сухие побеги дадусуо, — сказал лекарь. — Драконы не любят этот запах.

Не просто не любят, ненавидят, сказала бы я, если бы пожелала с ними разговаривать. А драконица внутри снова зарычала. Угрожающе.

Это почему-то развеселило доктора.

— Вижу, дела на поправку, — сказал он, и, обернувшись к женщине, сообщил: — Дракон принцессы жив, в этом нет никаких сомнений.

Та только полы синего кимоно подобрала и опрометью из покоев выбежала, только и видели.

А меня опять магией и расспросами о самочувствии мучить начали. Хорошо девчонки-джошу вернулись, с новой порцией изумрудного сока.

Попив, я более-менее разговорчивая стала и в меру послушная. Дала себе осмотреть и расспросить. Магическое «вливание», которое лекарь делал, уже гораздо менее болезненно прошло. Хотя, конечно, тоже приятного мало.

А когда он ушел, меня, не дав подняться, на движущейся по воздуху доске в ванную носили, где, — сопротивляться девчонкам элементарно сил не было — выкупали, какой-то массаж сделали, потом камнями обложили, как в спа, куда мамочка ходить обожает, только здесь для процедуры, похоже, драгоценные камни использовались... И, переодев в свежую ночнушку с завязками под горлом, на свежие простыни уложили.

Затем поднос с чем-то съестным приволокли. Упоительные ароматы защекотали ноздри.

— Принцесса, не будете ли вы столь любезны, чтобы перекусить? — спросили меня.

Я заверила, что буду. Любезна и даже больше. Слабость-слабостью, а аппетит разыгрался жуткий.

Пока я какую-то сладкую кашу с кусочками сухофруктов и орехами поглощала, мне сообщили, что в отключке я провела, точнее в этой вот болевой агонии, семь дней.

У меня, итак еще сильно слабой, хоть после массажа и воспряла немного, ложка из рук выпала. Банально.

— Сколько?! — переспрашиваю, вытаращившись на Аки.

Ложку мне тотчас заменили (и где только взяли другую, такую же?)

и закивали, мол, вы не ослышались.

— Семь суток, — в каком-то коматозе повторила я.

— Все могло быть хуже., принцесса Таши. Гораздо хуже, — сказала Аки, а сама чуть не плачет. У Акиры с Акико тоже глаза на мокром месте.

На мой немой вопрос, что мол, еще хуже со мной могло случиться, одна из них прошептала:

— За неповиновение предводителю — смерть.

У меня внутри все сжалось. Потому что поняла, правду говорят. И драконица внутри поежилась, затаилась. Я прямо ощутила это! Потому что это для меня отец — предводитель. А для нее — вожак! И она, получается, в Святилище вожаку вызов бросила! Перед всеми!

Голова кругом от таких новостей.

Завтрак (или обед) так измотал, что, доев кашу, на подушки откинулась в изнеможеньи. Только глаза прикрыла и тут же встрепенулась от тревоги. Показалось, что что-то произойти должно. Очень для меня неприятное.

И тут же за дверью раздалось:

— Верховный предводитель Огненного дракарата, Золотой дракон Мичио!

Дверь открылась, впуская папахена.

Глава 6

Отец, сильный, властный, величественный, вошел в покои чеканным шагом. И в комнате как-то сразу стало меньше воздуха, и даже ветерок, что играл занавесками, притих. Девчонки-джошу снова лбами в пол уткнулись, как показалось, с каким-то утроенным, по сравнению с прошлым разом, рвением.

Отец чуть пальцами пошевелил — и их как ветром сдуло. Хотя вслух ничего не сказал, соответственно они о приказе покинуть покои знать не могли. Я это драконьей магии приписала. Которую, кажется, по звону пространства слышала.

А папахен замер у постели и буравит меня взглядом.

И сразу съежиться захотелось, одеялом с головой накрыться, как в детстве, и затаиться, ждать, пока мир сам исправится.

Но я сдержалась. И хоть взгляд у отца тяжелый до одури, тоже снизу-вверх на него смотрю, не отводя взгляда, жду, что будет.

— Я был недостаточно убедительным, дочь? — тихо и так недобро проговорил отец, что показалось, лучше бы кричал. Потому что сейчас, как я поняла, верховный предводитель просто в ярости. — Когда предупреждал — не перечь мне?!

Это он о том, что на площади я типа ему вызов бросила, и, против величайшей воли, оборот начала?

— Наверно, это я была не слишком убедительна, отец, — да, лежу и нарываюсь, самым наглым образом. Потому что что-то внутри подсказывает: раз не убил, значит, уже не убьет. А лежащего вообще, как известно не бьют. Поэтому имею полное право, так сказать.

— Ты не слышал, что я сказала перед всем этим спектаклем? Ты должен был ответить согласием Ледяным. И меня сейчас здесь вообще быть не должно.

При мысли о том, что вместо того, чтобы здесь подышать от боли, я могла парить в синем-синем небе крыло о крыло с серебристым драконом, как-то воспряла духом. Потому что разозлилась — жутко!

— Я прекрасно услышал тебя, дочь, — едва сдерживая ярость, проговорил отец.

— Так за чем же дело стало? — вырвалось у меня? — К чему это

избиение младенцев?

— Услышать — не значит согласиться, — заявил отче. — Дракон не спорит с женщиной. Потому что спор с женщиной подобен переливанию из пустого в порожнее.

И так спокойно он это сказал, что меня от ярости подбросило даже.

— А у нас, в нашем мире, — произнесла я, попадая папахену в тон. — У нас говорят, что спор с женщиной сокращает долголетие. Как бы тебе не пожалеть о том, что не послушал единственную дочь, отец.

Тот посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я рад, что ты выжила, дочь, — сказала так неискренне как-то.

— Что-то мне подсказывает, что твои мысли сильно расходятся со словами, отец, — ну, что думаю, то и говорю, не в пример некоторым. Клянусь, если бы не лежала, распластавшись, бледная, какая-то обескровленная на кровати, ударил бы. Шагнул по направлению ко мне, но замер. — Почему ты это сделал? Так поступил со мной?

— Дочь дракона — ценный приз. Ее можно отдать клану и породниться с ним навеки, — сказал отче. — Но дочь-дракон бесценна. Такой подарок нельзя забыть даже через века. Ты не должна доставаться тому, кто отдал свое крыло соперникам.

— Я не должна доставаться никому, кроме своей истинной пары! — возразила я. А подумав, добавила: — И ему не должна. Рано мне еще. Я покамест Альма-матер не закончила. А меня там ждут, между прочим.

Отче нехорошо усмехнулся.

— Одна собака залает впустую — остальные подхватят всерьез, — высокомерно бросил он.

Я часто заморгала. Это он сейчас вообще о чем?

— Ты не можешь считаться угрозой, дочь, — пояснил отец. — Но ты не должна была бросать мне вызов! В Святилище! Перед всеми! Я должен был убить тебя.

И так спокойно, так запросто он это сказал, что я... поверила. Сразу. Так сильно не по себе стало... Вот серьезно, прямо не до шуток. Но, наверное, мастер Горо не зря говорит, что мне следует учиться сдерживать свою ярость... Потому что в следующий момент, я, кряхтя и рыча, приподнялась на руках и буквально прорычала:

— Да ты! Как ты смеешь говорить такое! Я твоя дочь! И я, как бы тебе не хотелось лишиться меня этого — дракон! Да ты сам знаешь, что

мне документы пришли из этой вашей Альма-матер! Да чтоб ты знал, там, у себя я в военной академии училась?! Лучшей на курсе была! И для чего? Чтобы стать тут у тебя породистой кобылой на развод? Да не дожدهшься?

Отче слушал мою пламенную речь, иронично подняв бровь. А когда, обессиленная, упала на подушки, тяжело дыша, даже руки на груди сложил. Казалось — вот-вот заплодирует.

— Долг дочери — следовать приказам отца, — сказал он.

А у меня банально силы закончились ему противостоять.

Чем отче бессовестно воспользовался.

С жесткой улыбкой, от которой внутри все съежилось, он продолжил «воспитательные работы».

— Знай, что жива ты только потому, что теперь твоя стоимость увеличилась.

Хмуро смотрю на него и набираюсь сил для достойного ответа.

Отец, должно быть, посчитал мое молчание то ли за проявление покорности, то ли за вопрос, мол, с чего бы мне это вырастать в стоимости, и снисходительно пояснил:

— Бросив вызов вожаку, перед всеми, ты доказала, что ты не просто красивая награда для победителя и дочь дракона. Ты доказала, что ты дракон. Что ты сильна, а значит, родишь много сильных сыновей своему господину.

Я продолжаю глазами хлопать. Уже с открытым ртом.

— Как только ты придешь в себя, я снова соберу сильнейших в Святилище, — продолжил отче. — Знай, что число желающих биться за драконицу — увеличилось чуть ли не в десять раз. И кланы продолжают направлять сюда сильнейших драконов. Поэтому хорошо, что произошло так, а не иначе.

Я сглотнула, потому что банально не знала, что сказать. Подступала паника. Слова отца звучали пугающе. И никаких сомнений — Исама и близко не подпустят к боям. В том, что он попытается прорваться, я не сомневалась... Но... если неповиновение вожаку карается смертью... Об этом думать как-то не хотелось.

Отец смерил меня взглядом, и, дернув уголком рта, победно ухмыльнулся. Должно быть, посчитал, что удалось меня запугать.

— И на этот раз, — продолжил он. — Если воспротивишься мне, умрешь.

Он сказал это так просто и обыденно, что у меня не осталось никаких сомнений в его честности.

— А как же ценная дочь? Дочь-дракон? — вырвалось у меня.

Отец развернулся и направился к двери, оставив мои слова без ответа. У самой двери замер и бросил, не оборачиваясь.

— Ценная дочь та, что покорна воле отца. Лучше мертвая дочь, чем та, что готова бросить вызов.

И в тот же миг воздух сгустился, стал тягучим, как кисель, принялся царапать легкие.

Я схватилась за горло, понимая, что меня банально дергают за магический поводок, как собачку. Превозмогая отсутствие кислорода и то, что отец сделал все, чтобы поняла, мне не выстоять против него...

Все же делаю какое-то непонятное мне мысленное движение... и, кажется, воздух начинает редеть... Затем снова сгущается. Но я уловила, как мне удалось разредить направленный со всех сторон враждебный поток. Я словно отзеркалила его.

На этот раз концентрируюсь и представляю себя зеркалом. В буддистских практиках это называется визуализация. Представляю, как руки и ноги покрываются ртутью, что отражает вообще все. Понемногу ртуть подступает к горлу, скользит по голове, лицу... И в следующий миг сгустившийся воздух звенит и осыпается осколками!

А я, обессиленная и упавшая на подушки, наконец, глубоко вдохнула.

— Лучше смерть, чем роль породистой драконьей самки, — прошипела я в спину родителю.

Готова поспорить, он услышал.

Но не сказал ничего, даже не оглянулся.

Молча покинул мои покои.

А я решила, что лишнего часа не задержусь здесь. Сбегу. И пусть отец делает со сворой «созванных женихов», что хочет.

* * *

Могла ли я, студентка двадцать первого века, еще месяц назад предположить, что стану пленницей в доме отца-дракона?

С памятного разговора с папахеном прошла неделя.

Я старательно зализывала раны и готовилась к марш-броску. Подальше отсюда. Желательно в Альма-матер, где меня вроде как ждут, но никто не говорит, где она.

Так что всю неделю я была кипец как занята... Тщательнейшим образом я выздоравливала, следуя всем заветам лекаря, и не менее тщательнейшим изображала умирающего лебедя (довольно убедительно, если что). А еще вспоминала азы стратегической и оперативно-тактической подготовки, а также диверсионной деятельности в стане врага. Даже жалела, что основы шпионажа прогуливала (там факультатив накладывался по рукопашному бою и стрельбе из лука, и вот я решила, что шпионаж мне точно в жизни не пригодится... а зря решила).

Перебирать содержимое рюкзачков было чревато — постоянно кто-то крутился рядом (сдается мне в местных школах шпионаж тоже преподают, и эти вот все не прогуливали его, как я). Но что касается чемоданчика — книжки я сразу по полкам расставила, только-только как вставать начала. Потому что валяться на кровати, даже при дикой слабости и в балдахин пялиться, было скучно.

Увидев меня впервые с книгой в руках, долго ахали и охали, а потом стали обращаться еще уважительнее (хотя я итак не жаловалась).

Так, за Гарри Поттером и коротала время. А еще за нехитрым планированием побега, трапезами, чтением и общением, которого у меня было много, даже чересчур, о чем позже.

А еще я познакомилась со второй женой отца, госпожой Митсуко. Это та брюнетка, которая у моей постели бдела и поила целительным соком межму. В том, что госпожа Митсуко о моем самочувствии папахену докладывает, я как-то не сомневалась. Но и ко мне у нее какая-то искренняя симпатия была, я чувствовала.

Еще меня навещали братишки. Их у меня, как выяснилось, чуть больше тридцати. То ли тридцать два, то ли тридцать три, я не запомнила. Почти все драконы. Кроме них, два лекаря в семье и два мага, алхимик и элементарист — по словам братьев, это был собственноручно выбранный путь, и глядя на них, я верила. Потому что не на лекарей и магов, а скорее на кузнецов похожи были, с широченным разворотом плеч и выразительной мускулатурой. По словам госпожи Митсуко от моего отца — только самые сильные сыновья рождаются. Я тогда справедливо возразила, что не только

сыновья, девочки тоже, а госпожа Митсуко прищурилась и спросила, не стало ли мне лучше. Я тогда часто задышала, откидываясь на подушки и попросила глоток воды, если можно.

Что-что, а то, что стоит мне выздороветь, и опять на смотрины потащат, я помнила.

Кроме братьев и еще парочки жен папахена меня навещали племяши — мальчишки и девчонки. Классные все. Чем-то на Кирлика похожие. Сначала дичились... Но у меня, если что, с собой полрюкзака с шоколадом было (вот именно, что было), поскольку я боялась, что в драконьем мире наверняка хуже делают. Сладости с малышкой все уничтожили, и когда за детьми джошу пришли, те опочивальню не узнали. К своему стыду, мы с драконятами бой подушками устроили... да и вообще... пару плиток шоколада у кого-то в ручонках подтаеи. Но малые нормальные оказались. Не сдали меня. Хоть и мелкие, а что-то понимали, и сказали джошу, что принцесса Таши почти не поднималась с ложа.

И почти не соврали. Под потолком драконом я действительно не летала, хоть малышня и канючила, просила показать свою драконицу.

Драконицу предъявить по понятным причинам не смогла, но когда мы все вместе у меня на ложе устроились, и они вцепились в «тетю Таши», я порычала им. Точнее драконица порычала. Детвора заверила, что слышала. Не знаю, может и врут. Точнее, педагогичнее сказать, привирают. То есть сочиняют.

В общем, болезнь где-то на руку пришлась. Смогла, хоть и не покидая собственных покоев, немного в этом драконьем мире разобраться. С братьями и племяшками опять же, познакомится, с папахенскими женами. Которые вовсе не противными тетками оказались, скорее другими, не такими совершенно, к каким я привыкла.

Я вот смотрела на них и понять не могла — ну что с ними не так... Красавицы — глаз не отвести, как говорится. Но какие-то все... пришибленные, что ли? Грубовато, но подходит. Только Митсуко нормальная, но и она слишком уж... осторожная. А как-то братишки ко мне не только с малышкой, но и с женами нагрянули, и вот когда я посмотрела на драконов с их женщинами одновременно, все встало на свои места. Пазл в голове, что называется, сложился.

Девчонки хорошенькие, да. Нарядные, прям по последней местной моде, все в шелках и драгоценностях... Но рядом с мужьями они

терялись. Это как уток и селезней сравнивать. Или других птиц. Или не птиц. В дикой природе самец всегда красивее самки. Но, что касается людей, оно как-то иначе все же. Я привыкла, что в нашем мире только девчонкам положено «расфуфыриваться», а мужчины как-то сдержаннее в подобных вопросах. А если не сдержаннее, то вообще печальная может быть картина, потому что на мужчин (в моих исключительно глазах) всякие там пижоны походить прекращают.

А тут... Драконы — все, как один, блистательны и мужественны просто до невероятности... такой силой от них прет, что дыхание перехватывает... У жен. У меня нет. Меня кроме братьев, драконы не навещали. А к этим, понятно, познавательный-родственный интерес был.

Было интересно на них посмотреть, ведь я привыкла, что у меня только один Кирюха... а тут... Джиро, Йоши, Керо, Изаму, Широ, Хизаро, Ясуши, Акио... В именах братишек я путалась. И были они не все, как папахен черноволосые и зеленоглазые, были и блондины и даже один рыжий, который Акио, словом, должно быть, от матерей внешность досталась.

Я бессовестно объедалась сладостями, которые мне приносили, и с интересом слушала местные новости. Братья, хоть все, как один, шовинисты оказались (и в кого только?), но то, что их сестра — дракон, как-то их с моим существованием мирило, похоже. И кроме интереса и обычной вежливости, я еще и симпатию чувствовала.

Чуть язык узлом не завязался, пока им о нашем мире рассказывала, потому что по сто раз повторять приходилось, что женщины у нас живут не в огороженных специально для них загонах, пусть эти загоны и дворцами считаются, и учатся, и даже работают наравне с мужчинами. А кто-то лучше и больше (тут обычно голос срывать приходилось). С женщинами считаются, их уважают... Да, я училась вместе с мужчинами. Нет, не потому что мечтала стать воином, а потому что чувствовала себя воином. Вот чувствовала и все. А еще всегда хотела летать, поэтому поступила на Авиационный факультет. Что делала, если кто-то желал сделать меня своей женщиной? Хмурилась и била в челюсть. Или не хмурилась, все же и симпатичные ухажеры случались. Просто в челюсть. Да. И в кадык. Показать? Вот приду в себя и покажу еще не такое...

А еще не давал вопрос, почему это дракониц в природе этого мира кроме меня нет? Ну и что, что от драконов только сыновья рождаются.

Но есть же внушки, правнучки? Неужели никто не хотел попробовать пройти инициацию? Да, рискнуть всем. Общественным мнением тем же, положением, да, жизнью, наконец! Навлечь на себя порицание. Но попробовать! Мне это их инициаторское озеро ничуть не противным показалось, и, сдаётся, я ему тоже. Обычно в ответ на такие речи на меня махали руками, фыркали, переглядывались между собой.

Но... что-то проступало при этом на мордочках джошу да и малышни новое... Какой-то интерес, что ли? А ещё мои девчонки-джошу, которых я называла «три Аки» стали как-то больше между собой шушукаться, секретничать, просить рассказать «о моем мире» и «дать послушать моего дракона». Давала слушать. Не жалко.

За неделю ничегонеделанья и общения с родственниками я узнала, что Огненный дракарат занимает весь полуостров, который мы сверху видели, и примерно столько ещё суши, граничит с Землями Дождей и Вечной Осени, а там Подземный дракарат начинался, и ещё какие-то леса, то ли Заповедные, то ли ещё какие, я не запомнила.

Что касается Альма-матер, то Долина Знаний вообще чуть ли не на другом конце света находится, то есть на западной части материка (мы на восточной были). Сколько до нее лететь-бежать-идти я так и не поняла, они дорогу какими-то перелетами считали, и мне непонятно было. А кроме того, информацию про Альма-матер приходилось чуть ли не по слову выуживать, потому что распространялись о ней неохотно, хоть и соглашались, что дракону без обучения там никак. Потому как драконьей магией управлять только там учат.

Можно ещё, конечно, у шаманов-одинок учить, но они учеников берут чуть ли не раз в столетие.

Об одном таком шамане, который обучает сейчас двух драконят, я от того братишки, что маг-алхимик услышала. А также о том, что жилище этого самого шамана где-то в Землях Дождей находится.

Туда и решила двинуть при первой же возможности.

Риск, конечно. Но все же лучше, чем на месте сидеть и ждать, когда папахен снова сватать начнет.

День на третий-четвертый я начала выходить в сад.

Зная, что за мной наблюдают, от пробежек и тренировок воздерживалась. Обследовав сад, облюбовала себе укромное местечко, которое с воздуха не обозревалось, из-за густой листвы, а ещё сюда никто не ходил. По сравнению с остальным садом здесь было как-то

слишком уж тенисто и неуютно. А мне в самый раз. Одна из веток, почти горизонтальная, на расстоянии прыжка, в качестве турника подошла. Трава здесь, из-за отсутствия солнца, не росла, а потому отжиматься, приседать и упражнения на статику делать тоже было подходяще.

К слову, драпать решила именно отсюда, благо забор рядом. Гарем отцовский, как поняла, охранялся чисто номинально, как в политическом анекдоте — «А куда они убегут? Им сказали, что так надо, они и сидят...» Это местным женщинам очень подходило. Джошу, ко мне приставленные, которые действительно, при более близком знакомстве достаточно высокородными оказались, только и мечтали, чтобы в какой из таких вот гаремов попасть. Причем втроем. Чтобы не разлучаться. Митсуко — та и вовсе увещевала постоянно, как мне повезло, и в том, что дочь такого великого отца, и в том, что дракона получила, и в том, что за меня сильнейшие будут сражаться, и самый что ни на есть сильнейший в свой гарем утащит.

Я осторожно так спросила: это, получается, я еще не одна у него там буду? На что мне, чуть не захлебываясь, ответили, что я, естественно, скорее всего, буду женой, а не наложницей.

— Скорее всего?! — завопила до крайности уязвленная самооценка.

Даже драконица, которая, кажется, угрозу папахена всерьез восприняла и особо не отсвечивала, и та недовольно заворчала. Потому что своего самца она ни с кем делить не собиралась.

— Ты привыкнешь, принцесса Таши, — сказала госпожа Митсуко и отхлебнула из крошечной чашечки густого янтарного отвара. — Ведь что тебе в гареме одной делать? Скука смертная же. К тому же драконы очень... темпераментны. Ведь нечестно всю работу по их ублажению на одну женщину возлагать.

Драконица внутри так и взревела.

Но госпожа Митсуко так хитро при этом на меня смотрела, что я (как раз на кушетке возлежала, на балконе), охая, на другой бок перевернулась и при этом (надеюсь незаметно) зубами скрипнула.

В общем, бежать надо было срочно.

И побег был запланирован на следующий день.

Пряча под мастеркой всякие полезные вещички, я протащила в облюбованное местечко пару кошек (не пушистых, а для скалолазания),

парализаторы (мало ли, вырубить охрану придется) веревку (руки им связать, прежде, чем в кусты отволочь, пусть ищут), скотч и прочие полезные мелочи, включая пару пакетиков сухого пайка на дорогу, походную фляжечку и непромокаемый рюкзачок... Таскать нужное потихоньку под мастеркой было удобно. Я, как вставать начала, исключительно в родной одежде ходила, потому как в ней мне привычнее и сподручнее было, чем в этих их тряпках. Кто-то из гарема, глядя на меня, только кривился, а кто-то как революцию в мире моды воспринял. Потому что стоило мне начать прогуливаться по саду в майках и джинсиках, как вскоре пару девчонок в коротеньких туничках и шароварах заметила. Выглядело, конечно, все равно супер-женственно, но уж не так хотя бы неудобно, как эти их футляры-кимоно...

А вот с луком — подарком фей приходилось расстаться. Потому что его под мастеркой не пронесешь, а подозрений возбуждать не хотелось. Если меня особо не трогали, это еще не значит, что не следили. Следили (я это постоянно чувствовала) и еще как.

Папахен, кстати, за все время моей болезни так ко мне ни разу не заглянул. То есть пригрозил единственной дочке, что убьет за неповиновение, и только его и видели. Было обидно и досадно. Но, как говорится, ладно-ладно-ладно.

В день «икс» я джошу заявила, что пошла погулять. Я их приучила уже, что мое «погулять» — для них свободное время, если не будут отсвечивать. Они сначала со мной таскались, но рядом с принцессой, которая в «лотос» усаживается, пальцы в мудры складывает, а глаза при этом прикрыты и так хоть до посинения сидеть может, мало интересного. А медитировать меня, кстати, рыжий братик Акио надоумил. Как-то проболтался по секрету, что в Альма-матер часы выделяются на медитацию.

— Сидишь, от внешнего мира отстраняешься и слушаешь своего дракона, — сказал он. — А потом с ним общаться начинаешь. Знакомишься. Потому как если не познакомишься, как потом им управлять? А управлять придется, если хочешь освоить драконью магию.

Правда, мне казалось, что братик при этом чего-то не договаривает, но все же драконью магию освоить хотелось. Потому что огненного дыхания, как я видела у того же Кеншина и Исама я у себя пока не

наблюдала, как и вообще драконицу свою не всегда слышала, даже при желании. Поэтому после того, как Акио мне о медитациях проговорился, я за это дело взялась всерьез. Джошу мои только рады были, потому что у них сразу несколько часов в день свободных появились.

Госпожа Митсуко сегодня в гости к младшей сестре собиралась, в Подземный дракарат (она сама оттуда), а значит, жена папахена мне помешать не сможет. С другими женами дружба как-то не сложилась, с наложницами тем более (они почему-то на контакт не шли). В общем, гостей я не ждала, а значит, день для побега был выбран идеально.

Выпроводив девчонок джошу, которые словно испарялись на время моей прогулки, днем с огнем не сыщешь при желании, я надела любимые потертые джинсики, кроссы, натянула акулю маечку на бретелях, сверху мастерку. В карман шоколадку спрятала, на дорогу. В укромном местечке меня рюкзачок поджидал и просторное кимоно, которое, стоит мне отцовский гарем покинуть, сверху накину, чтобы не отличаться особо от местных женщин (отличаться, конечно, все равно буду, кто спорит, но постараюсь не отсвечивать).

Стараясь не подпрыгивать на ходу от нетерпения, я пару кружочков по аллеям наворачнула, а потом удалилась в свой укромный уголок, где меня ждал рюкзачок диверсанта.

И не только он.

— Давно не виделись, принцесса Таши Кинриу, — сказал Исам, выходя из-за дерева.

А я замерла, как громом пораженная, и ресницами захлопала.

Глава 7

Дракон держал в руках мой приготовленный в дорогу рюкзачок и внезапно показалось, что вот этого всего не было, что мы только-только перенеслись в драконий мир, и что путь в Огненный дракарат нам еще только предстоит... И сейчас из-за дерева выйдет Кеншин с чемоданчиком и скажет, что не оставит нас с Исамом наедине.

Но Кеншин, понятно, не появился, чему я, то есть мы с драконицей были рады.

А Исам был здесь.

Стоял, смотрел на меня... пристально так... И одновременно как-то по-новому.

Я тогда на этот его новый взгляд внимания не обратила, потому что драконица внутри просто заверещала от радости. Я сама чуть не завизжала и на шею не кинулась. То есть сначала кинулась, а потом вспомнила, к чему наши соприкосновения, так сказать, приводят, и замерла, как громом пораженная.

Исам, который тоже как будто ко мне навстречу шагнул было, так же на месте замер.

А у меня колени ослабли, глаза защипало отчего-то, губы дрожат...

А внутри при этом при всем просто какой-то гормональный оркестр! Чувствуя, что еще чуть-чуть и... не знаю, что!.. я, как стояла, так и села. Колени руками обхватила.

В ту же секунду Исам был возле меня.

— Что с тобой, Таша? — спросил он, присаживаясь передо мной на корточки, и снова показалось, что вот этой всей разлуки не было.

— Ничего, все еще слабость, — ответила я светским тоном, чувствуя, что не в силах поднять на него взгляд.

— Слабость?

Судя по нахмуренным бровям, он о болезни моей не слышал. Неужели не помнит, как я сознание потеряла, там, в Святилище?

Кивнула.

Передо мной моим рюкзачком потрясли.

— А далеко собралась?

— Сначала в Речные земли, то есть в Земли Дождей, к тамошнему

шаману. Я же в отцовском дракарате обернуться не могу, — честно ответила я. А затем спохватилась. — А ты? Ты что тут делаешь?

— Я обещал, что не улечу без тебя, — сказал он.

И как-то жестко это мне показалось, сказал.

Но я тогда опять внимания не обратила. Потому что впервые за все то время, что мы расстались, расслабилась, под защитой себя, что ли, почувствовала, перспектива быть отданной в чей-то драконий гарем отступила, а гормоны... Вид Исама, его немного хищные, но очень правильные черты лица, синие, как небо глаза, звуки голоса, само его присутствие отдавалось теплыми толчками внизу живота, и вызывало на лице, должно быть, очень-очень глупую улыбку...

Вот сижу прямо на земле, ресницами хлопаю, смотрю в синие-синие глаза и улыбаюсь.

А он поднялся и руку мне протянул.

— Вставай.

И я руку подала, и как-то в следующий миг прижатой к его груди оказалась. Он меня до боли в объятиях сжал, до хруста. И весь этот драконий мир мог лететь в Тартарары. Все исчезло, как будто не существовало никогда. Настоящим была только близость моей истинной пары. Его объятия. Его глаза. Его губы.

Он словно пил меня и не мог напиться. Целовал так долго, что я задохнулась.

А потом, с трудом оторвавшись, спросил:

— Полетели?

Я кивнула, а он с трудом отстранился от меня и говорит:

— Тогда оборачивайся. Пока время есть.

Я сразу поникла. Ну ужели он не слышал, что сказала?

— Я здесь обернуться не могу. Папахен авторитетом давит.

Исам снова как-то странно на меня посмотрел.

А потом подошел. Пальцы его нежно-нежно по моей щеке прошлись, скользнули вниз, по шее... У меня колени подкосились, и Исаму пришлось меня под локоть другой рукой поддержать.

Когда смогла, наконец, собрать глаза в кучку, увидела, что перед ними болтается крохотный хрустальный пузырек на тонкой цепочке.

Я на Исама непонимающе посмотрела. А дракон усмехнулся.

— У тебя есть разбивающий оковы амулет, Таша. — Смех фей. Разбей его и улетишь отсюда драконом.

Я даже рот открыла. То есть я тут выведываю, разведываю, трясусь, как шпион на допросе, когда с новыми родственничками беседую, к побегу готовлюсь, а у меня все это время ключ к свободе на шее висел?! Как-то сразу поняла, что Исам, наверняка, где-то рядом был. Не знаю, как он от папахена скрывался, но явно ждал, когда я рвану из отцовского гнезда.

— Так просто? — ахнула я.

А Исам снова странно посмотрел и кивнул.

— Да, — говорит. — Просто. Поспеши. Я покажу дорогу.

Сглотнула, кивая. Страшновато было оборачиваться. Помню — больно это, жуть! А тут еще от последствий неповиновения папахену не отошла...

На Исама посмотрела, ожидая... поддержки, что ли?

А он почему-то глаза отвел.

Мне как-то не по себе стало, но стоило подумать, что сюда в любую минуту прийти могут, увидеть Ледяного... Сразу Святилище это их вспоминалось... драконы, не спускающие с меня хищных взглядов...

Драконца от таких воспоминаний обиженно взревела, а я зажмурилась и предоставила ей полный контроль.

Ничего не произошло, а я поняла, что до сих пор сжимаю в кулаке флакончик со смехом феи на тонкой цепочке. Не очень понимая, как его можно разбить, ведь он совсем крохотный и твердый, я сняла цепочку через голову.

В сказках принято «оземь бить». А еще вспомнилось, что в тех же сказках, оборачиваясь, тоже оземь бьются. Как это самой сделать я не очень-то понимала, но рукой с флакончиком что есть силы размахнулась, и швырнула подарок феи на землю.

Ничего не происходило и я подумала уже, что что-то сделала не так и даже присела поискать флакончик.

В тот же миг пространство заискрило и загрохотало смехом феи, который вырвался на свободу!

Драконца внутри замерла, словно прислушивалась.

А в следующий миг сверху закружил Ледяной дракон! Огромный! Серебристый! Невероятно красивый!

Драконца тут же откликнулась на зов истинной пары громогласным ревом! Меня уже привычно скрутило болью, как веревкой, жидкий огонь рванул по венам, взрывая их вместе с

мускулами и с кожей! И, стоило оглушающей боли достигнуть своего потолка, как она тут же закончилась, а я, спружинив от земли лапами, подскочила метров на десять-двадцать, а потом одним мощным взмахом крыльев взмыла в воздух.

В небо! Синее! Пронзительное! Чистое!

В тот же миг раздался угрожающий драконий рев, а ледяной дракон стремительно поднялся ко мне, облетел вокруг и увлек за собой.

Громогласный рев сзади нарастал, и если сразу ревел лишь один дракон, то сейчас их было трое... нет, пятеро!

Мы пронзали воздух, вспарывая его, крылья махали так часто, что непонятно было, как это вообще удается.

Серебристый дракон летел впереди, прокладывая для меня воздушную дорогу. И в то же время погоня приближалась. Я слышала это по хлопанию крыльев сзади. Те, кто преследовал, больше не ревели — берегли силы.

Наконец, когда силуэты преследователей показались в зоне видимости, серебристый дракон взревел, сделал вираж, и я каким-то чудом оказалась за его спиной.

А потом начался бой!

Самый настоящий воздушный бой!

Серебристый дракон вышел в небо один против пяти за свою пару!

Я даже сообразить ничего не успела, когда два противника, кувыркаясь в воздухе, стали падать!

Провожая их взглядом, посмотрела вниз — и привычно закружилась голова. Драконица рыкнула, вытесняя мое сознание, мол, не мешай, не обламывай момент, когда еще увижу, как мой самец стоит за меня один против всех.

Я знала одно: отца среди преследователей не было. Братьев... я не всех знала в лицо, не говоря уже об их драконах. В огненно-красном, самом мощном, казалось что-то знакомое было. Зеленый и серый... Нет, глядя на них ничего не откликалось.

Драконы переворачивались в воздухе, наносили друг другу удары крыльями, лапами, норовили дотянуться огромными устрашающими клыками. Удивительно было, что они не дышат друг на друга огнем, но потом поняла, что драконий огонь, должно быть, не вредит другим драконам.

Серебристый, бесспорно, был сильнее и быстрее всех. А еще

почему-то показалось, что красный бьется не в полную силу... Но одному против трех Исаму все равно приходилось тяжело.

Вот он в последний момент увернулся от зубов зеленого и ударил крылом, отбрасывая от себя противника. Но не успел увернуться от тарана серого и несколько раз перекувырнулся в воздухе...

— Саша! — ворвалось в мое сознание словно сквозь толщу воды. — Лети отсюда!

Я отлетела подальше, не потому, что собиралась выполнять приказ Исама, а чтобы не мельтешить у своей пары перед глазами, не отвлекать его от боя.

И сразу поняла, что поступила правильно, когда серый дракон обрушился вниз.

Проследила взглядом падение: серый обернулся у самой земли, в полете, и на поляну упал человек. Падая, сгруппировался, кувыркнулся через голову, а затем рывком поднялся на ноги.

У меня сердце ухнуло — живой! В сером драконе узнала одного из стражей, видела возле ворот в сад.

Зеленый дракон продержался недолго — и вскоре вынужден был спикировать на поляну недалеко от соратника. Правда, он не оборачивался, в драконьем облике продолжал следить за боем.

Когда Исам остался один на один с красным драконом, сердце замерло, потому что в красном узнала брата Акио, того самого, что рассказывал об Альма-матер.

Исам был вымотанный боем, это виделось невооруженным глазом. Акио (почему-то я понимала, что это видно только мне) бился до этого в полсилы.

Драконы закружились в смертоносном танце, а потом снова, как сквозь толщу воды услышала голос:

— Береги ее, Ледяной.

— Обещаю, Огненный.

После этого красный дракон развернулся и полетел обратно.

А Исам увлек меня вперед, торопя и подбадривая.

Я не разбирала воздушной дороги еще долгое время. Должно быть, Исам остерегался еще погони, потому неслся вперед изо всех сил.

Погоня правда, была. Четыре раза. Двум отрядам не удалось нас догнать. И два раза мы останавливались, чтобы биться.

Когда я пробовала было сунуться со своей помощью, у меня в

голове так рыкнули, причем даже не дракон Исама, а сам Исам, что больше соваться не стала.

В другой раз я бы поспорила, но, если честно, эти бесконечные гонки в небе сильно утомили. Наблюдая за битвами драконов, поняла, что бьются они не только силой, но еще и магией.

После этого осознания вспышка злости Исама стала еще более оправдана: сама я драконьей магией пока не владела. И так удивляло, как до сих пор держусь в воздухе и не падаю от усталости...

Зато, когда, наконец, оторвались, Исам показал мне небо!

Настоящее, а не то, что являлось во снах!

Мы парили, как орлы, на тепловых потоках, и я с изумлением поняла, что в воздухе силы восстанавливаются быстрее! В десятки, в сотни раз!

Я помнила из школьных учебников, что полет птиц делится на парящий, пассивный и летающий что ли, то есть активный. То есть среди птиц, особенно мелких есть такие, кто передвигается в воздухе исключительно с помощью взмахов крыльев и такие, как грифы и альбатросы, кто может часами не двигаться в воздушных потоках и при этом не падают.

Еще во время прошлого полета, когда летели от священной горы к Огненному дракарату, я на практике поняла, как именно птицы используют эффект действия ветра, научилась различать скорость воздушных потоков, пульсации воздуха и завихрения.

Способность устойчиво парить в воздухе, как я уяснила, зависит не столько от массы тела, но и от величины крыльев. Например, мелкие птицы или те, у которых относительно маленькие крылья, должны энергично махать ими, чтобы оставаться в воздухе и двигаться вперед.

Драконьи же крылья, огромные, но при этом очень подвижные, какие-то живые, оказалось, просто созданы, как для полета, так и для скольжения по воздушным коридорам.

Но прошлый, первый полет, помнился смутно. Слишком захлестнуло опьянение небом, ветром, своей новой ипостасью... Мысли вдребезги разбивались о чувство невероятного восторга, легкости, чего-то близкого и родного... Я просто одурела, чувствуя небо своим домом... А еще мы спешили, и оба дракона волновались за меня, то есть за мою драконицу, новорожденную, можно сказать. Поэтому то и дело лезли со своей опекой и советами в голову...

Сейчас же я ясней ясного, просто до самых кончиков крыльев осознала, что дракон — это настоящее чудо аэродинамики! бесподобная летающая машина, самой природой приспособленная поддерживать длительный полет практически без усилий!

Можно было застыть в небе, оставаясь при этом совершенно неподвижной, если не считать легких, почти неуловимых движений самими кончиками крыльев, противостоя поднимающимся с земли тепловым потокам... можно было скользить, словно с гигантских горок вниз! И тогда в ушах свистел ветер, а сердце, как ненормальное, ухало от радости!

Глядя на парящего рядом серебристого дракона с синими глазами, к которому некую золотую драконицу влекло со страшной силой, я поняла, что драконы — настоящие цари неба. Мы летаем выше любых птиц, и в воздушных потоках разбираемся, можно сказать, с рождения.

Бок о бок с серебряным драконом мы взмывали вверх со страшной скоростью, используя восходящие потоки теплого воздуха, при этом не страшно было ничуть (драконам! Я, если что, вопила в сознании драконицы, но меня не так уж и слушали), потому что сами эти теплые воздушные потоки придавали нам силу, импульс и скорость, и не было никакой усталости, наоборот, казалось, что могу лететь еще выше, еще дольше, еще дальше.

Поразительное чувство, когда небо размывает границы, исчезает форма, объемы, вес, только свист ветра в ушах звучит слаще райской музыки и ты чувствуешь себя одновременно стрижем и альбатросом.

Мне казалось, что если бы Исам услышал мои размышления насчет драконов и птиц, посмеялся бы, но он не слышал.

Я же слышала серебристого дракона из Ледяного клана, правда, лишь изредка, и, такое ощущение, что сквозь толщу воды.

Я списала это на драконью магию, которой я не владела и порадовалась, что скоро, очень скоро это упущение будет восполнено, потому что путь наш лежал, несомненно, в Альма-матер для драконов, а куда же еще?

Но мысли о магии, об Альма-матер, об учебе, о том, что оторвались, наконец, от погони из Огненного дракарата, подолгу не задерживались в сознании, рикошетили, оставались позади, отбрасываемые потоками ветра и внутренним ликованием от полета.

Юная драконица, которая впервые за долгое время вырвалась на

свободу взмывала прямо под прозрачный купол небес, сложив крылья, неслась вниз, делала виражи и кульбиты, скользила по воздушным горкам и даже качалась на гигантских тепловых потоках-качелях.

Серебристый дракон с синими глазами все время был поблизости и не торопил, понимая, что у меня опьянение небом и ветром, и терпеливо ждал, когда, наконец, наиграюсь и снова полечу за ним.

Я не знаю, сколько времени мы провели в небе. Когда первый восторг от полета, наконец, стал потихоньку спадать, я поняла, что мы движемся вперед с невероятной скоростью не только за счет крыльев, но и за счет чего-то другого.

Присмотревшись внимательнее, я увидела, что вокруг меня то и дело вспыхивают едва уловимые границы серебристого шара, всего на несколько секунд, а когда исчезают, я оказываюсь значительно дальше, чем могла бы долететь сама за это время! словно этот странный пространственный шар с едва различимыми границами...

— Телепортирует, — раздалось словно издалека. — ...онья ... агия...

— Юху-у! — заверещал внутри восторг. — Тоже так хочу!

Не знаю, расслышал ли Исам мой крик, подозреваю, что навряд ли, скорее на морде у драконицы какой-то щенячий восторг прочитал. Потому что Ледяной дракон как-то озорно подмигнул, а потом меня крутануло в воздухе вокруг оси, в секунду, я и понять ничего не успела, а когда успела, под лапами обжигающий холод ощутила!

Причем он для толстой драконьей шкуры совсем даже неопасный оказался, скорее щекотный и приятно-прохладный какой-то. И вот этот поток со страшной силой понес вперед!

Если бы могла — завизжала бы! Собственно, я и визжала в голове у драконицы! Так, что сама чуть не оглохла! Немного придя в себя, обнаружила, что драконица всеми лапами в эту ледяную воздушную дорожку вцепилась, несется вперед со скоростью, превышающей границы разумного, крылья еще надула сзади парусом, так, что еще на этой самой дорожке и маневрирует... Сказка!

Каталась я на ледяной дорожке полчаса где-то. Или больше. В небе вообще другие представления о времени и пространстве. Совсем-совсем.

Я каждой клеточкой ощущала замедленный ход времени и какой-то тягучий и стремительный прорыв в пространстве, и границы этих

категорий были сильно размыты! У меня прямо déjà vu из прошлой жизни случилось! Вспомнилось, как любила путешествовать, и не только ради новых мест, но даже ради самой дороги! А теперь поняла, я вот это самое ощущение слышала, когда время и пространство словно исчезают, расплываются, смешиваются между собой, а есть только этот момент сейчас... И такой он замечательный, легкий, что даже тебе в нем места нет... Потому что чтобы появиться в нем, надо подумать о себе, вспомнить, а это уже движение, для момента сейчас лишнее.

...Наигравшись вволю с ветром, воздушными горками и потоками, я пыталась поиграть с птицами.

Один раз хотела ради разнообразия пристроиться к косяку гусей, второй раз спикировала на стаю ворон... В обоих случаях птицы какими-то дурными оказались. Шугливыми сверх меры и очень скандальными! Так в ушах и стоял гвалт, а перед глазами они сами мушками скакали, когда разлетались в панике.

Словно сквозь толщу воды донесся почти истерический хохот Исама и я поняла, что птицы с нами, с драконами, играть не любят. Странные...

Исам снова увлек вперед, и время снова замедлилось, а пространство понеслись мимо с невероятной скоростью. Что-то мне подсказывало, что на «ледяную дорожку» у Исама просто сил нет, а вот пузырями-телепортами он кидался в меня по полной!

А подо мной пролетал невероятной красоты мир!

Мы летели над самым красивым из морей, которые я видела в жизни. С лазурными водами! А когда впереди замаячило что-то синее я заревела от восторга! Мы приближались еще к одному морю, или даже океану, на этот раз с синими водами! Пролетая над границей, где лазурь встречалась с синевой, сердце замерло, и оказалось, что даже у дракона глаза может щипать от волнения.

Затем, когда летели над глубокой синевой, казалось, что небо — и сверху, и снизу, везде! Чуть снижаясь, я различала в воде огромные тени каких-то невиданных рыб и морских чудовищ.

Потом под нами потянулась цепочка островов, сравнительно небольших, но... парящих! В отблесках заходящего солнца они казались рассыпанными в воздухе бусинами разноцветного ожерелья. Показалось, что вокруг бусин снуют крылатые фигурки, но с такой высоты было особо не разглядеть, а еще летели мы очень быстро. Исам

«включал» воздушные пузыри почти непрерывно, хоть я и чувствовала, что дракон, в отличие от меня, растративший силу на воздушные бои и магию, очень устал.

— Долетим до заката, — прозвучало в ушах и под нами понеслась суша.

Зеленые и бирюзовые холмы, реки, озера, леса, цветные квадраты полей — все скользило под лапами в сумасшедшем калейдоскопе.

А потом земля словно стала подниматься нам навстречу, и я с запозданием поняла, что летим над горами. Вскоре показались ледяные пики — огромные, величественные, так и норовят пронзить небесную гладь.

Если до этого у меня рот от восхищения то и дело открывался, то сейчас и вовсе испугалась за свой рассудок: внизу творилось что-то совсем уж волшебное, из серии из ряда вон. Горы. Вулканы. Гейзеры. Вулканические озера. Красные, синие, белые поля цветов. Холмы. Снова горы. Какие-то радужные водопады. Леса, в которых даже с такой высоты угадывались джунгли.

Но самым невероятным оказались острова!..

Огромные зеленые махины в одеянии из лесов, опоясанные реками, в белоснежных остроконечных шапках... которые парили в воздухе! И чем ближе мы подлетали, тем виднее было, что на этих летающих островах, которые парят над горными озерами, как гигантские воздушные шары, привязанные за синие водные нити водопадов, есть жильё! Человеческое! Нет! Драконье жильё!

Потому что в белоснежных домах с плоскими крышами-площадками могли жить только драконы!

У меня дыхание перехватило, когда поняла, что мы влетели в какой-то невероятный драконий город!

И... здесь были драконы! Почти все серебристые... Просто кто-то светлее, кто-то темнее... Нас видели, нам ревели, нас приветствовали! И я как-то неслыханно рада была...

Наконец, Исам пошел на снижение, поманив меня за собой.

Обернулся дракон налету, и приземлился на белоснежную площадку уже человеком. И вот, стоит он, белые волосы развывает ветер, красивый до невозможности, в каких-то немыслимых серебряных одеждах, и руки ко мне, к золотой драконице протянул, мол, спускайся, ловлю!

И так это мило было, а еще вспомнилось, что Исам обещал, что до заката долетим, и вот, долетели!

Огласив пространство напоследок радостным ревом, я пошла на снижение. Почти в объятия моей истинной пары. Почти — это чтобы не раздавить ненароком. Потому что как он, налету оборачиваться я еще не умею.

Стоило желтому шарик у заходящего солнца нырнуть за горизонт, как и мои лапы соприкоснулись с поверхностью белого мрамора, а затем, когда началось оборачивание, небо, должно быть, сжалось надо мной и я потеряла сознание.

* * *

Очнулась от прикосновения чьей-то теплой ладони к щеке. И сразу узнала обладателя конечности. По дрогнувшему сердцу, по трепету глубоко внутри, по довольному урчанию драконицы, по запаху, по невероятным ощущениям, от которых по коже строем двинулись мурашки.

А по мурашкам как-то понятно стало, что лежу я на чем-то теплом и удобном, обдуваемая ветерком, причем, кажется обнаженная... От слова полностью...

Первое, что увидела, открыв глаза, было лицо Исама.

Дракон склонился надо мной, так низко, что я кожей ощущала его дыхание, и с каким-то странным выражением вглядывался в мое лицо. Стоило открыть глаза, как нежность и как будто даже боль во взгляде Исама сменились ледяным холодом, жестким, колючим.

Я этого как-то не отследила. Точнее, заметила, но не отреагировала никак. А как реагировать, когда приходишь в себя и обнаруживаешь, что лежишь на кое-чьих теплых и очень удобных коленях, голова на чьем-то мускулистом плече... а другой рукой тебя по щеке гладят, и при этом... никакой одежды на тебе нет?

Я замерла, как мышь под веником, вздохнуть боюсь, и Исаму улыбнулась. Робко так... А сама думаю, как бы с его колен (беспорно, удобных каких-то и словно созданных для моего на них лежания-сидения) сползти и чем-нибудь тихонечко прикрыться? Потому что, поняла, остальные драконы, оборачиваясь, голышом не остаются,

видно, магию какую-то используют... А я пока не умею так.

— Какой честный взгляд, — сурово и как-то отстраненно проговорил Исам.

Я ресницами захлопала. Это он к чему?

— Таши Кинриу, истинная дочь Мичио Кинриу.

— Я больше мамулина дочка, — возразила я. — И виталийвладиленовича... А что случилось, Исам? Что за тон?

— Другого тона ты не достойна, — бросили мне.

А затем Исам рывком поднялся, я понять ничего не успела, как одна на каком-то высоком ложе оказалась.

Рефлекторно дернулась, нащипала рукой что-то легкое, что оказалось белоснежным покрывалом. Натянула его по подбородок, а сама на Исама, что называется, глазами хлопаю. Да что случилось-то?!

Стоило мне прикрыться, взгляд у дракона более осмысленный стал, и он сглотнул.

— Таши Кинриу, — слова Исама доносились словно издалека, потому что голова закружилась, и слабость накатила. — Не думал, что ты окажешься насквозь лживой. Неудивительно, тебя воспитали люди. Тебе было с кого брать пример.

Я головой потрясла, а при этом в сторону ведет. Такое ощущение, что ложе раскачивается, а я пытаюсь руками ухватиться хоть за что-то, чтобы эту качку унять. Вспомнила, что в прошлый раз, когда в отцовский дракарат прилетели, я вообще вырубилась сразу и надолго. И поняла, что, кажется, делаю успехи... Только голова все равно немилосердно кружилась...

Я взгляд подняла и Исама увидела, о котором успела забыть на пару секунд. Кажется, он назвал меня лживой. И сказал, что было с кого брать пример... Он правда это сказал?! Мне не почудилось?!

— Что? — часто хлопая ресницами переспросила у дракона. — Ты, правда, это сказал?

Во синих глазах полыхнула ярость.

— Ни ты, ни твой отец не ведаете чести, — сказал он.

Я приложила пальцы к вискам, пытаюсь сообразить: я наяву это слышу? Может, у меня галлюцинации от оборота? Но раньше, вроде, не было...

— Исам, — пробормотала я. — Где мы?

О том, что уж никак не в Альма-матер я как-то уже начала

догадываться

— Отдыхай, принцесса Таши, — свысока бросил дракон. — Ты показала себя как хорошая актриса. Тебе пригодятся силы для новой роли.

Превозмогая слабость, я пробормотала:

— Да какой еще новой роли? По-человечески объяснить можешь? Что происходит? Что с тобой? Где мы, черт подери, находимся?!

Сфокусировала взгляд на Исаме, и мир вокруг покачиваться продолжил, дракон же остался неподвижным.

— Для роли наложницы, — сказал он. — Пока я не узнал твое истинное лицо, думал, что ты войдешь в мой дом, как жена.

— Мы у тебя дома? — ошарашенно пролепетала я, должно быть, инстинктивно хватаясь за любую информацию, кроме слов, которые произнес Исам в мой адрес.

— Больше я не поверю ни единому твоему слову, — процедил Исам.

— Почему? — ошарашено пробормотала я, все еще не веря в то, что то, что происходит — наяву. — Что я сделала?

— Ты — всего лишь женщина, — процедил Исам. — Каким дураком я был, когда увидел в тебе что-то иное... А ты оказалась тем самым флюгером, который поворачивается согласно дуновению ветра, а еще насквозь лживой и бесчестной.

Прилагая нечеловеческое усилие, чтобы одолеть головокружение, я распрямила спину.

— Я не знаю, о чем ты говоришь. Я ничего сейчас не знаю, кроме одного. Я ни на минуту не останусь в твоём доме.

Прислушалась: драконица завозилась внутри. Утомленная длительным полетом она тоже слабо понимала, что происходит. Кроме одного: ее самец недоволен. Ей недоволен. И, несмотря на адскую усталость, ей захотелось рыкнуть на него.

Я постаралась отпустить контроль, отдать власть над своим телом и сознанием драконице. Для этого мысленно сделала шаг назад, готовая сорваться в темный колодец... Но ничего не произошло.

Обиженная и желающая преподать урок своему обидчику драконица взревела внутри, но вырваться наружу не смогла. Теперь она ревела не только по большей части интуитивно, но уже «за дело»: драконица осознала, чья магия сковала ее там, где-то глубоко внутри, не

дает расправить крылья и взлететь.

На мой беспомощный и больше удивленный, чем негодующий взгляд Исам ответил презрительным и ледяным.

Рука дрогнула, из пальцев выскользнул кусок покрывала, обнажив ключицы и почти приоткрыв грудь, и холод в глазах дракона сменился синим пламенем. Ноздри его затрепетали, а губы сжались, я ощутила, как меня буквально обдало волной желаний. Но сейчас, когда Исаму удалось меня просто взбесить, тем, что сначала оскорбил, а потом еще и не дал обернуться, я живо приказала своим гормонам притихнуть.

У почти удалось.

— Не пытайся противостоять мне, наложница, — сказал дракон. — Женщине нечего делать в небе.

С этими словами он развернулся и вышел в высокую дверь, оставив меня одну в странном помещении, где, кажется, отсутствовала одна стена. Вместо нее было небо.

Меня снова повело в сторону и на этот раз я не стала сопротивляться.

Упав на постель, натянула на себя покрывало, которое, несмотря на легкость, оказалось очень теплым, каким-то правильно греющим.

Засыпая, я вспомнила слова отца: «Здесь я средоточие силы, в новом доме им станет для тебя муж».

Скрипнув зубами от злости, я пообещала небу, богам, всем священным горам этого мира и даже самому мирозданию, что мстить я буду изощренно и изобретательно. Дракон сам не знает, с кем связался!

Предвкушая месть, я мысленно потеряла ладони, и даже, возможно, злорадно похихикала бы, если бы не навалившийся сон.

Глава 8

Мне снилось небо. Я парила высоко-высоко в хрустальной синеве. Кончики крыльев подрагивали, предугадывая малейшие колебания ветра. В остальном я была неподвижна. Сверху припекало солнце, поднимающиеся вверх тепловые потоки приятно щекотали брюхо и лапы.

Сделав сложный кульбит, я перевернулась на спину и тут же довольно заворчала, оттого, какими теплыми и нежными оказались солнечные лучи.

Они скользили по телу, не пропуская ни одного изгиба, ни одного уголка... То, что драконье тело ощущаю, как человеческое, не показалось странным. Не хотелось отвлекаться ни на одну мысль, хотелось и дальше нежиться в солнечном свете, таком теплом и настойчивом, словно чьи-то прикосновения.

Я открыла глаза и поняла, что это не сон. Точнее, не совсем сон... Я правда лежала на спине, раскинув руки, но не в небе, а на кровати, а кое-кто блондинистый жадно ласкал меня, осыпая шею, плечи, грудь, живот поцелуями... с каждым поцелуем спускаясь ниже, наполняя все внутри каким-то томящим теплом. Ладони дракона скользили по телу, то едва касаясь, то сминая с какой-то одержимой нежностью... Прикосновения Исама наяву оказались еще чудеснее, чем те, что были во сне. Внутри все пело от восторга, кожа горела под его ладонями, а внизу живота собиралось сладкое томление.

Я застонала, выгибаясь в его руках и в тот же момент меня накрыли своим телом и нежно поцеловали в губы. Поцелуй был легкий, едва ощутимый, как прикосновение крыла бабочки, и в следующий миг мои руки обвили вокруг шеи дракона, а губы прижались к его губам.

Поцелуй, полный невыносимой нежности заставил застонать и прижаться к Исаму еще теснее, отчего ощутила, как что-то твердое уперлось в бедро и... я покрылась краской стыда.

Оторвавшись от моих губ, Исам снова принялся покрывать поцелуями щеки, шею, грудь... Пальцы сами собой запустились в белоснежную шевелюру, притягивая голову дракона еще ближе, словно боялись, что он прекратит.

— Исам, — выдохнула я.

— Таша, — ответили мне. — Как же ты прекрасна...

Внутри кто-то стрелял огненными стрелами, тело жило какой-то ему одному ведомой жизнью, а сознание внезапно озарило вспышкой воспоминания.

Вспомнилась вчерашняя жесткость Исама. Даже его жестокость.

Неожиданная, неоправданная жестокость!

И вот тело тает в объятиях дракона, плавится, словно вот-вот растечется лужицей, а сознание как изморосью покрылось.

Нам мастер Горо, когда обучал концентрации на настоящем моменте, давал такое задание: нужно было окунуть руки в два сосуда одновременно. Один — с горячей, второй — с холодной водой. Вот первая реакция, когда не знаешь, как реагировать, точнее, как уже отреагировал и отследить не успел, и есть «вкус момента сейчас», по словам сэнсэя.

И вот благодаря пылающему телу и измороси в мыслях, я этот самый вкус сейчас и ощутила. Что позволило хоть ненадолго гормональную атаку под контроль взять.

Я отпрянула, оперевшись ладонями в грудь Исама, отстраняя дракона от себя.

Встрепанный, покрасневшийся, я таким его еще не видела... и при этом такой... желанный! Меня так тянуло к нему, что ощущала почти физические страдания.

Заглянув в глаза дракона, поняла, что мой гормональный бунт — ничто по сравнению с тем, что пожирает изнутри его. В синих, обрамленных пушистыми ресницами глазах не было ничего, кроме желания. Сумасшедшего, яростного, сжигающего все на своем пути, желания!

Короче, руки, которыми в грудь дракона упиралась, меня предали. Вот только что держали его, то называется, на расстоянии вытянутой руки (ладно, полусогнутой), а уже обвилились вокруг могучей шеи. Исам вдохнул запах моих волос, тяжело выдохнул и принялся целовать шею. Каждое прикосновение его губ вызывало подергивание вниз.

— Подожди, — хрипло попросила я, когда наши губы почти встретились.

В тот же миг дракон отстранился и чуть приподнялся, что позволило мне пошевелиться. О чем я тут же пожалела, потому что

снова силу его намерения ощутила...

— Тяжело? — спросил Исам хриплым голосом и раздвинул мои ноги коленом.

Я замотала головой и снова руками ему в грудь уперлась.

— Нет.

— Что случилось? — вид у Исама был недовольный до крайности и почти невменяемый. Я скорее почувствовала, чем поняла, что он сейчас слабо соображает, от слова совсем.

— Мне странный сон приснился, — сказала я. — Или галлюцинировала после оборота.

Исам снова припал в поцелуе к шее. Тело выгнулось ему навстречу, я закусила губу, но не смогла сдержать стон.

Поцелуи дракона были нежные и при этом какие-то неистовые. В них было столько власти и уверенности, что невольно хотелось покоряться. Покоряться?! Эта мысль меня почти отрезвила.

— Давай поговорим о твоих снах позже, — прошептал Исам, продолжая целовать.

И в общем-то я была не против...

Но все же, изловчившись, столкнула его с себя и назад отползла. Пока спиной во что-то мягкое не уперлась.

— Давай поговорим сейчас, — с нажимом так сказала, и, когда показалось, что дракон на меня сейчас зарычит, поспешно добавила: — Это важно.

Исам не двигался, только выразительно смотрел на меня. Вид у него при этом был как у затаившегося хищника, который в любой момент готов разомкнуться пружиной и прыгнуть, запустить когти в добычу. Вспомнилось, как во вторую встречу мне пришло на ум, что беловолосый дракон на снежного барса похож, и сейчас, с рассыпавшимися по плечам волосами, с горящими льдинами глаз на хищном аристократичном лице дракон как никогда напоминал крупного, очень опасного хищника.

Дракон молчал, только смотрел выжидательно.

Я выдохнула и проговорила:

— Снилось, что ты сказал что-то вроде, что я у тебя не в гостях, а в плену... И перекинуться не дал.

Сумасшедшее желание в глазах дракона приправилось недовольством.

Блондин сел, и при этом стало понятно, что он только по пояс обнаженный. Ниже — легкие черные брюки.

— Это не сон, Таша, — сказал он спокойно, скрестив на груди руки. — Ты — моя наложница.

— Что? — тоном, не предвещающим кому-то блондинистому ничего хорошего, переспросила я. — Кто я тебе? Повтори!

— Наложница, — припечатал дракон.

— Мечтай! — фыркнула я. — Давай о твоих фантазиях позже поговорим, а? Не намерена здесь задерживаться ни на секунду!

Взгляд Исама как-то ненавязчиво вниз скользнул.

— Ой! — пискнула я и стыдливо прикрылась легким, как паутинка, покрывалом, которое, к моей досаде такое тонкое было, что не скрывало ни одного изгиба.

— Ты уже моя, принцесса Таши, — сказал дракон. — Властью неба и силы, ты моя.

— Мечтай! — повторила я.

Меня дернули за ногу, подтаскивая к себе. Я лягнулась. Не помогло. Хриплое дыхание, стоны, недолгая и неравная борьба — и вот мои ноги надежно блокированы его коленом, а руки разведены по сторонам.

Исам нагнулся совсем близко, тяжело дыша, скользнул взглядом по лицу, губам... а потом поцеловал. Нежно и в то же время очень властно, словно печать ставил. И, что хуже всего, на этот поцелуй все внутри отозвалось... Но через секунду блондин отпрянул, схватившись за губу, и взгляд — бешеный! А у меня во рту солоноватый привкус... и гормоны совсем взбесились!

Он только рванул ко мне, я уже отскочила на середину кровати.

Рванув за покрывало, выдернула его из-под колена дракона, и, вскочив на ноги, замоталась.

— Убирайся вон! — воскликнула я и на дверь указала. — Видеть тебя не хочу!

— Я знаю, — неожиданно сказал дракон. — Но теперь тебе придется видеть меня всегда. Потому что ты — моя. Моя женщина. Моя наложница. Моя собственность.

— Что?! — взбесилась я. — Да ты что о себе возомнил! Гад... чешуйчатый! Ящерица летучая!

— Ящерица?! — переспросил Исам.

— Не приближайся ко мне! Видеть тебя не хочу! Убирайся сейчас же! Какое право вообще имел сюда входить!

Куда — сюда, понятия не имею. Никакого. Но логически — место, где отдыхает не совсем одетая девушка уж точно не предназначено для посещения мужчиной.

— Что ты вообще здесь делаешь?

— Я у себя дома, — спокойно сказал Исам. — И ты тоже. Отныне это — твой дом, принцесса Таши. И хотелось тебе этого или нет, но ты отсюда не выйдешь. Пока этого не захочу я. А я не захочу. Люблю, когда мои вещи на своих местах.

— В таком случае уматывай отсюда! — взвилась я. — Если это мой дом, то я запрещаю тебе входить сюда, понятно? Ты... Ты обманул меня! Ты обманом заманил... Ты....

Казался таким хорошим в небе, — хотела добавить я и не добавила, потому что так горько стало... И хуже всего, непонятно. Вот просто непонятно, за что он со мной так?

— Так нечестно... — вырвалось у меня.

— Нечестно?!

Исам выглядел взбешенным и обескураженным одновременно.

— Не тебе говорить о чести, принцесса Таши. Ты не ведаешь этого понятия, как и твой отец. Да за то, что ты сделала...

Исам не закончил, посмотрел на меня странно, и, явно сдержав себя в последний момент, покинул комнату, хлопнув дверью так, что я подпрыгнула.

Я рассеянно уставилась на дверь.

А что я сделала?

* * *

Какое-то время приводила дыхание в норму, затем завертела головой, осматриваясь.

Надо сказать, комната впечатляла. И не столько размерами, как странной куполообразной формой и гигантским окном, которое вчера показалось отсутствием стены. На самом деле стена была. Ну, как стена, скорее, невысокий, по пояс, бортик с широким мраморным подоконником, напоминающим столешницу.

Стены здесь были белыми. Из какого-то искрящегося камня. Судя по ровности, казалось, что эта гигантских размеров комнатка выпилена в цельном куске скалы. Я подошла к стене, провела по ней ладонью — на ощупь чуть шершавая и как будто теплая.

— Магия, — буркнула я, скривившись. Потому что как вспомню, что меня в местную Альма-матер не пускают, так обидно стало.

На подоконник спикировала птица. Белая, похожа на альбатроса, только полностью белоснежная и с хохолком. Меня не испугалась, склонила голову набок и уставилась глазами бусинками.

Чтобы не спугнуть пернатую, я ближе подходить не стала, застыла, где стою. Птица смотрела так пристально, словно видела насквозь и от этого совсем не птичьего взгляда я даже о том, что собиралась обследовать место, куда меня закинуло в очередной раз, забыла.

— Как же это я так опростоволосилась? — спросила я у птицы. — Ведь он с самого начала, ну не с самого, а тогда, у папашки в саду каким-то странным казался... Как же я ему поверила?

— Крак! — ответили мне, и я кивнула, словно поняла.

— А как было не поверить? — продолжила я рассуждать вслух. — Я, если честно, думала, что он здесь самый нормальный... Да что там, единственный нормальный. И, только никому не говори, моя истинная пара. Ко всему...

— Крак! — снова ответили мне, и я снова кивнула.

— Так драконица сказала, — доверительно сообщила я птице, посчитав нужным прояснить этот момент.

Гостья опять посмотрела на меня, склонив голову набок, и я поправилась.

— Ну, не сама сказала, понятно. Из нас двоих я только разговариваю. А... скажем, дала почувствовать, что ли. И вот еще... Почему-то я то сама себя драконицей чувствую, то мы с ней вроде как отдельно. Она сама по себе, я — сама по себе. Медитации помогли, кстати, я ее теперь лучше слышу... И оборот второй не настолько болезненный был, как первый... Акио говорит, в Альма-матер всем азам учат... А как туда добраться? Молчишь? То-то и оно.

— Крак! — сказали мне в третий раз, а затем улетели.

Я задумчиво посмотрела вслед птице, а потом вернулась к осмотру новой тюрьмы (поскольку своим домом я это место называть не собираюсь).

Кроме неприличных размеров ложа, глянув на смятые простыни на котором, я зарделась, здесь стояло еще две невысоких тахты, кушетка, которую тут же захотелось перетащить к окну. На тахтах и кушетке — подушки с кистями и воланами.

Два круглых столика перед диванчиками, и еще один, высокий и массивный. И все это — кипельно-белое! Я хмыкнула. То ли кому-то моя комнатка в другом мире запомнилась, а точнее, что питаю слабость к белым стенам, то ли здесь так принято. Ах да, они же Ледяные, им положено в эдаких снежных крепостях жить.

Несмотря на размеры и почти полное отсутствие мебели, комната пустой не выглядела. Или это просто я люблю пространство? Вдоль стен на изящных белоснежных постаментах стоят ледяные статуи — драконы и какие-то странные существа.

Кроме той двери, через которую ушел Исам, и которая оказалась закрытой (вот кто бы сомневался?) здесь еще три двери было. Я тут же сунула туда нос. За одной ожидаемо оказалась, как здесь принято говорит, купальня и удобства. Причем удобства из серии только удобства с крохотным умывальничком еще за одной дверью были, из чего я заключила, что выпускать меня отсюда в ближайшие лет сто не собираются.

А потом вспомнила слова хранителя из храма ветра, дракона, который к ним звал, но советовал пожить сначала хотя бы тысячу лет... И я прям мурашками покрылась, представив перспективу — прожить эту самую тысячу лет в этой белоснежной тюрьме в качестве наложницы белобрысого тирана.

В общем, я бассейн небольшой и водопадик в скале только взглядом окинула и обратно выскочила, потому что интересно же, что тут еще есть.

За соседней дверью обнаружилась гардеробная. Не такая роскошная, как у папахена во дворце, но вполне себе приличных размеров. Я, если что, такое недавно своей комнатой считала.

И если в том гардеробчике преобладали красно-золотые цвета, то здесь, ожидаемо, белые. А еще кремовые, серебристые, голубые, бирюзовые. «Кимоно» здесь тоже было, только не из таких плотных тканей, как в Огненном дракарате, а больше из легких, струящихся. А еще много платьев по крою на древнегреческие туники похожих. Прежде, чем одеться, я облазила все полки, ящички, шифляды в поисках

белья. И такового вообще не нашла! Разные платки, шали, накидки, какие-то парео, даже плащи с капюшонами, подбитые белым мехом... но ни чулочков, ни бельишка, — ни трусиков, ни бюстиков!

— Вот, значит, как. Бельишка наложницам не полагается, — сквозь зубы процедила я. — Учтем.

Кто-то сильно, просто очень сильно нарывался. Можно даже сказать, уже нарвался. И я буду не я, если этот кто-то скоро сам не пожалеет об эдакой вот драконьей тирании!

— Гад чешуйчатый, — вырвалось у меня. — Ничего, от папахена ушла и от тебя уйду.

О том, что, если бы не Исам, уйти от папахена мне бы не удалось, я как-то старалась не думать.

Но прежде чем строить план побега, нужно было все-таки одеться. Нет, покрывало прекрасно грело, и вообще было очень удобным, но хотелось чего-то более существенного и менее скользкого.

Порывшись в вещичках, остановила выбор на легком белом платье наподобие греческого хитона, с пояском. Ткань, конечно, тонкая, но тут все такое, зато это хотя бы длинное, до пят. Правда, с разрезами по бокам, высокими такими, если что, побегать можно. А что касается выреза... что ж. При некоторых блондинистых не буду наклоняться.

Теперь волосы. Возле большого овального зеркала в серебряной раме нашлись разные шпильки-гребни-заколки. Осмотрев богатство, а богатство в прямом смысле, потому что каждая, даже самая заваливающая шпилечка была украшена жемчужиной или сверкающим камушком (и вряд ли стекляшкой), я хмыкнула и пробормотала под нос:

— И ни одной резинки или крабика! Он же не бабушку мою очаровать решил, а меня... Вот что бывает, когда мужчины пытаются...

Что мужчины пытаются, я не договорила, моим вниманием еще одна шкатулочка завладела, больше на сундучок похожа.

Приоткрыв крышку, я ахнула: здесь в футлярах и без них лежали разные цацки: кольца, серьги, ожерелья, браслеты, диадемы и еще небо знает, что, и все такое блискуче-переливательное, что стаю сорок хватило бы от счастья с ума свести.

В папахенском дворце мне украшения тоже полагались, но здесь, сразу видно было, побогаче как-то... Или это я уже разбаловалась.

К цацкам я с детства как-то равнодушна. До четвертого класса,

помню, носила перстенок (пока налезал), который Виталий Владиленович в тире выиграл. Крохотное такое колечко с цветной стекляшкой, уж на что под конец облезлое, жалкое, а снимать не хотелось. Ну так то отчим дарил, которого я даже про себя боялась папой назвать, благоговела, а тут... Чешуйчатая блондинистая зараза, возомнившая себя богом и господином.

— Ничего, он еще очень-очень пожалеет, — сказала я, обувая сандалики. На плоской подошве, тоже в греческом стиле, с ремешками-завязочками.

Волосы расчесала и решила распущенными оставить. А этими гребнями и шпильками пусть сам пользуется.

Выходя из гардеробной, взглянула в зеркало: на меня смотрела темноволосая девушка с нежной кожей, лицом сердечком, стройная, можно сказать, худенькая, но с манящими формами. От всех этих перелетов-оборотов лицо осунулось, чуть заострился нос, а ярко-зеленые глаза с серебристыми крапинками кажутся просто огромными.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы отметить: что-то неуловимое поменялось в облике после обретения дракона. Что? Присмотревшись, я отметила, что черты лица не стали хищными, как у других драконов, наоборот странным образом смягчились, но стали какими-то аристократичными, что ли? А еще, что из-за перенесенной болезни, вызванной противостоянием папахену, под глазами пролегли круги, а сам взгляд стал каким-то настороженным...

Я приблизила лицо к зеркалу и ахнула: зрачок чуть вытянулся. Если не приглядываться, это не бросается в глаза, к слову, у Исама и Кеншина я ничего подобного не замечала, но это должно быть оттого, что драконы владеют магией. Вон они как ловко переодеваются вместе с оборотом. И шмотки прям настоящие получают, я щупала.

Вот если бы мне так научиться, я бы в эту же секунду соорудила себе хотя бы трусы какие... в целях контрацепции исключительно. И назло белобрысым врагам.

В покои я вернулась, комкая в руках давешнее покрывало, которым, предварительно встряхнув простыни, застелила кровать. Аккуратность в том, что касается застеленной постели — привычка, тут уже ничего не поделаешь. Я в общежитии и свою, и Ариэлькину кровать застилала, потому что не могу окончательно проснуться, глядя на разобранную постель. Бесит. Ариэлька еще прикалывалась, что я буду

из тех жен, которые застилают половину кровати мужа, когда он ночью встает в туалет.

Вспомнив Ариэльку, нахмурилась. В глазах предательски защипало. Ну так нечестно, в конце концов! Она — где-то там, волнуется, наверное, переживает, а я, получается пленница блондинистых самодуров в драконьем мире. Хотя для подружки мамуль, наверное, что-то придумала. А может и рассказала все, как есть. Иришка девчонка понятливая и в том, что касается серьезного, не болтливая.

В задумчивости я подошла к окну. В прошлый раз обзреть вид помешала птица.

Подойдя, ахнула.

И стояла в ступоре минуту, наверное.

Способность рассуждать и вообще мыслить, вернулась не сразу.

Потому что из окна моей «темницы» открывался просто невероятный вид! Самый невероятный из всех возможных!

Во-первых, небо. Оно было... Везде! Синее-синее и одновременно прозрачное... Пронзительное!

Во-вторых... я уже забыла, что вчера мы летели между каких-то огромных парящих гор, так вот, дом Исама находился на одной из них! Судя по тому, что у меня перехватило дыхание, когда перевесилась через подоконник и глянула вниз, мы находимся чуть ли не на самой вершине!

И напротив — еще такая же громадина в домиках, лесах, реках... и с другого бока еще одна...

Парящие горы, громадные, покрытые зелеными пушистыми покрывалами лесов, опоясанные равнинами, с дырами пещер, которые, кажется, вот-вот подмигнут черными глазами...

Такие ступенчатые, сужающиеся кверху, с широкими дорогами, гейзерами, озерами, водопадами! Невероятное зрелище!

На макушке почти у каждой горы ледяная шапка, белая-белая, так и переливается на солнце. Я опустила взгляд, присмотревшись на их основания и ахнула — с озерами, даже отсюда видно, очень глубокими, горы соединяют водопады! Потоки воды выглядят ниточками, которые удерживают воздушные шарик... Чудную гравитацию я списала на магию.

И хоть мои собственные магические способности находились скорее в номинальном статусе, я чувствовала, что здесь все пропитано

волшебством.

— Так вот она какая... драконья магия, — вырвалось у меня. И недавние рассуждения о том, что силой магии драконы создают себя одежду, показались детскими. Это же надо! Парящие горы и целый драконий город!

Раздалось хлопанье крыльев и на подоконник спикировала давешняя птица. В клюве у нее был цветок. Причем, какой-то знакомый цветок.

Птица положила цветок на подоконник, отступила на шаг и склонила голову набок, словно наблюдала за моей реакцией.

Медленно, чтобы не спугнуть пернатую, я протянула руку и взяла цветок. Точно! Не зря показался знакомым! Точь-в-точь такой я находила недавно на стоянке, драконы еще сказали, что это благословение фей.

Вдохнув чудный аромат, я растрогалась.

— Спасибо! — вырвалось у меня.

— Крак! — сказала птица, а я почувствовала, что не одна. Что у меня где-то здесь есть друзья. Когда была в папахенском дворце, часто вспоминала фею, которая помогала по пути к священной горе Сусаноо. Все ждала, что объявится, поможет, подскажет... Но фея так и не появилась, и я подумала, что папахен не только меня давит авторитетом.

А тут... цветок фей! Ю-ху-у!

А я уже распереживалась, что мой рюкзачок диверсанта в папахенских хоромах остался, а тут, у тирана белобрысого я и вовсе беззащитна!

Ну, теперь держись, Исам! — возликовало мое злорадство. Дай только встретиться с феей, мы тебе покажем!

— Спасибо, птица, — снова повторила я и мне снова вежливо кракнули в ответ. Я добавила: — Так приятно знать, что не одна в этом драконьем городе. Хотя, не спорю, очень красиво, прямо волшебю. Одно только непонятно.

Пернатая по-птичьи склонила голову и уставилась глазками-бусинками.

— Только... Неужели они тут без женщин... На этих островах? — спросила я. — Это ведь невозможно, вот совсем. Женщинам-то, не драконицам то есть, сюда не забраться...

— Крак! — изрекла птица.

А я догадалась:

— А, тоже магией, наверное, забираются!

— Крак! — подтвердила птица.

— Тогда понятно...

За спиной хлопнуло и я обернулась.

В комнату вошла девушка, светленькая, с пышной шапкой волос и двумя косичками, в темно-синем закрытом платье с разрезами по бокам, в которые виднеются узенькие брючки.

— Принцесса Таши Кинриу, — сказала она мелодичным голосом. — Господин Ичиро Исами ожидает вас к завтраку.

— Путь катится со своим завтраком, — начала было я, но запнулась. Девчонка стояла, вытаращив глаза и тыкала пальцем куда-то рядом со мной. Я даже вздрогнула, обернулась. Никого. Птица по-прежнему сидит на подоконнике, склонив голову, изучает теперь девицу.

— Быть того не может, — пробормотала девушка, а я непонимающе нахмурилась. — Священная птица Рух!

Я снова зыркнула на пернатую. Альбатрос-альбатросом, только полностью белая. И с хохолком.

— Крак! — сказала птица на этот раз девушке.

Та, недолго думая, рухнула на колени и руки простерла к потолку.

— Священная птица Рух благословила меня!

Я не выдержала и хихикнула.

Опомнившись, девушка поднялась. Вид у нее был пристыженный. Мне даже не по себе стало, все-таки для них здесь, в этом мире, ритуальная сторона жизни очень важна.

— Я — Юки, принцесса Таши, ваша джошу. Рада служить....

Девушка церемонно поклонилась, и я ее движения повторила, ладошки у груди сложив, чем несказанно ее удивила.

— Я уж думала, хоть здесь без джошу обойдемся, — пробормотала я и, заметив недоумение в глазах девчонки, пояснила: — Я имею ввиду без всех этих церемоний. Меня просто Таша зовут. Или Саша. Выбирай, как больше нравится. Давай, пожалуйста, без «выканья», потому что постоянно оглянуть хочется и спросить «Кто здесь?» и без принцесс, потому что ты наверно знаешь уже, я из другого мира, а там монархия лишь в паре стран сохранилась и то номинально.

Юки оторопело моргала какое-то время, слушая меня, а когда я

закончила, выдержала паузу и повторила, что господин Ичиру Исами ждет меня к завтраку.

— Я не буду с ним завтракать, — заявила я, а живот недовольно заворчал, явно не соглашаясь с гордостью. — Если мне нельзя выйти отсюда и пройти на кухню, будь другом, притащи чего-нибудь перекусить сюда. Если не сложно, конечно!

Девушка сглотнула и часто заморгала.

Но не пошелохнулась.

Проводив взглядом птицу, которая решила, видимо, что для визита вежливости достаточно, я заправила цветок за ухо и снова взглянула на «джошу». Та как стояла, так и осталась стоять без движения.

— Что-то не так? — осторожно поинтересовалась я.

Девушка потупилась.

— Мне велено привести вас завтракать, принцесса.

В животе заурчало так, что должно быть, джошу тоже услышала.

— Вот как? — задумчиво переспросила я. — Привести. Меня. Завтракать. Ну Исам, вот сам ведь нарвался!

Девчонка ресницами испуганно захлопала, а я подмигнула ей.

— Веди.

Что ж. Из окна сигать только драконицей можно, это я уже сообразила. Надо мне разведать, как у них тут другие способы передвижения устроены.

Я уже поняла, что домик, где меня поселили, небольшой по сравнению с папахенским дворцом. Гостевой, что ли? Хотя для гостевого он слишком роскошный. Оказавшись на лестнице, я увидела, что она и вниз и вверх ведет. Юки повела вверх. А что там внизу я потом разведу, если выпустят...

Мы поднялись на открытую площадку с низкими перилами и у меня дыхание сперло от восторга. Какое-то время я просто глазами хлопала и соображала, что то, что ветром отсюда не сдувает, должно быть, тоже магия. Оглянувшись на гору за своей спиной, увидела в ней широкую расщелину, чьи края были словно стянуты стежками лестницы. А за прозрачным коридором лестницы двигался лифт, и до меня дошло, как они тут перемещаются. Оглянувшись по сторонам и рассмотрев пару ближайших гор повнимательнее, увидела, что у них тоже эти самые стежки-лестницы имеются, отчего парящие горы кажутся похожими на мячи для американского футбола.

Я так заинтересовалась окрестностями, что сервированный стол посередине площадки и сидящего за столом Исама не сразу заметила.

А потом взглядом с драконом столкнулась, а сердце привычно ухнуло.

Вот кажется, только что его из комнаты выставила и кричала, что видеть больше не хочу, а увидела и захотелось подбежать навстречу и на шею броситься! Потому что драконица, завидев своего самца, радостно взревела внутри и я постаралась мысленно напомнить ей, что она, вообще-то из-за этого самого блондинистого взаперти сидит, вместо того, чтобы летать и качаться на воздушных качелях.

Драконица притихла, но гормональная атака успела «включиться». Исам, с убранными назад волосами, которые он собрал в низкий хвост, в серебристом переливающимся камзоле, с его широким разворотом плеч, рельефной мускулатурой, узкой талией, хищным, аристократичным лицом, был великолепен! И смотрел при этом так, что мысли превращались в какой-то кисель, а тело... в предательское нечто!

Исам встал из-за стола, сделал приглашающий жест. Я беспомощно оглянулась на Юки, но ее и след простыл.

Дракон нахмурился и направился ко мне.

И вот он подходит, а внутри екает, и хочется смотреть на него, непрерывно, и одновременно что-то подсказывает: беги! Беги от него со всех ног! Но куда отсюда, с парящей горы, с подавленным драконом и непроявленной магией, я денусь?

Осознание, что блондин обманул, бесчестно заманил в ловушку, притворившись хорошим, отрезвило.

Поэтому, когда дракон приблизился, я уже хлопать ресницами и мысленно слюной капать перестала. Ожидала его... надеюсь, что с презрением на лице. По-крайней мере, очень хотелось в это верить...

— Спасибо, что согласилась позавтракать со мной, — сказал Исам, и при этом смотрит так пристально... И где-то там, за показной жесткостью мелькает нежность... Или это я придумываю?

— Ты не оставил мне выбора, — холодно ответила ему, но голос при этом предательски дрогнул.

Взгляд Исама, который только-только был почти нежным, заледенел.

— Ты будешь есть в моем присутствии, — сказал он. — Или не есть вовсе.

Как назло, в животе заурчало, захотелось даже по нему хлопнуть и попросить, чтобы потише. Вместо этого вскинула подбородок и процедила:

— А ты еще более подлый, чем папочка. Он хотя бы сразу убить обещал. Но вот голодом не морил. И уж тем более, свое общество таким образом не навязывал.

Исам побледнел, брови его столкнулись у переносицы, губы превратились в одну линию, а на щеках заходили желваки.

Он шагнул ко мне и я рефлексивно отпрыгнула.

— Не подходи! — крикнула, выставя перед собой руку. — Прыгну.

И обернулась назад.

Исам замер.

Затем что-то мелькнуло в воздухе, а я оказалась у него на руках, прижатой к груди. И лицо его так близко, и глаза... и губы...

— Я знал, что ты предпочтешь смерть, только бы не быть со мной, — сказал Исам, и в голосе его столько боли при этом... Да и от формулировки я, мягко говоря, опешила.

Вот только он так пугающе близко... И, судя по потяжелевшему дыханию, я нарвалась. Надо было сразу на завтрак соглашаться. Потому что, чувствую, еще немного... и я сама стану десертом для одного голодного дракона. Фигурально выражаясь.

— Ты завтрак обещал, — выдохнула я. — И... есть очень хочется...

Взгляд Исама не сразу стал осмысленным. Но через несколько секунд меня все же усадили на стул с высокой спинкой.

Исам напротив уселся и продолжил пристально смотреть.

Подрагивающими пальчиками расстелила салфетку на коленях, обозрела стол и сглотнула.

Птица в оранжевом, облепихового цвета, соусе. Тефтельки в томатном. Отбивные двух видов, мясные рулеты... Филе красной, и, судя по всему, очень большой рыбы. Рядом с блюдом пиала с лимонным соком. На овальном блюде на зеленых листьях салата выложены креветки, крупные и розовые, одного взгляда достаточно, чтобы слюной захлебнуться. А еще запеченные овощи, какое-то желтое пюре, треугольные сэндвичи, скрепленные шпажками...

Дальше смотреть как-то недосуг стало. Руки сами потянулись к закускам, отбивным, к рыбе, к креветкам. Все настолько вкусным

оказалось, что на какое-то время я просто исчезла. Лишь когда намазала хрустящую, разрезанную пополам булочку маслом, третью по счету, можно сказать, пришла в себя.

Исам ел много и жадно. Даже на меня не смотрел, что радовало. Потому что несмотря на весь абсурд ситуации, на какие-то совершенно нелепые обвинения Ледяного, меня к нему тянуло, и... злость то вспыхивала, накрывая девятым валом, то вообще исчезала, и я понимала, что меня можно брать тепленькой.

Налив себе из пузатого чайника какого-то ароматного отвара, я сделала глоток и почувствовала себя почти счастливой.

Захотелось поговорить с Исамом, рассказать, как все было, у отца, о том, как пыталась противостоять ему, и об этой адской боли потом, и о неделе, проведенной в постели, и как тряслась до зубной дроби, когда думала, что меня другому отдадут, и все-все-все рассказать захотелось.

Но что-то сдерживало.

Быть может, холод в синих глазах, может его откровенные намеки на то, что не знаю чести... Что такая же, как мой отец... А может и то, что при этом сам обманул меня, заманил к себе, с помощью своего магического авторитета сделал наложницей.

Как ни было тяжело признать это, но отец оказался очень прозорлив, когда сказал, что небо не для женщин... а я нужна только в качестве матери драконов... И вот Исам повторил его слова, почти слово в слово, и это было больно, очень больно. А еще незаслуженно и обидно.

И разговаривать с блондином после всего вот этого элементарно не позволяла гордость.

— Как тебе завтрак? — светским тоном спросил блондин.

— Спасибо, все чудесно, — не поднимая на него взгляд, ответила я и салфетку с колен подняла и на стол положила.

А вот этот его светский тон взбесил! А еще показалось, что кто-то тоже не в восторге от того, что смотреть избегаю и отвечаю сухо.

— Я пытаюсь наладить контакт, принцесса, — чуть не скрипнув зубами, проговорил Исам. — Делаю все, что в моих силах, чтобы твое пребывание в моем доме приносило радость... нам обоим.

— Мерси, я просто счастлива, — издевательски бросила я. — Благодарю покорно, что накормили, сто поклонов вам в шляпу, а сейчас, прошу извинить, откланяюсь. Потому как клетка без меня пустует.

— Прекрати!

От опустившегося на стол кулака столовые приборы и блюда подпрыгнули и жалобно звякнули.

— Я делаю все, что в моих силах, — прошипел Исам.

Только это он зря. Кулаком по столу и я бить умею. Если что.

— Судя по твоим поступкам, в твоих силах многое, — ехидно процедила я, чувствуя, что итак уже нарвалась, куда больше то... — А если с завтраком все, и я могу быть свободна, то я вполне уже сыта.

— Зато я голоден, — ответили мне и внутри все задрожало от такого прямого намека. — И что касается твоей свободы, то есть ее призрака, отныне она зависит лишь от моей доброй воли.

Дыхание перехватило от ярости.

Сама не поняла, как это получилось...

Но когда Исам вытер с лица соус (собственно от летящей в его головы пиалы дракон увернулся, так, только соусом немного брызнуло), поняла, что на этот раз нарвалась.

Я пискнуть не успела, когда ко мне метнулся ледяной вихрь... Пискнуть не успела, а подхватить со стола еще два блюда удалось... И когда меня рывком подхватили на руки... В общем, неудобно как-то получилось. Мне. Потому что не только дракона, но и свое платье испачкала, а между прочим, только надела.

И вот, прижимает он меня к груди, тяжело дышит (от злости, наверное, я бы тоже разозлилась...), весь в ошметках салата... а я шевельнуться боюсь. Платье мокрое, грязное, и под ним нет ничего. И судя по тяжелеющему дыханию дракона, он прекрасно это понимает.

Обратно в покои меня, как принцессу, на руках отнесли. А когда со мной прошествовали мимо кровати, я даже было приободрилась. Но потом, когда поняла, куда мы направляемся, начала вырываться, чем только хуже сделала. Исам, чтобы пресечь мою вредительскую деятельность руку положил... ну, скажем, на бедро. А платье, как я уже говорила, с разрезами, и в общем рука дракона как-то неожиданно под платьем оказалась, на, скажем, бедре. Еще и сжал...

Дверь купальни перед драконом испуганно распахнулась, а я моргнуть не успела, как меня в бассейн уронили. А следом сами прыгнули.

И уже в бассейне оказалось, что дракон каким-то чудесным образом успел избавиться от одежды... А потом и с меня платье стянул.

Глава 9

Вырываясь, я так бултыхалась, что бассейн, думала, из берегов выйдет. Но Исам как-то быстро меня обездвигил. Даже обидно. Причем больше всего обидно то, что несмотря на апломб, сопротивлялась я не в полную силу. Что-то внутри стремилось навстречу дракону, жаждало его прикосновений, несмотря на злость и обиду, очень хотелось касаться его самой. Драконица внутри рычала, причем на меня, за то, что не даю ей соединиться с ее самцом, которого она выбрала раз и на всю жизнь.

Меня же отрезвляли обидные слова Исама, и еще больше его отчужденность. То, что бросил в лицо какие-то нелепые обвинения, а поговорить, нормально, по-человечески, даже не удосужился.

И в то же время он был рядом. Несмотря ни на что, по-прежнему очень близкий. И очень нужный. Обжигающие прикосновения, поцелуи, от которых нежность накатывала волнами, а внутри стреляло огненными стрелами... Я сама не поняла, как это случилось, когда стала отвечать на его поцелуи. Поначалу робко, словно сама не верила в то, что делаю, прижатая к пологому бортику бассейна.

И вот уже притягиваю руками его голову ближе, тоже впиваюсь в его губы, тоже как будто пью его дыхание и не могу напиться.

Перемена во мне не прошла незамеченной для Исама.

Дракон перестал сдавливать в объятиях до хруста ребер. По-прежнему прижимая меня к бортику, руками он скользил по телу, и каждое прикосновение заставляло трепетать, выгибаться, прижиматься к нему еще больше.

— Саша, — выдохнул он, когда я прикусила его мочку уха. — Александра.

Его губы накрыли мои нежным и одновременно властным поцелуем, в порыве, который не предполагал отказ. Тело обмякло, стало каким-то слабым, безвольным, жаждущим продолжения.

Исам притянул за бедра к себе и я всхлипнула, и, обнимая руками за шею, прижалась к нему еще теснее.

Разведя ноги, которыми тут же обняла дракона, он подхватил меня под бедра и вынес из бассейна, почти не прерывая поцелуев.

Усадив на высокую массажную кушетку, меня насухо вытерли, не пропустив ни единого уголка на теле. Сам же дракон вытираться не стал. Ему почему-то не понадобилось. Заглянув в глаза, в которых ничего, кроме сумасшедшего желания, не было, я поняла, что у меня, что называется, сейчас будет-таки интим.

Эта мысль чуть отрезвила, я отстранилась, а поцелуи дракона, который сразу заметил перемену в моем настроении, из властных снова стали нежными, какими-то успокаивающими.

— Исам, я, — начала было я, задыхаясь.

— Саша, прошу тебя, — почти простонал он. — Не сейчас.

С этими словами меня подхватили и понесли в спальню, где бережно положили на неприличных размеров ложе.

Исам принялся покрывать поцелуями лицо, шею, грудь, я выгнулась ему навстречу, и в это время вспомнились его слова, про призрак свободы и про то, что я наложница... И снова ощущения какие-то двоякие стали. С одной стороны, я просто горю от ласк и поцелуев дракона, а с другой — какой-то у этого всего горький привкус.

И тут же уперлась ладонями в грудь, отстраняя его от себя.

— Исам, — умоляюще попросила я, проклиная себя за этот тон. — Подожди.

Дракон посмотрел на меня непонимающим взглядом. Синие глаза потемнели от желания.

«Он же не соображает ничего, — пронеслось в голове. — И мы... мы оба голые... Мамочки...»

— Нам надо поговорить, — сделав над собой нечеловеческое усилие, от которого драконица внутри даже не зарычала, а взревела, проговорила я.

— Сейчас? — буквально прорычал Исам.

— Да, сейчас, — ответила я, ощущая почти физическое страдание. Все мое существо тянулось к Исаму, и я понимала, это правильно и логично. Его выбрал мой дракон, его выбрала я... Но... Вот эта какая-то недоговоренность была неправильной. Несмотря на абсолютное отсутствие опыта, я знала, что хочу его, просто сумасшедше хочу, но при этом желала, чтобы все было по-другому.

— Ты... — проговорила я, снова отстраняясь, потому что Исам не стал ждать, пока я сформулирую, а продолжил наступление, что в общем-то было тактически правильно, потому что из моей груди

вырвался всхлип, перед глазами снова все поплыло от желания... но следующую попытку я пресекла, увернувшись и выставив перед собой руки. — Ты говорил, что я не ведаю чести, и что знаешь, что я скорее умру, чем буду с тобой, и другие непонятные мне вещи, и что я твоя наложница, в конце концов...

Говорю все это, а самой хочется обхватить его за шею, притянуть к себе, отвечать на ласки, на поцелуи... И больше всего хочется услышать всего одно слово, точнее три, но самых главных, за которые сейчас простила бы дракону решительно все.

Исам нахмурился. Огонь желания в глазах не погас, но словно уступил место какому-то ледяному огню. Закипающей ярости.

— Небо, женщина, — простонал он. — Да, я готов простить тебя за все это, демон подери! Да что там, разве не видишь, что уже простил?! И да, проклятье демонов, ты моя наложница, принцесса Таши, и я беру свое по праву!

— Простил? — переспросила я. — То есть ты, такой хороший, меня, такую плохую простил?

Мне величественно кивнули.

— Напыщенный индюк! — вырвалось у меня.

А в воздухе, раньше, чем я поняла, что случилось, раздался звук пощечины.

Следующей не последовало, потому что меня за руку перехватили, и, рванув на себя, прошипели, глядя в глаза:

— Не испытывай моего терпения, женщина.

Под взглядом дракона захотелось съежиться. Кому-то. Не мне. Потому как абсурд.

— Значит, только тебе можно испытывать мое терпение, мужчина?!

И кто-то очень зря блок не поставил, потому что коленки у меня твердые, если что. Да и вторая рука свободная.

И я сопротивлялась всерьез! Правда, это мое всерьез не очень-то кого-то остановило. Скрутили меня быстро, перевернув на живот и заломав руки за спину. Коленом при этом ноги блокировали. И... я подозреваю, куда взгляд был при этом устремлен. Потому что это самое место буквально потеплело.

— Гордись, — выплюнула я. — Сумел справиться с женщиной. Да ты герой!

Дернулась. Бесполезно.

— Давай же, — протянула я издевательски. — Возьми меня. Кроме как силой, больше никак не получится!

Тяжелое дыхание сверху прервалось. Наступила такая тишина, в которой я отчетливо слышала, как бьются наши сердца.

— Взять женщину силой — поступок, достойный дракона, — припечатала я.

Хватка исчезла в тот же момент.

Я продолжала лежать, не шевелясь. А когда раздалась удаляющиеся шаги, повернулась. Успела увидеть только, как Исам в серебристых одеждах покидает мою спальню...

Дверь хлопнула так, что, казалось, дом подпрыгнул. Да что там дом, я испугалась, что гора эта летучая сейчас вниз обрушится. Не удержится в воздухе.

А у меня в глазах противно защипало. И я принялась их тереть изо всех сил.

— Ненавижу, ненавижу, — повторяла я, как мантру. — Напыщенный индюк! Самый напыщенный индюк в мире! Самый напыщенный их всех напыщенных и самый индюк из всех индюков! Ненавижу, черт побери! Ненавижу!

Нагота, которая отчего-то рядом с Исамом воспринималась, как должное, начала давить. Закутавшись в покрывало, я потопала в гардеробную, где выбрала похожее белое платье из струящейся ткани.

— Нет бы спросить, что мне нравится! — бормотала я под нос. — Что я хочу... Как, черти драные, я хочу! Нет! Кто-то или успешно претворялся, там, в этой их стране Идзумо, даже Кеншину далеко было до такого притворства... Или как-то внезапно мозгами поехал! А ведь я так надеялась, когда бежать собралась, что он меня найдет и в Альма-матер отнесет...

Я застыла посреди гардеробной, как вкопанная.

— Ну конечно! — вырвалось у меня горько. — Конечно! Он же мог просто похитить меня, унести... в чем там драконы принцесс похищенных носят... А ему надо было, чтобы я амулет, подаренный феей использовала! Точно! Чтобы отсюда не сбежала!

О том, что по пути Исаму пришлось биться с пятью драконами погони, и в когтях или на спине со мной это было бы, как минимум, неудобно, как-то думать не хотелось.

За спиной робко кашлянули и я оглянулась на Юки.
Девушка замерла в дверях, сложив на груди ладони.
Повторила ее жест, затем спросила с опаской:

— Что, опять куда-то идти надо?

Юки помотала головой.

— Только если хотите, госпожа, — сказала она. — Вам дозволено гулять по острову.

От этого «дозволено» я скривилась.

— Воздержусь, — буркнула я под нос. — Не хочу с вашим господином, или кем он там вам приходится, столкнуться.

— Исам мой кузен, — огорошили меня. — Моя мать с его матерью — родные сестры. И вы не столкнетесь с Исамом, госпожа. Его нет на острове.

— Как — кузен?! — возопила я. — И ты называешь меня госпожой и говоришь мне «вы»?!

Девушка пожала плечами.

— Я — джошу, — просто ответила она. — И только взяв на себя обязанности джошу можно было сюда попасть. Очень уж хотелось посмотреть на ту, кто стала драконом.

— С ума сойти, — пробормотала я. — Ну и мирок. А поподробней можно?

И Юки рассказала.

Оказывается, Исам сообщил, что в его дом войдет наложница. И не просто наложница, а дочь верховного предводителя Огненного дракарата. Если новость о наложнице осталась бы без внимания, потому что это для драконов, что называется, в порядке вещей, то весть о том, сколь высокородна новая наложница, всех буквально потрясла. Естественно, родители Исама, его многочисленные братья, а также кузены и кузины, захотели со мной познакомиться. На что Исам всем ответил отказом. Всем. Даже родителям.

— И что родители? — опешив, переспросила я.

Под рассказ Юки мы спустились на первый этаж, на кухню, вполне, кстати, комфортабельную, только на нашу мало похожую, потому что здесь все на магии работало. Не прекращая щебетать, Юки несколькими движениями сервировала стол, на котором, словно по мановению волшебной палочки, появились пирожные корзиночки с фруктами, желе и кремом, трубочки с кремом, тонкое, как лист, сахарное печенье. И

полная турка кофе, сваренного на молоке.

— Родители, понятно, не обрадовались, — ответила Юки, откусывая сразу половинку трубочки. — Но Исам в своем праве. Наложница — собственность господина (тут кто-то зубами скрипнул, и это была не Юки), он властен решать, с кем ей общаться. Исам так и сказал — вмешательство в личное пространство расценю, как вызов. Драконы, знаешь (на «ты» мы все-таки перешли, думаю, этому поспособствовало то, что кто-то блондинистый свалил), они очень свободолюбивые.

— Знаю, — процедила я. — Потому что я — тоже дракон, если что.

— Вот! — обрадовалась Юки. — Значит, понимаешь. У драконов есть традиции, древние, насчитывают не одно тысячелетие, и можно сказать, нет среди них лишних. Против традиций ни драконы, ни их жены не пойдут. Поэтому сюда никто не пробрался, с тобой познакомиться.

— А ты как же? — уточнила я.

— Традиции, — отхлебнув из чашки, сказала Юки и подмигнула. — Я заявила, что принцессе нельзя без джошу, и родственники меня поддержали. Другие сестры тоже хотели, но Исам быстро на меня согласился, мол, джошу так джошу. Он думал, что у меня не получится... А у меня получилось!

— Ага, — протянула я и отхлебнула из чашки. — Значит, местные женщины все же умеют противостоять мужчинам... Это радует!

— Это все традиции, — озорно сообщила Юки и подхватила еще одно пирожное.

— Если бы эти традиции нашли для меня лазейку, как отсюда выбраться... — пробормотала я и на лице Юки проступило сочувствие и удивление одновременно.

— Тебе не нравится Исам? — спросила она, как мне показалось, с обидой за кузена.

Я отмахнулась.

— Дело не в нравится — не нравится, — назидательно ответила я, поднимая палец. — Дело в том, что он меня обманул. Выманил из дома... ладно, ладно, от папахена я по-любому бы свалила... Но до этого обещал, что я в эту их Альма-матер поеду... А потом!

Я только рукой махнула.

— Исам обещал тебе, что отпустит в Альма-матер? — серьезно

спросила Юки.

— Он, — пробормотала я, вспоминая, как там было. — Он... дал понять.

— Значит, не обещал? — уточнила Юки.

Я помотала головой.

— Драконы всегда держат слово, — сказала Юки.

А мне сказать было нечего. Кроме того, что как-то эти ее слова резанули по сердцу.

— Вообще как-то странно все, — сказала девушка. — Мы не сомневались, что Исам найдет тебя в зеркальном мире, а потом победит в схватке за принцессу из Золотого клана. Готовили торжественный прием... А потом, когда оказалось, что ты стала драконом, гордились Исамом просто невероятно. Ледяной клан, самый малочисленный, готовился к встрече с принцессой Огненного Дракарата. Для нас для всех это честь. И мы это понимаем.

— Честь, что принцесса сала наложницей одного из вас, — горько пробормотала я. — Я теперь ваша пленница.

— Нет, ты не понимаешь, — горячо возразила Юки. — Когда вы прилетели, Исам... Он ни с кем парой слов не перекинулся. Официально объявил, что принцесса Золотого клана — его наложница, и все. Видеться с тобой запретил. Говорить, соответственно, тоже. Ни от кого не укрылось, что он очень злится. На что? Что произошло между вами?

Горящие глаза и открытые буквой «о» губы девушки говорили о крайней степени любопытства. Но мне его, увы, удовлетворить было нечем.

Я пожалала плечами.

— Да я сама не знаю. Вроде как ничего не произошло. С нами. А вот что с Исамом — совсем не понимаю. Сначала был одним, потом как подменили. Не хотелось бы думать, что он обманывал меня с самого начала.

— С начала? — переспросила Юки, нахмурившись.

— С того момента, как перенеслась в ваш мир.

Юки покачала головой с задумчивым видом.

— Драконы не лгут. Никогда.

Некстати вспомнилось папочкино «лучше мертвая дочь, чем непокорная» и холодок по коже пробежал.

— Значит, — буркнула я, икнув, — что-то изменилось. Но что?

— А ты поговорить пробовала? — спросила Юки.

Я хмыкнула.

— С твоим кузенком, пожалуй, поговоришь.

Девушка стыдливо поджала губы, а в глазах по большой-пребольшой лампочке зажглось.

— Драконы, — пробормотала она. — Им никто не способен противостоять.

— Способен, — обиженно ответила я. — Другой дракон.

Юки окинула меня неверящим взглядом.

— Ни одна женщина не устоит перед драконом.

— И все же я устояла, — буркнула я. И, не дожидаясь, пока Юки снова начнет сомневаться в моей силе воли, потому что я сама в ней сомневалась, добавила: — Что там насчет погулять?

Девушка тут же вспорхнула из-за стола. Видимо, и самой не терпелось показать мне окрестности.

Я тоже вскочила в предвкушении. И что Исама не было на острове, меня более чем устраивало.

— Сердце ветра? — спросила Юки непонятное.

— Что? — переспросила я.

— Думаю, в первую очередь ты захочешь поприветствовать сердце ветра? — уточнила Юки.

— А что это?

— Пойдем, — девушка увлекла меня из дома, походя комментируя убранство комнат.

Так я узнала, что Исам предпочитает жить обособленно от семьи, и очень скромно, даром что наследник правящего крыла. Внизу, на первом этаже — кухня, столовая, зал для приема гостей, библиотека и еще пара комнат, спальни же находятся выше. И, да, что касается размеров окон и ширины подоконника, моя интуиция не подвела — они и в самом деле выполнены в таких размерах, чтобы дракон мог залететь в свою спальню, минуя верхнюю площадку.

— Дракон, значит, — пробурчала я и Юки испуганно замолчала.

Но вскоре я забыла о своем недовольстве, об Исаме, обо всем, словом, забыла. Потому что парящие горы — это восхитительно. Грандиозно и вместе с тем невероятно красиво. И дыхание перехватывает, когда с одной стороны пропасть, и даже куцые облачка где-то там внизу, а с другой стороны — обычные поля, тропинки,

домики с площадками вместо крыш.

По дороге, которая стремилась вниз, и по которой Юки повела меня, проигнорировав подъемник, нам никто не встретился. Юки объяснила это тем, что те немногие из драконов, что живут здесь, не слишком любят компанию.

— А много кто здесь живет? — спросила я.

Оказалось, что эта гора полностью принадлежит Исаму, как первому сыну и наследнику предводителя Ледяного клана. Но кроме Исама здесь живут люди и драконы. Полгоры превращено в полигон для боевых учений и испытания магических видов оружия (конечно, нам туда нельзя, кто бы сомневался!..), другая часть горы используется под поля, висящие сады, виноградники.

На мой вопрос, как сюда попадают люди, Юки даже руками всплеснула и пояснила, что, конечно, магией. Драконьей магией — ей не владеют ни люди, ни кицунэ. Драконья магия, как и сила драконов — самая мощная, поэтому драконы, ожидаемо — господа этого мира.

Мы прошли по узкой, извилистой дорожке, затем насквозь какой-то фруктовый сад, опять вверх по лестнице, а затем спускались так долго, что показалось, Юки разгадала мои мысли и помогает с побегом.

Наконец, оказавшись у свода пещеры, Юки остановилась.

— Дальше одна, — сказала она. — Я подожду здесь.

— А почему одна? — уточнила я и поежилась, всматриваясь в темноту.

— Сердце ветра, — объяснила непонятное непонятным Юки. — Мы — люди из семьи драконов чтим его. Но лишь с драконами оно говорит. Ты — дракон. И может, сердце ветра будет говорить с тобой. Это наша святыня. Одна из главных святынь драконов.

Я пожала плечами, и решив, что большего от кухни Исама не добьюсь, шагнула в темный тоннель.

Идти по темному коридору было не столько страшно, сколько странно. Поначалу я нащупывала ногой каждый шаг, двигалась медленно, то и дело оглядываясь на пятно света за спиной. Но потом перестала, дело пошло смелее, а глаза привыкли к темноте настолько, что необходимость в «нащупывании» ровной поверхности отпала.

Я не знаю, сколько топала, ощущение были странные, словно границы времени размылись и истончились. Я не удивилась бы, если бы сказали, что иду по темному коридору полдня, и не удивилась бы, если

бы оказалось, что путь занял не более получаса. Когда впереди забрезжил свет я даже вздрогнула от неожиданности. Свет в прямом смысле в конце тоннеля был белый, приглушенный и какой-то мягкий. Вскоре туннель закончился, и я оказалась в огромной пещере.

В центре, прямо в воздухе, висел огромный продолговатый кристалл.

Он казался одновременно твердым и воздушным. Благодаря излучаемому кристаллом сиянию здесь было светло, как днем.

В лицо ударили потоки воздуха, откинув назад волосы и заставив на секунду задохнуться. Но страшно не было, казалось этот ветер играл, а не пугал. Был он каким-то дружественным и очень живым.

Не знаю, как это сделала, но я погладила эти воздушные потоки, как тех самых золотых хранителей у входа в священную гору и в воздухе зазвенело, словно рассмеялось само пространство. Заигравшись, ветер поднял подол платья и пришлось прижать ткань к бедрам.

— Ρουρουρίδου, — помимо воли, вырвалось у меня и смех стал громче.

А потом показалось, что откуда-то из середины парящего кристалла на этот самый смех цыкнули, и он утих вместе с ветерком.

Любуясь сердцем ветра, я села у стены, поджав ноги, и подумала, что если это и есть главная святыня драконова, то я совершенно не знаю, как разговаривать со святынями.

Прежде, чем я что-то придумала, раздалось негромкое:

— Я радо, что ты здесь, маленький дракон.

— А я, признаться, не очень, — честно ответила я и тут же спохватилась: — Я не то хотела сказать. Познакомиться с сердцем ветра — это, конечно, здорово. Только вот я вообще-то в Альма-матер собиралась, а меня сюда, к вам, обманом заманили. Потому я как-то двояко себя чувствую.

Сердце ветра молчало, пока я говорила. И была в этом молчании какая-то... не интеллигентность даже, а глубинное понимание. Я вдруг поняла, что юна, совсем юна, словно только что взошедший росток, и также неопытна. А это средоточие силы и магии, что парит передо мной в воздухе... ему многие тысячи лет...

— Чтобы попасть в Альма-матер тебе нужен не только вызов оттуда, но и посвящение одной из стихий.

— Вот как? — переспросила я, и принялась чесать переносицу,

потому что очень захотелось чихнуть.

А когда все же чихнула, сердце ветра ответило:

— Именно так, маленький дракон.

— Я так понимаю, в Огненном дракарате к посвящению огнем бы меня не допустили.

— Да, маленький дракон, — ответило сердце ветра. — Сама судьба привела тебя ко мне, и я дам тебе посвящение.

— Спасибочки, — вырвалось у меня. Но, прежде чем сердце ветра успело заговорить, я выпалила: — А что еще нужно для того, чтобы меня в этой Альма-матер приняли? Мне просто никто толком ничего не говорит. Так я, знаете, лучше у вас спрошу.

Пространство зазвенело и мне показалось, что сердце ветра так смеется.

— Инициация в священных водах Риу, — пробормотало сердце ветра, а возникшая рядом воздушная рука ростом с меня принялась загибать пальцы. — Инициация дает тебе дракона. Стихия — дает дракону магию. И я поделюсь магией ледяного ветра с тобой, Золотой дракон. И, наконец, вызов в Альма-матер, свиток с мгновенным телепортом. Иначе тебе туда лететь и лететь.

Воздушная рука расправила пальцы, вроде как сетуя, что лететь, да, долго.

— Кажется, ничего не забыло, — подытожило сердце ветра.

— Ага, значит, я здесь не случайно, — вырвалось у меня. — И спасибо, что хоть разъяснили толком. Потому что никто, кроме вас, не удосужился. Представляете? Не знаю, конечно, в вашем мире, может, так принято, чтобы святые сами все объясняли, но со мной здесь понятно пока только озеро Риу говорило, и вы вот сейчас.

Пространство снова зазвенело, но перебивать не перебивало.

— Так что я вам очень признательна, просто очень, — проговорила я и добавила задумчиво. — Если бы еще этот самый вызов получить... Знаете, его Исам где-то прячет. О! Может, вы подскажите, как он, этот вызов хоть выглядит? Я вроде как в его доме живу, я поищу?

Сердце ветра молчало, а у меня сердце ушло в пятки. Как же ты, Таша, так неосторожно, ведь неизвестно, как тут относятся к воровству... Еще вон, того и глядишь, магией с тобой делиться не станут.

Воздушная рука превратилась почему-то в рот и этот самый

беззвучно захохотал.

Я нахмурилась и отмахнулась от него.

А сердце ветра заговорило. Ничего оно, похоже, не злилось.

— Тебя привела ко мне судьба, маленький дракон.

— Судьба, — согласилась я, кивая. — И кое-кто белобрысый.

И тут эта местная святыня меня огорошила.

— Не противься судьбе, маленький дракон.

У меня даже дар речи пропал. Ненадолго.

— Это как? — уточнила я. — Не противиться этой заразе блондинистой? Да он, чтобы вы знали, меня наложницей обозвал и в четырех стенах запер. Ну, то есть по этой парящей горе гулять разрешил, да, спасибо ему в шляпу, но ведь это все равно, что в четырех стенах, нет? Я же тут перекинуться не могу, и с горы этой, соответственно, никуда... Хотя с вашей магией, конечно...

Я крепко задумалась, когда меня огорошили снова.

— Твоя судьба — быть драконом, — сказала сердце ветра и пришлось снова крепко задуматься.

— И Исам, — мой голос дрогнул. — Эта самая судьба?

На этот раз сердце ветра молчало дольше.

— Ичиро Исами способен защитить от верховного правителя Огненного дракарата. В том, что Мичио Кинриу захочет получить дочь обратно, у меня нет сомнений.

Я вздрогнула. Возвращаться к папахену в дракарат не хотелось. Особенно после его угроз и заверений, что ему нужна только покорная дочь. А я себя знаю. Покорность точно — не мое второе имя... С другой стороны, здесь оставаться тоже не хотелось. Несмотря на эту самую защиту. А то, чего действительно хотелось... Этого я не знала, как получить. А совет сердца ветра был каким-то странным.

— Исам уже защитил, — нехотя признала я. — Нас так просто из Огненного дракарата не выпускали.

Снова пространство зазвенело смехом.

— Наивный маленький дракон, — отсмеявшись, сказала наконец, сердце ветра. — Ты думаешь, на этом все? Думаю, от объявления войны Ледяным Мичио Кинриу останавливает только обострение конфликта с Водными. Но не надейся, что верховный предводитель оставит это просто так. Если нельзя пойти сюда войной, он придет один. И вызовет Ичиро Исами на поединок чести.

Внутри все задрожало. Я помнила, как силен отец. Конечно, он демонстрировал мне лишь крохи силы, но все равно она чувствовалась... И сила, и мудрость, и опыт. А Исам... Я не слышала там недостаток в силе, но... ведь по сравнению с папахеном он так молод.

— Исаму угрожает опасность.

После непродолжительной паузы сердце ветра ответило:

— Ичиро Исами должен защитить и уберечь то, что послала ему судьба.

Я пожалала плечами. Движение получилось нервное.

— Опять ты о судьбе. Ну да ладно. Свинством было бы на моем месте вредничать.

Я помолчала. Сердце ветра не поддалось на провокацию.

Вздохнув, я поднялась и тут же снова прижала платье к бедрам, потому что игривый ветерок вновь приподнял подол.

Стараясь подпустить в голос как можно больше почтения, я проговорила:

— Ну, если у вас больше нет наставлений, уважаемое сердце ветра, для меня честь будет принять посвящение вашей магией и удалиться, чтобы поразмыслить на досуге о ваших советах.

Ветерок снова сгустился и превратился в смеющийся рот. На этот раз помимо смеха, мне показали язык.

Судя по звону пространства, сердце ветра я тоже повеселила.

— Маленький дракон, — отсмеявшись, сказала местная святыня. — Ты так ничего не поняла?

— А что я должна была понять? — недоуменно спросила я и заправила прядь за ухо.

— Что ты видишь, маленький дракон? — спросили у меня.

— Тебя, — честно ответила я. — Пещеру...

— А еще? — терпеливо уточнило сердце ветра.

Я оглянулась. Смеющийся рот растаял, вместо него махала полутораметровыми крыльями полупрозрачная бабочка.

— Бабочку, — на всякий случай ответила я сердцу ветра.

Хмыкнуло.

— Это Скирон, — пояснили мне. — Дух ветра. Похоже, ты ему понравилась.

— Так это значит, — осторожно уточнила я.

— Именно. Ты теперь видишь духов ветра, маленький дракон, — подтвердили мне. — И не только видишь, они дружны тебе.

— Он мне язык показывал, — наябедничала я. — Это считается дружеским участием?

Бабочка тут же превратилась в лысую круглую голову, которая несколько раз перекувыркнулась в воздухе, что должно быть, означало «да», а сердце ветра хмыкнуло.

— В остальном твоя магия пока останется в зачаточном состоянии. Ритуал по извлечению посвященной стихии проведут в Альма-матер. Вне стен драконьей академии извлекать новую магию опасно.

— Я поняла, — торопливо согласилась я, продолжая разглядывать духа ветра. Он как раз обрел очертания человека. Девушки. Показавшейся очень знакомой... Да просто мои очертания! Видимо, созерцание себя полупрозрачной сбило с толку, потому что у меня вырвалось: — Вот только добраться до Альма-матер никак, честное слово. Исам-тиран не пускает. Не нужна ему образованная женщина.

— Я не для того даю советы, чтобы ими пренебрегали, — строго сказала сердце ветра, и я опомнилась.

— Да-да, простите, спасибо за науку, — поспешно проговорила я и сложила ладони на груди.

— Или с миром, маленький дракон, — сказали мне, и я устремилась обратно.

— Ты хотела что-то еще? — раздалось вдогонку, причем показалось, сердце ветра с трудом сдерживает смех.

— Ага, — тут же остановилась я. — Можно?

— Спрашивай, — разрешили мне.

— Я не раз замечала, что мир, в котором я росла, здесь называют зеркальным. Почему?

— Когда вернешься в покои, позови Скирона и посмотри в зеркало, — ответили мне. — Ты не увидишь его отражения.

— Ага, — ответила я, опасаясь снова рассердить «святыню». — Понятно. Спасибо.

Сердце ветра снова засмеялось, а потом добавило:

— Ты забавная, маленький дракон.

— Мне говорили об этом, — вежливо ответила я, вспомнив инициацию в озере.

— Мне тоже, — ответило сердце ветра, но я не стала уточнять, что

оно имеет ввиду.

— Зеркало не отражает магию, — вздохнув, пояснило оно. — Поскольку в вашем мире нет магии, его называют зеркальным.

— Вот теперь поняла, — почти честно сказала я. — А как насчет разных магических артефактов? Ну там, блюдечка с голубой каемочкой, по которому надо яблоко катать или волшебного зеркала, которое показывает происходящее где-то далеко, или даже в иной реальности?

Мне показалось, что сердце ветра вздохнуло.

— Магические артефакты не отражают, а, как ты проницательно заметила, маленький дракон, показывают.

— А, — протянула было я.

— А ваш мир называют зеркальным, — ответили мне.

— Я так и поняла, — заверила я сердце ветра. — Ну, не буду вас больше задерживать. Всего хорошего. И тебе, Скирон, тоже не хворать.

Я помахала духу ветра. Затем, сложив руки у груди, поклонилась сердцу ветра.

— Я пошла, меня Юки ждет.

С этими словами я развернулась и покинула пещеру.

Скирон не захотел оставаться и летел рядом со мной. Он по-прежнему изображал меня, залетал то с одного боку, то с другого и корчил мне рожи.

Я беззлобно погрозила духу ветра кулаком и он погрозил в ответ. А потом превратился в Исама и вытянул трубочкой губы. Я не выдержала, прыснула. Наверно, такая реакция пришлась Скирону по душе. Потому что он превратился в миниатюрного ледяного дракончика и, хлопая крыльями, полетел рядом.

На выходе меня ждал сюрприз: вместо одной ожидающей у каменного свода их оказалось две.

Рядом с Юки стояла еще одна девушка. Довольно высокая, хорошо сложенная, с длинной пшеничной косой, перекинутой через плечо, большими синими глазами, в голубом платье, расшитом серебром. По покрасневшим лицам девушек можно предположить, что они только что спорили, причем довольно жарко: лица покраснелись, кулачки сжаты, глаза чуть ли молнии не мечут.

Вспомнив рассказ Юки, я подумала, что это еще какая-нибудь родственница Исама не смогла сдержать любопытства. Поэтому я улыбнулась девушке и сложила ладони у груди, приветствуя ее.

Меня окинули горделивым взглядом. Не утруждая себя ответным приветствием, незнакомка процедила:

— Так это она? Принцесса Огненного дракарата? Я знала, что Ичиру Исами не возьмет ее женой. Лишь наложницей, недостойной того, чтобы знакомить с семьей.

— Хикэри! — вспыхнула Юки. — Как тебе не стыдно!

— Я — будущая госпожа Ледяного клана, — высокомерно ответила девушка. — Ичиро Исами может брать сколько угодно наложниц. Я не против.

— А кто это, собственно такая, чтобы быть чего-то там против? — уточнила я у Юки, игнорируя высокомерную девицу.

— Обещанная невеста Ичиро Исами, — бледнея на глазах, ответила девушка.

Глава 10

От этих слов Юки мир покачнулся, словно парящая гора вздрогнула. Обещанная невеста Исама? Я не ослышалась? Судя по самодовольной улыбке, которая растянула губы этой самой Хикэри, ничуть. Скирон, который до сих пор дракона изображал,дохнул ей в лицо ледяным пламенем. Но она, естественно, не увидела его, а просто откинутую назад косу на место вернула.

— Слышала? Невеста, — высокомерно бросила она мне.

Я плечами пожала. Невеста так невеста.

Не затрудняя себя ответом, двинулась по тропинке вверх. Дорогу, по которой сюда пришли, хорошо запомнила.

Юки нагнала меня во фруктовом саду. Запыхавшись, девушка попросила подождать. Пожав плечами, я остановилась, перевела взгляд на небо, благо недостатка в нем здесь не было.

Скирону надоело изображать дракона и над моей головой поплыл парусник.

Я вздохнула. Главное — посвящение магией — я сегодня получила. Учитывая, что из папахенского дракарата драпануть удалось, это прям счастье. Осталось вызов в Альма-матер найти — и только меня здесь и видели. А они тут пусть... обещаются... невестятся... женихаются... и там дальше, на что фантазии хватит. У меня здесь цель. Когда я стану настоящим драконом, таким, что магия папахена, да и Исама будет мне не указ, я переверну этот насквозь пропитанный шовинизмом мирок.

Отдышавшись, Юки заговорила:

— Хикэри не должна была так говорить.

Я не ответила. Хотя хотелось. Вот как вспомню безумие, которое творилось сегодня в моих покоях, а еще чьи-то честные-честные синие глаза, и потом холодное «наложница», так прямо есть что сказать. Но сдержалась, промолчала.

— И она не имела права так говорить.

Я вскинула брови. Все-таки не получилось отстраненность изобразить.

— Быть невестой дракона — почти самое почетное место женщины в нашем мире, — объяснила Юки. — Почетнее только госпожа, жена

дракона. Каждая девушка мечтает об этом с детства. Девочек из самых влиятельных семей обещают драконам чуть ли не в младенчестве. Так было и с Хикэри. И с остальными.

— Остальными?! — вырвалось у меня. — То есть она еще у него не одна такая?

Юки ресницами захлопала, а потом, вздохнув, словно на что-то решилась, пояснила:

— У Исама семь обещанных невест.

— Семь, значит, — процедила я.

И как-то мой тон ничего хорошего никому блондинистому не обещал.

— Таша, — позвала Юки и взяла меня за руку. — Исам не воспользовался своим правом.

— Да ладно, — деланно изумилась я. — Семь невест и не прельстился?

Юки помотала головой.

— Ни разу. И ни одной наложницы у него не было.

А потом подмигнула и добавила:

— Я бы знала.

Вот в чем — в чем, а в том, что Юки знала бы, я не сомневалась. Она вообще в этом шовинистическом драконьем мире первая такая живая мне встретилась. Должно быть, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Юки облегченно вздохнула.

— Интересно знать, что ж так? — протянула я и пояснила. — Ну, почему не воспользовался? Своим правом, я имею ввиду.

На меня лукаво посмотрели, склонив белокурую головку набок.

— А об этом ты лучше кузена спроси, — последовал ответ.

Я насупилась, замолчала. Собственно, спросить хотелось, но при этом разговаривать кое с кем блондинистым желания не было совершенно. Потому что знаю я, чем все эти наши разговоры заканчиваются...

Заметив, что Юки отдохнула, я продолжила путь. Девушка шла рядом и старалась меня отвлечь рассказами про Ледяной клан, про то, что горы эти воздвигнуты магией древних драконов, которые научились объединять свою магию с силой стихии... Узнав, что мой мир, который здесь принято называть зеркальным, мы зовем Земля, Юки сначала удивилась, а потом задумчиво пробормотала:

— Ну конечно, как у вас зародиться магии, когда вы почитаете всего одну из стихий...

Я возразила, что вовсе не одну, но на вопрос почему мир называется именно Землей, ответить не смогла.

— Если у вас принято обещать девочек драконам, Юки, то ты тоже кому-то обещана?

— Конечно! — с готовностью отозвалась девушка. — Меня обещали одному из Водных принцев.

— В Водный дракарат? — уточнила я. — Это тот, с кем мой папахен воюет?

Девушка кивнула.

— Наш клан поддержал Водных в противостоянии совсем недавно, — пояснила она. — Исам не знал, он в зеркальном мире был, тебя искал. Поэтому для него новостью оказалось, что он не был допущен в священные бои. А уж что касается Кенджи Кеншина...

Она запнулась. Вид при этом был такой, словно сболтнула лишнего.

— А что касается Кеншина? — переспросила я.

Юки часто заморгала, оглянулась по сторонам, забормотала что-то об обеде, который надо еще приготовить.

— Юки, не виляй, — попросила я. — Сказала «а» — говори «б».

Девушка посмотрела на меня недоуменно.

Я вздохнула.

— Я имею ввиду, раз начала, рассказывай.

Юки помотала головой. Вид при этом у девушки был решительный. Мол, не скажу, ни за что и никогда.

— Я не имею права говорить, — сказала она. — Исам меня убьет. Он итак...

Что «итак», девушка тоже не сказала. И как я ни пыталась, ничего у меня не вышло.

— А женщины не становятся драконами, только мужчины... — решила я сменить тему. — Это какая-то генетическая предрасположенность?

На меня опять захлопали ресницами.

— Ну, так всегда было?

Юки кивнула. Но при этом как-то несмело.

— Инари, ваша богиня, изображается драконом, — подсказала я. —

И считается матерью всех драконов.

Девушка плечами пожала. Но нахмурилась, задумалась.

— Я так поняла, дракона можно получить только через инициацию в озере Риу? — уточнила я и Юки кивнула.

— А магию получить — от сердца одной из стихий?

Юки снова кивнула, но при этом как-то потупилась.

— А потом научиться управлять даром и магией, — пробормотала я под нос, и пока девушка хлопала ресницами, продолжила: — То есть женщины к инициации в озере не допускаются?

Тут у Юки стал совсем обескураженный вид.

— К инициации? — со страхом переспросила она. — Но ее пережить может не каждый воин!

— Ну и что?

Я пожала плечами.

— Я тебе больше скажу: родить точно ни один воин не сможет. Мужчины вообще боль плохо переносят. А болеть совсем не умеют.

Юки нахмурилась.

— Ты говоришь непонятные вещи.

— Да, конечно, куда уж непонятнее, — согласилась я.

— Женщины слабее мужчин.

— Кто спорит? — поинтересовалась я. — Хотя можно было бы, но не сейчас.

— О женщинах принято заботиться, — продолжала рассуждать Юки.

— Тут кто бы спорил, только не я. Еще как надо. К слову, о мужчинах тоже надо. Например, когда болят, опять-таки. Или когда с переломанными ребрами после боя какого-то приползают. Почему нет-то?

Юки нахмурилась.

— Странно, что ты сейчас об этом говоришь, — сказала она.

— Почему? — удивилась я. — Просто вас, судя по заведенному непонятно кем, порядку, все, должно быть, устраивает... Вы ведь даже не попытались его изменить! И не надо мне рассказывать, как вас бедных-несчастных запирают-обещают и вообще всячески притесняют. А вот попытаться все же пройти эту самую инициацию... Ну вот никому из вас в голову не пришло! А то, что у драконов дочерей не рождается... Да ерунда это какая-то. Мне так кажется. То есть если дочь

дракона, то есть я, смогла, почему внучка не сможет? Или я чего-то не понимаю?

— Да я не об этом, — как-то странно воодушевляясь, пробормотала Юки. — Просто по последним новостям из Огненного дракарата... Сразу три девушки, рожденных от человека, рожденного от дракона...

— Что, три девушки? — нетерпеливо уточнила я, потому что девушка замолчала.

Юки склонила голову набок.

— Признавайся, ты там делилась с кем-то своими мыслями? — спросила она.

— Много с кем, — призналась я. — С родственниками. Со всеми, кроме папахена, у нас отношения как-то не заладились с самого начала... С джошу...

— Таша, — немного торжественным тоном произнесла Юки и у меня сразу «ушки на макушке». А Скирон, который снова воздушного дракона изображал, пошел волнами и в большое ухо превратился.

— Сразу три девушки в Огненном дракарате заявили, что хотят попробовать пройти инициацию.

— Ого! Это кто это такой смелый?

— Тебе имена Аки, Акира, Акико о чем-нибудь говорят? — наморщив лоб, спросила Юки.

Я даже запрыгала и в ладони захлопала. Не удержалась.

— Готова поспорить, эта троица, когда я медитировать уходила, тоже спешила в «лотос» усесться! — вырвалось у меня. На недоуменный взгляд Юки я пояснила: — Да это мои джошу! Там, у папахена! Кажется, быть моей джошу полезно для повышения самооценки, вот! А еще что-то мне подсказывает, что у девчонок все получится!

В глазах Юки появилось какое-то новое выражение. Точь-в-точь такое я у трех Аки наблюдала в последние дни, пока «гостила» у папика. Я мысленно потерла ладоши и гаденько захихикала.

— Папахен наверно, лютует? — спросила я. — Мало ему Водных, так еще в собственном дракарате эмансипационный бунт назревает?

— Не поняла слова на «э», — ответила Юки, — но думаю, в целом твою мысль уловила. Верховному предводителю Огненного Дракарата и вправду не до этого. Несколько внучек отказались быть «обещанными невестами», и, кроме того, заявили свое право на прохождение

инициации, когда подрастут.

— А папахен что? — потирая ладони, спросила я.

— Мичио Кинриу был против, — ответила девушка. — Но на защиту девчонок встали матери, то есть его невестки. Они считают, что мелкие должно попробовать. И ладно бы невестки, думаю, их заявление больше удивило, чем разозлило, это же Огненные... Но и отцы захотели иметь дочерей-дракониц. Так что верховному предводителю остается только зубами скрипеть.

— Общение кое с кем не прошло для девчонок зря, — промурлыкала я, широко улыбаясь. — Это они еще до дресс-кода не добрались. В этих их кимоно-футлярах совершенно невозможно ходить.

— Если ты наряды имеешь ввиду, то добрались, — хмыкнула Юки. — По примеру «принцессы» все начали себе брюки шить, мол, в них медитировать удобнее, а еще настаивают на освоении физических дисциплин, мол, раз «принцессе» можно было в зеркальном мире воином быть, то почему им нельзя...

— Ай да девчонки! — воскликнула я, чуть не начав плясать от радости. — Ай да молодцы. Папахен наверно, рвет и мечет, что со мной общаться разрешил. Знал бы, наверное, замуровал где-нибудь в подземелье, да поздно.

— Ты Подземный дракарат имеешь ввиду? — спросила Юки и отчего-то нахмурилась.

— Да нет...

Я пожала плечами, не понимая причины резкой смены настроения девушки.

— Я об обычном подземелье, — пояснила я. — В сказках оно в каждом уважающем себе замке есть.

— Понятно, — сказала Юки как-то сухо.

Я не стала лезть с расспросами. Выражение лица у девушки стало точь-в-точь такое же, словно лишнего сболтнула. Мол ты меня режь, ты меня казни, а правду-матушку у меня не выведаеть.

Мы, наконец, дошли до дома Исама.

Каким-то внутренним чутьем я знала, что дракона все еще нет, и это должно бы радовать... Но вместо этого огорчало.

Я сказала себе мысленно: спокойствие, Таша, только спокойствие. Стоит ему появиться, и начнется вся эта круговерть с «наложницей» и «ты не ведаешь чести» и «женщина, знай свое место» по новой. И в то

же время хотелось его увидеть. Чтобы он смотрел, не в силах скрыть желание. Чтобы улыбался. Чтобы целовал. Нежно-нежно и вместе с этим уверенно как-то и властно. Чтобы что-то внутри подсказывало, что противиться этому я не могу. Да и не хочу.

— Таша, — позвала Юки. — Ты режешь воздух.

Обед мы решили сами соорудить. Почти без магии, потому что Юки заявила, что от нее устала. Я же подумала, что за возможность готовить с помощью магии любая женщина в нашем мире отдала бы многое. Но для Юки, которая не знала ни веселой студенческой жизни, ни других развлечений, положенных по возрасту, приготовление пищи было чуть не священнодействием.

Насколько я успела разобраться в драконьем мире, женщины здесь магией не владели, по-крайней мере драконьи (ну понятно, их сердца стихий не посвящали, потому что посвящали они только драконов).

Магией не владели, но пользовались ей с удовольствием. Несколько бытовых заклинаний — и посуда в прямом смысле слова готовила сама, сама помешивала и переворачивала, и можно было не волноваться за то, что пригорит. Не пригорало.

Юки сообщила, что это у Исама в доме все максимально магинизировано, потому что «живет кузен один, прибегать к помощи джошу не хочет». Но в других драконьих домах готовкой занимаются женщины, как служанки, так и хозяйки.

— Пицца, приготовленная своими руками, несет особую энергию, — щебетала Юки, одной рукой переворачивая лепешки, подозрительно на наши блинчики похожие, а второй — помешивая соус.

Мне, после заверения, что меня «магически приготовленное» более чем устроит, Юки доверила резку овощей.

И вот, пожалуйста. Задумалась о кое-ком синеглазом и, действительно, глупо улыбаюсь и режу воздух.

Но потом вдруг вспомнились «семь обещанных невест», а особенно та, что вживую довелось увидеть (в чем приятного было мало) и улыбка сама-собой куда-то делать, а нож у меня Юки отобрала.

Когда все было готово, мы с аппетитом пообедали, на той самой верхней площадке, где с Исамом завтракали. Ели, смеялись, болтали обо всем на свете, искали похожести в «зеркальном» и драконьем мирах. В общем, кухня у Исама оказалась замечательная. А я поняла, что очень

по Ариэльке соскучилась.

После обеда мы снова долго гуляли по парящей горе, я пищала от восторга, потому что красиво было невероятно, а для Юки наша прогулка была сродни двойной экскурсии: я глазела по сторонам, а кузина Исама глазела, как я глазею по сторонам.

Вечером, когда вернулись и поужинали, Юки начала «клевать носом» и зевать, поэтому я уговорила ее лечь. Она остановилась в одной из нижних комнат для гостей. Я же сделала набег на библиотеку, благо она оказалась у Исама шикарная. «История сотворения мира», «Благословение Инари», «Сила двенадцати», «Колыбель творца», «Сады героев» — глаза разбегались от названий, по которым можно было заключить, что Исам интересуется историей и, что мне особенно импонировало, героикой.

Но сейчас было не до художественной литературы — следовало узнать как можно больше о мире, в который я попала, поэтому вытащила первый том «Истории сотворения» и «Благословения Инари» и потопала в комнату, которая какой-то пустой показалась.

Читать устроилась на подоконнике, предварительно расстелив на нем одеяло и накидав подушек. Вид из окна был чумовой, поэтому прежде, чем открыть первую книгу, долго пялилась, как солнце ныряет в воздушную расщелину между двумя парящими горами, окрашивая их бока всеми оттенками розового.

А вот потом меня ждал сюрприз. Когда открыла книгу, поняла, что не могу прочесть ни строчки. Буквы мигали, пропадали, а некоторые, самые вредные, перебежали с места на место.

— Пока дислексии у меня не наблюдалась, — сообщила я Скирону, который поднялся откуда-то снизу, снова в образе воздушного дракона и завис над подоконником, как раз над моими ногами, делал вид, что тоже заглядывает в книгу, которая для него вверх тормашками.

Дух ветра посмотрел на меня с задумчивым видом, словно оценивал способность к обучению, а потом снова уставился в книгу.

Я раздраженно перевернула страницу. Я готова была поклясться! Сначала буквы и слова располагались ровно, но стоило мне начать читать, как тут же принялись исчезать и разбегаться!

— Черт побери! — выругалась я, а Скирон снова посмотрел на меня, как показалось, неодобрительно.

— Надо же, какие мы нежные, — пробурчала я и пожаловалась: —

А как прикажешь реагировать, когда книги отказываются давать себя читать? Со мной такое впервые, если что!

— Просто вещи в моем доме настроены на мою магию, — сказал Исам.

Дракон застыл на пороге. Как он вошел, я не слышала. Первый восторженный порыв от его появления постаралась подавить, и безуспешно. Потому что на лице Исама ни тени улыбки, взгляд так и прожигает насквозь. Вот, пожалуйста, в чем-то я опять провинилась. Понять бы еще, в чем?

Долго гадать не пришлось.

Исам приблизился, продолжая буравить меня взглядом. Близость дракона тут же отозвалась сладким томлением внизу живота, с которым срочно надо было что-то делать.

— Здесь высоко, Таша, — сказал Исам. — Не стоит сидеть на подоконнике. Ты можешь упасть.

То есть он злится, потому что испугался за меня, что ли? Странная логика у человека, то есть у дракона, подумала я. А вслух сказала:

— Конечно, могу. Еще как. И не обернусь при падении, правда? Спасибо новой клетке. И новому надзирателю.

У кого-то так и заходили желваки на щеках, глаза сузились, а кулаки сжались.

— Надзирателю?! — оскорбленно переспросил меня этот кто-то.

— Ну а кому еще? — мило поинтересовалась я. Получалось фальшиво. Потому что приходилось не только дракона бесить, но еще и со взбунтовавшими гормонами воевать. — Я думала, ты... думала, ты нормальный, а ты... И ты еще смеешь что-то говорить о чести...

— Не тебе говорить о чести, женщина! — отчеканил Исам

— Не тебе говорить со мной в таком тоне, мужчина! — ответила я.

Миг, еле уловимое движение воздуха — и вот чьи-то губы безжалостно сминают мои, а мир может катиться в Тартарары. Внутри все рвется навстречу дракону, драконица призывно ревет от радости, приветствуя своего самца.

Поцелуй получился дикий, неистовый... Стыдный. Стыдный оттого, что я, как голодная, обхватила шею дракона руками и с какой-то жадностью терзала его губы так же, как он — мои. Тело снова предало меня, и ничуть не раскаивалось. Близость дракона была пьянящей, неистовой, сокрушающей разум и волю!

Соленый вкус во рту отрезвил.

В следующий миг я со всей силы отпихнула от себя Исама.

А потом почему-то перевернулась через голову и с запозданием поняла, что падаю.

Я не успела испугаться, потому что падение прекратилось практически сразу. Меня рвануло вверх, подхватывая под спину и практически сразу обнаружила себя в могучих лапах дракона.

Свист ветра в ушах, Скирон, который вырос до размеров настоящего дракона и сейчас парил рядом с нами, явно сетуя, что Исам оказался расторопней, качающееся синева неба, белые стены, знакомое окно — и все закончилось падением на пол.

Сверху свалился запыхавшийся Исам. Во взгляде дракона была ярость. А еще страх... и боль.

— Значит, лучше смерть, чем быть со мной, принцесса Таши? — процедил он, приводя дыхание в норму.

Я не сразу пришла в себя. Как-то с запозданием стало доходить, что только что выпала из окна, и, хвала небу, не успела толком испугаться. Зато сейчас, когда все позади, времени «на испугаться» хоть отбавляй.

Клацая зубами, постаралась подползти поближе к Исаму. Как-то рядом с ним все же безопаснее. Хотелось сказать «спасибо», но рот почему-то не слушался, должно быть, от шока, а потом дракон сам все испортил.

Чего я только не выслушала о себе!

И что я — самая избалованная из всех встреченных Исамом женщин! И что самая невозможная и взбалмошная и вообще плохо воспитанная. А еще капризная и эгоистичная сверх меры! И что, если бы он знал, чем ему грозит встреча со мной... тут Исам задумался, и я смогла, наконец, тоже поучаствовать в беседе.

На мой резонный вопрос, неужели среди его гарема нет ну ни одной хотя бы вполовину такой невозможной, как я нет, он просто рассвирепел.

— Какого еще гарема? Что ты несешь, женщина?! — проревел он.

— Извините, уважаемый, ополоумела! Не иначе, как умом тронулась при падении вниз головой из вашей заколдованной башни! — в тон ему ответила я. — Ведь наверно семерых невест я вам прифантазировала?! Простите великодушно!

Упоминание о семи невестах немного сбilo с дракона спесь. Но,

надо отдать ему должное, он быстро оправился.

Буркнув что-то типа «убью Юки», он буквально проорал:

— Да это просто престижно для девушки быть «невестой дракона». Таких «невест» обещают чуть ли не с младенчества, но дракона это ни к чему не обязывает!

— Вообще хорошо! — проорала я. — Удобно! Гарем есть, но при этом его наличие ни к чему не обязывает! Да просто холостяцкая сказка какая-то!

— Ты с ума сошла, женщина! Какой гарем? Ты видела здесь хоть одну женщину, кроме моей несносной кузины Юки?!

— Всех в окошко выбросил поди? — ехидно поинтересовалась я. А у Исама начал дергаться глаз.

— Я... я не толкал тебя... — забормотал он. — Это ты решила исполнить свою клятву и предпочла смерть, лишь бы не быть со мной!

— Да какую еще клятву, ты, напыщенный индюк с манией величия и явной шизофренией?! — возопила я не хуже него. — Сколько смотрю на тебя, убеждаюсь, что ты живешь в каком-то вымышленном мире! Откуда мне знать, что происходит в твоей реальности, псих?

— В вымышленной реальности?! — оскорбился дракон. — Значит, это ты не по-настоящему, а в моей вымышленной реальности выпрыгнула из окна, решив свести счеты с жизнью?

— Какой там еще, счеты с жизнью? — проорала я. — Мне вообще ничего не угрожало! У меня все под контролем было, нечего было вмешиваться?

— Под контролем?! — проорал Исам. — Значит, это называется, под контролем? Значит, так по-твоему выглядит контроль?!

— Именно так и выглядит, — нагло заявила я. — Мне вообще, чтоб ты знал, ничего не угрожало. Чуть что — меня бы Скирон подхватил!

И я махнула рукой в сторону духа ветра, который успел уменьшиться до прежних размеров и сейчас воздушным дракончиком наматывал вокруг нас круги.

Нет, я думала, что Исам орал до этого. Оказалось, это он разговаривал немного... хм... на повышенных тонах. Потому что следующий его вопль потряс стены.

— Ты видишь его?!

Дух ветра тут же превратился в большой глаз, который подмигнул мне, а потом в руку, которая погрозила указательным пальцем Исаму.

— Ну да, — немного опешив от рева дракона, ответила я и похлопала ресницами. — А что тут удивительного, ты ведь тоже его видишь?

— Удивительно как раз то, что духов ветра могут видеть только посвященные сердцем стихии, — процедил Исам.

— Ну да, — согласилась я, потому что вспомнила, что с психами лучше соглашаться. — Сердце ветра об этом упоминало.

— Юки! — взревел Исам, вскакивая на ноги.

— Хоть бы помог девушке подняться, — пробурчала я, глядя на него снизу. — Да ладно помог, в манерах, вы, драконы, не сильны... Но хоть бы предложил!

Исам, который уже направился было к выходу из комнаты, вернулся и с рассеянным видом предложил мне руку. Я этот жест доброй воли с достоинством проигнорировала и неспешно поднялась без чьей-либо помощи.

— И хорош на Юки наезжать, — назидательно сказала дракону, расправляя складки на платье. — Сам же сказал, я могу выходить из клетки. Ненадолго. Ну вот мы и...

— Юки было велено водить тебя хоть по всему острову, но только не к сердцу ветра! — воскликнул Исам.

— Жадина, — резюмировала я. — Магии жалко, да? Я и смотрю. Вон даже книжки свои драгоценные от меня защитил. Конечно! Женщины должны быть темными и необразованными. Так нами управлять проще. Только, если что, у нас мозг больше, лучше, красивее и сообразительнее.

Исам оторопело помотал головой.

— Юки... — попытался он вернуться к потерянной нити беседы.

— А Юки молодец, — пожала я плечами. — И вообще, случившееся — прямое доказательство, что недолго вам помыкать нами осталось.

— Помыкать? — переспросил Исам, иронично поднимая бровь.

— Именно помыкать, — не сдалась я. — А что это такое: было велено?

— Юки сама вызвалась исполнять обязанности джошу, — процедил Исам. — Я вообще был против, но если она сама захотела...

— То загрузил сестру тяжким непосильным трудом, — резюмировала я.

— Кузину, — поправил меня Исам. — И не таким уж тяжким.

— Не принципиально, — не сдалась я. — И между прочим, сторожить меня — действительно тяжкий труд. В следующий раз не поручай его тому, к кому мало-мальски хорошо относишься.

— Я учту, — с ехидством ответил Исам. — Потому что Юки здесь не задержится. Слишком хорошо я к ней отношусь.

— Эй! Ты Юки не трожь, мы подружились! — возразила я. — Или ты хочешь, чтобы я была мало того, что темная и необразованная, так и вообще здесь одичала без общения?

Сначала Исам непонимающе моргал, потом бросил взгляд в сторону двух томов, что валяются у подоконника, а затем снова обернулся ко мне.

— По поводу книг я просто забыл, — признался он. — В моем доме все сонастроено с моей аурой. У тебя же не было проблем на кухне? Или здесь, в своей комнате? А что касается библиотеки, я исправлю, конечно. Но насчет Юки — вопрос решенный. У нас с ней был уговор, что она остается в моем доме до первого предупреждения.

— Скажите, важный какой! — не выдержала я. — Значит, у меня допуск на кухню и в свою комнату? А шаг влево — шаг вправо — попытка к бегству, да? А за прыжок на месте — попытку взлететь — и вовсе расстрел?

Исам окинул меня долгим взглядом, от которого бросило в жар.

— Мы продолжим разговор, Саша, — сказал он. — Но сначала я все-таки разберусь с Юки.

С этими словами дракон покинул комнату. Когда я попробовала подергать за ручку двери через несколько секунд, как она захлопнулась, ожидаемо обнаружила себя запертой.

— Ну, тиран белобрысый, — вырвалось у меня. — Значит, магия, да? И настроено тут все на тебя? Ладно-ладно. Посмотрим, как ты продолжишь обещанный разговор...

Я этими словами я приложила ухо к двери и прислушалась к разговору на повышенных тонах, что велся внизу. Что радовало — вопил не только Исам, но и Юки. Что еще раз подтвердило правильность моей теории по поводу местных женщин. Им просто волшебного пенделя не хватало в лице меня. А со всем остальным, типа характера или вредности у них тут все в порядке.

Разговор доносился обрывками, всего было не разобрать. Но вот

патетическое восклицание Исама «Ты не смела послушаться меня!» и не менее патетическое «Еще как смела, кузен! Женщина — не собственность дракона! Тем более женщина-дракон!» я расслышала и заулыбалась.

— Ну же, посмотрим, что ты скажешь, любитель запирать двери, когда и ты ко мне без моего позволения не зайдешь, — пробормотала я и принялась стаскивать предметы мебели к двери. — Магический допуск у него тут, видите ли.

В первую очередь я подтащила к двери трюмо, затем пришел черед диванчиков и кресел. Довольная результатами своих праведных трудов, я пробормотала:

— Значит мне никуда, кроме как на кухню, нельзя, типа женщина, твое место у плиты, а ему значит, ко мне в любое время дня и ночи можно. Тоже мне, наложницу себе нашел...

Скирон суетился рядом, то и дело приподнимая платье и растрепывая волосы. Но, несмотря на эти мелочи, вдвоем у нас работа ладилась. Когда поняла, что мне особо стараться не надо, дух ветра прекрасно справляется с перестановкой мебели самостоятельно, мне осталось только указывать воздушному дракону, что, за чем, и на что. Взгромождать. Чтобы кому-то блондинистому неповадно было ко мне шастать, когда они захотят-с.

Одобрительно осмотрев грудку вещей у двери и проконтролировав, чтобы сверху встал последний пуфик, я картинным жестом отряхнула руки, а затем научила Скирона «давать пять». Дух ветра оказался понятливым и игривым. Он кружился по комнате, шевелил занавесками, взмывал снизу или пикировал сверху и, замирая рядом, ждал моей «пятерочки». Почему-то иллюзия соприкосновения наших ладоней (потому что как дотронуться до ветра по-настоящему?) его особенно радовала.

Поиграв со Скироном, я направилась в купальню. Духа ветра с собой не взяла, то есть выпроводила, когда кто-то мне вознамерился воду в бассейне студить. Потому что горячая ароматная ванна сейчас была мне совершенно необходима.

Днем Юки научила меня пользоваться тем, что я называла «встроенными бытовыми заклинаниями», в том числе и теми, что были в моей купальне. Потому как пользоваться ее помощью, как джошу я решительно отказывалась, мотивируя, что привыкла заботиться о себе

сама. И даже когда у папахена жила, «во власти джошу» была только когда чуть не подохла, бросив вызов «предводителю».

Поэтому сейчас я гордо разоблачилась и, наполнив мраморную ванну с помощью нажатия на красный и синий кружочек, добавила в воду несколько ароматических масел с полочек, и, наконец, погрузилась в теплую, почти горячую воду.

Блаженствовала я долго, сначала просто валялась, потом терлась какими-то каменными и деревянными скребками, наносила шипящее мыло, смывала его под водопадиком, потом насухо растиралась полотенцем, потом наносила на тело легкий, ароматный, чуть маслянистый, крем.

Затем завернулась в длинный белый халат из тонкой ткани, а на голову намотала тюрбан из полотенца. Юки показала, откуда брать полотенца для сушки волос и объяснила, что в их текстуру вшиты заклинания не только для сушки, но также для расчесывания и укладки. Я тогда фыркнула, вспомнив чью-то безукоризненную шевелюру, а вот теперь решила попробовать на себе.

Но все же просто вытирать голову не стала, захотелось именно с тюрбаном походить, как дома.

В таком домашнем наряде я вышла из купальни и поискала глазами Скирона.

Духа ветра не было, и судя по тому, что скандал внизу стих, Юки в доме Исама тоже уже не было, что я конечно же, ему припомню.

Рядом хлопнула дверь, я поняла, что дракон вышел из своей спальни. Сердце замерло в предвкушении нового, грандиозного скандала, который не замедлит развернуться, когда Исам обнаружит, что мы со Скироном забаррикадировали дверь. Но шаги прозвучали мимо моей двери, а затем и вовсе на лестнице. Насколько я ориентировалась в доме Исама, поняла, что дракон скрылся на кухне.

— Ну конечно, война войной, а обед по расписанию, — пробормотала я. — Вот же зараза белобрысая. Выгнал Юки и радуется. А обед, то есть уже ужин, конечно, кухня вообще-то ему приготовила. Посмотрю, что ты завтра скажешь, когда Юки не будет. Уж от меня разносолов не жди!

С этим торжественным обещанием я скользнула под одеяло.

Поскольку ночных сорочек в моем гардеробе, как и белья, не обнаружилось, спать я решила в халатике. Только тюрбан с головы

стянула. Юки не обманула. Сухие благоухающие волосы рассыпались по подушке.

Несмотря на все последние треволнения, здесь было как-то уютно и спокойно. У папахена я плохо спала. И постоянно казалось, что за мной следят. Здесь, правда, меня тоже притеснять пытались — на парящей горе разместили, к сердцу ветра пускать не собирались (ха-ха!), «допуск» только в спальню и на кухню предоставили (три ха-ха, потому что этим вопросом мы завтра займемся!).

В целом, если подвести итоги, все вполне себе правильно идет: от папахена свалила, драконьих гаремов избежала... почти. Но вот это почти, стоит только найти спрятанный от меня где-то (подозреваю, что в комнате Исама) вызов в Альма-матер, мы вскорости исправим.

А оттуда, что-то мне подсказывало, выкрасть меня гораздо сложнее будет. Да и я поумнею. В смысле, ни с кем никуда не полечу.

В таком оптимистическом настроении я заснула. Но вскоре меня разбудили. Ожидаемо, стуком в дверь.

— Саша, — что-то мне подсказывало, что там, за дверью, Исам с трудом сдерживает ярость. — Ты что, заперлась?!

— Скажите, страсти какие, — сонно пробормотала я. И уже погромче добавила: — Надеюсь кое-кого научить, что к девушкам в комнату, если что, стучаться надо!

— Открой дверь, — раздалось негромкое. — Ты — моя наложница. Ты не имеешь права закрывать передо мной двери!

— Вот как? — поинтересовалась я. — А если была бы женой — имела бы?

— Вообще — да, — неохотно ответил Исам. — Но ни одна женщина в здравом уме не закроет дверь для дракона.

— Можешь не считать меня женщиной, — любезно разрешила я. Тем более, что я ей становиться с помощью неких белобрысых не собираюсь. — И что я не в своем уме тоже можешь считать, да. В вашем мире грядет эмансипационный бунт! Не все вам, индюки напыщенные, верховодить. Взяли моду...

— Александра, открой дверь немедленно. Прошу по-хорошему, — раздалось из-за двери.

Я окинула взглядом грудку мебели, которую Скирон взгромоздил у двери. Да даже если бы хотела — мне без духа ветра и за два часа не управиться, не то что «немедленно».

— А если по-плохому? — лениво поинтересовалась у Исама и перевернулась на другой бок.

Мне не ответили.

Но не прошло и десяти секунд, как два кожистых крыла заслонили звезды, а затем кто-то спрыгнул с подоконника и вошел в комнату.

Глава 11

— Я предупреждал, Саша, — сказал Исам, приближаясь к кровати. Вид у дракона был сердитый.

Глядя как по мере преодоления разделяющего нас расстояния на Исае исчезает одежда — камзол, брюки (дальше не смотрела, зажмурилась), я сглотнула и натянула одеяло по глаза.

Одеяло сорвали с меня одним рывком, а затем как-то стремительно оказались рядом.

— Т-ты, — пробормотала я, когда Исам блокировал руки и ноги и прижал меня к кровати. — ты что делаешь?

Склонившись к моему лицу, Исам тихо проговорил:

— А разве непонятно? Беру свое по праву.

— Права у тебя такого нет, — решила я покапризничать. В конце концов, сам недавно капризной меня назвал. — А судя по твоему поведению, и не будет.

— Дракон не спрашивает, — усмехаясь, ответил Исам, пристально глядя в глаза. — Дракон просто берет.

— Свинская психология у вас какая-то, — пробормотала я и попыталась пошевелиться. В процессе шевеления только теснее прижалась к горячему мускулистому телу, отчего дыхание у обоих потяжелело.

А затем, должно быть, когда дошло, что я сказала, синие глаза полыхнули яростью. Я же мило улыбнулась и ресницами похлопала, мол, ты чего.

— Несмотря на острый язычок и ненависть, которую ты испытываешь ко мне, ты — моя, принцесса Таши.

Я на этот раз непритворно ресницами захлопала. Потому что странные вещи слышала. При этом близость дракона пьянила, заставляла терять волю, хотелось чуть приподнять голову... совсем чуть-чуть. И припасть в поцелуе к чьим-то сурово поджатым губам...

— Ты что несешь, — прошептала я. — С чего ты взял, что я тебя ненавижу...

Исам нахмурился и стал вглядываться в мои глаза с каким-то особенным выражением и при этом в них сквозила... боль?

— Ты не ненавидишь меня? — спросил Исам и мне показалось, что дракон замер, ожидая ответа.

— Ненавижу, конечно, — не задумываясь ответила я. — Ты обманом похитил меня из отчего дома...

— Откуда ты сама готовилась сбежать, — подсказал Исам и припал в коротком поцелуе к губам.

Перед глазами все поплыло.

— Неважно, — прошептала я, когда Исам снова отстранился. — Совершенно неважно. Главное, что обманом. И, главное, что похитил.

Меня снова поцеловали. Нежно и властно. И, когда я ответила на поцелуй, снова отстранились.

— Продолжай, Александра, — сказал Исам, пока я пыталась собрать глаза в кучку.

— Так нечестно, — запротестовала я.

При этом я выгнулась, а затем слегка приподняла голову, чтобы поцеловать Исама. Но коварный дракон отстранился в последний момент, и держал при этом крепко.

— Это все? — явно издеваясь, спросил Исам. — Все твои претензии?

— Ах ты! — вырвалось у меня, после чего я добавила: — Я только начала...

Меня снова поцеловали, совершенно дезориентируя, а потом тем же издевательским тоном поинтересовались, что еще не так.

— Ну как, что, — с трудом вспомнила я. — Еще ты сюда заманил... Тоже обманом, если что...

Меня снова поцеловали и коварно поинтересовались:

— Тебе не нравится?

— Нравится, — выдохнула я прямо в губы Исаму, отвечая на его поцелуй, и когда дошло, что сказала, тут же замотала головой. — Кому такое понравится?

— Всем женщинам, — уверенно проговорил Исам. — Пусть ты и ненавидишь меня, принцесса Таши Кинриу, ты не можешь передо мной устоять.

— Да что ты заладил: «ненавидишь, ненавидишь»! — взвилась я. — Это моя прерогатива говорить об этом тебе! Не твоя.

— Я стараюсь об этом не забывать, — серьезно ответил Исам.

На что дождался короткое:

— Дурак.

Судя по сузившимся глазам и затрепетавшим ноздрям, с таким определением дракон согласен не был. Я уже думала, что, оскорбившись, оставит меня в покое. По-крайней мере, я бы точно на такое обиделась. Дракон же только хмыкнул. И поцеловал снова.

И целовал так долго, что я задохнулась. Казалось, кровь закипает в жилах, а воздух в комнате заканчивается. Оставив губы, Исам принялся покрывать поцелуями шею, плечи, грудь, а мои руки, которым я приказывала оттолкнуть наглого чешуйчатого наотрез отказались слушаться хозяйку. Вместо этого ладони скользили по его мускулистым плечам, пальцы зарылись в белоснежную шевелюру. Одновременно мягкую и жесткую.

Я не знаю, сколько длилось это безумие. Несколько раз мы перекатывались на кровати, и когда я оказывалась сверху, ласки и поцелуи не прекращались... несмотря на то, что меня никто не держал.

Я не могла остановить это. Не смогла бы, даже если бы захотела. Мир со всеми его условностями, правилами, традициями мог лететь ко всем чертям, мог катиться в Тартар, мог и вовсе исчезнуть — и мы бы этого не заметили. Мир сузился до прикосновений, поцелуев, запаха, до очертаний мускулистого тела дракона, который творил своими касаниями и поцелуями невероятное, шептал мне на ухо всякие нежности, говорил, что моя красота затмевает саму Инари, глаза сияют ярче звезд, а кожа — нежнее шелка. Кажется, я даже что-то отвечала ему, что-то шептала в ответ, приникала в поцелуе к губам, шее, мускулистой груди... Что происходило в мире Исама... я не знаю... но казалось он слился с моим и пульсировал в едином ритме.

Из водоворота наслаждения вырвал вопрос:

— Ты будешь моей, Саша? По-настоящему моей, а не как наложница? Не по праву дракона... Не по праву сильнейшего?

Голос Исама дрогнул, его в самом деле волновал ответ.

Я же, чувствуя, как тело плавится от его прикосновений, проговорила:

— То есть, ты хочешь сказать, что я сейчас твоя? Твоя наложница, да?

На меня посмотрели недоуменно, мол, попробуешь поспорить?

И это он зря.

Потому что спорить мы умеем, если что.

В следующий миг кто-то с меня скатился, а я попыталась отползти в сторону. Дернув за ногу, меня вернули на место и со злостью посмотрели в глаза. Мы оба тяжело дышали. Меня как магнитом тянуло к дракону, тянуло возобновить начатое... и закончить. Но, приложив невероятные усилия, я все же проговорила:

— То, что ты запер меня в своем доме, не делает меня твоей вещью, Исам. Я не принадлежу тебе. И не признаю слов «наложница» и «собственность» в том, что касается живого существа. И тем более, меня.

Кто-то зарычал и сгреб меня в охапку.

— Но ты — моя, Александра Кинриу. Как бы тебе ни хотелось другого, ты — моя.

— Да не хочется мне другого, болван! — вырвалось у меня. — Просто... Просто неправильно как-то это все. Не по-человечески.

Мне впились поцелуем в шею и прорычали:

— Поговорим об этом в другой раз, женщина.

С силой отпихнув его от себя, я прошипела:

— Перестань говорить со мной в таком тоне, мужчина.

— Или что? — уточнил Исам.

— Или пожалеешь, — честно пообещала я.

А когда меня сжали в объятиях до хруста, быстро заговорила:

— Нет, Исам, нет, так неправильно. Я не верю в то, что любовь рождается в стенах, или накладывает оковы на любящих. Я всю жизнь мечтала о такой любви, которая даст крылья, даст свободы, воздуха! Я не верю в то, что любовь делает нас слабыми, а ты доказал, что хочешь видеть меня слабой и ничтожной рядом с тобой — великолепным и сильным! Ты не даешь летать моему дракону! И хочешь взаимности? Ну уж нет! Выражаясь доступным тебе языком — дракон существо вольное, в неволе мы не размножаемся.

Исам посмотрел на меня как-то странно.

— То, что твои слова разнятся с делом — я успел заметить, Таши Кинриу. Хотя ты ведь и раньше ничего мне не обещала. А теперь и вовсе прямо заявляешь, что готова улететь от меня в любой момент. Ведь ты это сделаешь, если я верну тебе возможность летать?

Хотелось ответить «нет», но это было бы неправдой, а обманывать Исама, как он меня, почему-то не хотелось.

Я дернула на себя покрывало, и, закрыв грудь и прочие

стратегически важные части тела, устало проговорила:

— В нашем мире за женщинами принято ухаживать, Исам. Меня так воспитали.

— Ухаживать? — переспросил дракон.

Я пожала плечами.

— Ну да, ухаживать. Дарить цветы, подарки, кормить вкусностями... Показывать, что девушка тебе небезразлична. Вместе гулять, смотреть фильмы...

Бровь дракона приподнялась вверх.

Я раздраженно махнула рукой.

— Читать вслух по ролям, — тут же нашлась я. — Разговаривать... Обо всем на свете! Делиться своими планами, мечтами... Вместе делать что-то... Быть рядом, понимаешь? А ты, когда рядом, только и норовишь, что раздеть меня...

Я хлопнула по руке, которая принялась гулять по бедру, скрытому покрывалом. И не потому даже, что кому-то надо учиться руки при себе держать. А потому что прикосновения Исама дарили такой восторг, что еще чуть-чуть, и плюну на все эти разговоры...

— А когда не лезешь... раздевать меня, мы ссоримся, — подытожила я. — Не слишком похоже на то, о чем я мечтала.

Исам отвел взгляд. Легко спрыгнув с кровати, подошел к окну. Я только успела скользнуть взглядом по рельефной спине, узким бедрам, длинным мускулистым ногам, как к окну он подошел уже одетый. Почти. На драконе были легкие черные брюки.

Наконец, он обернулся, и, запрыгнув на подоконник, уселся на нем, продолжая буравить меня взглядом.

— Я не понимаю тебя, Саша, — сказал, наконец, дракон.

Я глаза картинно закатила, мол, свершилось! Неужели со мной заговорили? Вот прямо сейчас побегу свечку ставить!

— Там, — глухим голосом сказал Исам. — На озере фей. Ты была не против.

Вспомнив о безумии, случившемся на озере, я покраснела.

— Не против, — согласилась я. — Но главное: я была свободной, и рядом был парень, который мне нравился, и вся эта магия фей, помноженная на магию русалок... А на дне я сколько времени провела? Кислородное голодание не слишком полезно для мозга, это доказано... В общем, эффект комбо.

— Что? — переспросил Исам, услышав незнакомое слово. — Комбо? Что это за эффект?

— Неважно, — отмахнулась я. — Главное — я была свободна. Выбирать, решать за себя. И ты... Думала тогда, ты нормальный...

— Там, на озере, — сказал Исам. — Ты хотела принадлежать мне. Но я мог убить твоего дракона, и поэтому отказался.

Вспомнив обиду, нанесенную блондином, я поджала губы. А потом вспомнила причину и потупилась.

— И поступил благородно, — заверила я его. — Я никогда тебе этого не забуду, честно. Но сейчас, когда посадил меня под замок... Пользуешься тем, что сильнее меня...

— Я не принуждал тебя к близости силой, — тихо сказал Исам. — Ни одному дракону это не нужно.

— Конечно! — запальчиво согласилась я. — Конечно, вам не нужно. Вы же такие все крутые, мускулистые, чешуйчатые, крылатые, магией владеете! Зачем вам кого-то принуждать? И так понятно, вам должны очертя голову, на шею вешаться!

— Драконы действуют на женщин особенным образом, — надменно напомнили мне.

— Драконы на всех действуют особенным образом, напыщенный ты индюк! — мило возразила чешуйчатому. — Чтоб ты знал, мне парни тоже проходу не давали! И я, позволю себе напомнить, дракон.

Исаму мое напоминание про других парней явно не понравилось. Дракон нахмурился, поджал губы, скрестив руки на груди.

С усилием отвела взгляд от чьей-то очень рельефной и притягательной мускулатуры и сказала, глядя в потолок.

— А ты меня взаперти держишь. Юки, вон, отослал. Видите ли, она прихотью тирана пренебрегла!

Исам хмыкнул. А меня несло.

— И эти твои... бабы на этом самом острове... Как-то уверенности в завтрашнем дне не прибавляют.

Дракон, поперхнувшись, закашлялся.

— К-какие еще мои бабы?

Я деланно пожала плечами.

— Не знаю. Тебе во всяком случае, виднее.

— Ты имеешь ввиду обещанных невест? — проявил чудеса догадливости Исам. — Откуда ты вообще о них знаешь?

— Да так, довелось познакомиться, — призналась я. — И знакомство было не самым приятным. Оно как-то знаешь, от тебя «наложница» слышать куда привычнее. И если к черту эти все устои отбросить, то ассоциация с этим словом одна — я — на ложе.

Я деланно осмотрела мятые простыни и ворох разбросанных подушек.

— А я и вправду на ложе.

В следующий миг я была на ложе... не одна.

Придавленная мускулистым телом Исама, я слышала биение его сердца, чувствовала горячее дыхание на щеке. Кому-то напоминание обо мне на ложе явно показалась призывом к действию.

— Исам! — возмущенно пробормотала я, пытаюсь увернуться и оттолкнуть его от себя.

Но по разгорающемуся пламени в глазах дракона поняла: бесполезно.

И тут дракон как-то напрягся. Отстранился от меня. Взгляд стал сосредоточенным. Поднявшись, Исам сел на постели и обернулся к окну.

На миг звезды заслонили чьи-то кожистые крылья, а потом тень дракона метнулась наверх, явно на «посадочную» площадку.

Какое-то время у Исама вид был задумчивый, словно к чему-то прислушивался, а потом дракон поднялся с кровати и направился к окну.

— Исам! — возмущенно воскликнула я, забыв, что только что сопротивлялась нашей предстоящей близости так, словно на кону моя жизнь и вообще репутация в военной академии.

Вместо ответа Исам свистнул.

В тот же миг в комнату ворвался Скирон. Дух ветра закружился под потолком воздушным драконом.

— Не отходи от нее ни на шаг, — приказал Исам и воздушный дракончик помахал крылом. А затем скользнул под покрывало и взмыл в воздух вместе с ним, отчего стал похож на лучшее в мире привидение с мотором из мультика про Карлсона, то самое, которое дикое, но симпатиш-шное.

Я недовольно запахнула на груди халатик, и ноги поджала.

Исам сглотнул, обозревая это действие, а я одно выдающееся место подушкой прикрыла, а летающему по комнате простынному

привидению кулаком погрозила.

— Ты куда? — спросила я у дракона. — Что-то случилось?

Тот нехотя кивнул, словно раздумывал, посвящать меня или нет, затем все же признался:

— Нестабильный магический фон. Твой отец думает, это из-за Водных, которые претендуют на наши земли, но это не доказано.

— А как этот самый нестабильный магический фон проявляется? — поинтересовалась я. — Кроме того, что за тобой прилетают и ты срываешься неизвестно куда среди ночи?

Дракон нахмурился. А затем бросил:

— Инсекты.

Я ахнула.

— Это... Это как тот... самый... Что магом прикидывался?

Исам кивнул.

— Инсекты — мастера личин. И, что хуже всего, своих детенышей они вскармливают кровью. Они не вторгались на земли драконов — их не пускала наша магия. Кроме того, драконы патрулируют и человеческие земли, устраняя насекомых и другие опасности... Но что-то случилось с магией этого мира. Если насекомые сумели прорваться сюда. Мне срочно нужно уйти.

— Исам! — воскликнула я и подпрыгнула на кровати. — Возьми меня с собой, а? Я тоже, я тоже хочу!

Дракон посмотрел на меня непонимающе.

— Да, да, я помню, что лук, которым меня одарили феи, остался у папахена. Но у тебя ведь есть другой! Наверняка есть, по глазам вижу! И эти ваши... ртауары... Ну, штуки, которые в другие штуки превращаются... дай парочку, а?

По мере моей пламенной речи глаза дракона расширились, а потом снова сузились.

На меня посмотрели с нежностью... как смотрят на любимого ребенка, например. На эдакого несмышленьша.

А затем дракон подошел, наклонившись, поцеловал в макушку, и снова направился к окну. Обернувшись, щелкнул пальцами и вся грудка мебели, что мы со Скироном так старательно складывали, оказалась на своих местах.

— Ничего не бойся, Саша, — сказал дракон, явно давая понять, что меня с собой развлекаться не берут.

— Да я и не боюсь! — крикнула ему в спину. — Я с тобой хочу! С инсектами сражаться! А много их, кстати?

— Тридцать, — ответил Исам и я присвистнула. А дракон добавил: — Бои — не для женщин.

— Это еще почему? — возмутилась я.

— Потому что женщина — дарует жизнь, — терпеливо объяснили мне, запрыгивая на подоконник. Обернувшись, дракон продолжил: — А мужчина ее забирает. Поэтому женщины созданы для того, чтобы красиво жить, а мужчины — чтобы красиво умирать.

С этими патетическими речами дракон послал мне воздушный поцелуй, явно намекая, что умирать он не собирается, по-крайней мере, пока, и спрыгнул вниз. А в следующую секунду в ночное небо взлетел серебристый дракон! Красивый до умопомрачения... и такой же несносный!

Вслед дракону в окно вылетела подушка.

Скирон, явно решив, что это такая игра, хотел и покрывало туда уволочь. Пришлось вскочить и побегать за духом ветра, отбирая покрывало. Одержав победу, закуталась в него, как в кокон.

— Ну Исам, — процедила я и сдула прядь, что упала на лоб. — Ну, зараза блондинистая, ну я тебе это припомню! Попадись мне только! Это же надо! Видите ли, женщины рождаются, чтобы хорошо жить и совсем не для битв с нечистью! А того, что в битвах живет еще лучше, кое-кто, конечно, умолчал. У, жадина!

Я свернулась на кровати калачиком, но не могла заснуть. От негодования, от злости, от беспокойства, наконец!

Рывком поднявшись и запахнув халат, принялась ходить по комнате кругами. Когда, просто машинально (почти) дернула ручку двери, та, ожидаемо, оказалась заперта. Скрипнув зубами, продолжила топтать с удвоенной скоростью. Скирон летел рядом в образе очень серьезного воздушного дракона.

В мыслях проносились образы разных там блондинистых, то нежного и заботливого, то жесткого и властного, потом закрадывались воспоминания об «обещанных невестах», и голос за кадром, подозрительно на Исама похожий, называл меня наложницей...

Но хуже всего, что то и дело вспоминался Исам, поднятый над каменистым полом пещеры магией инсекта, и из-под пальцев оборотня тянулось что-то черное. Тянулось к самому сердцу Ледяного дракона.

Я ломала пальцы, смахивала злые слезы, поминала кого-то отнюдь недобрым словом... И улеглась только под утро, когда за окном забрезжил рассвет.

Сил не осталось, веки налились тяжестью и закрылись. Скирон уселся (или улегся? В общем, разместился) на соседней подушке, насвистывая какую-то мелодию и играя моими волосами.

Должно быть, песня духа ветра оказала успокаивающее воздействие, потому что я все же провалилась в тревожный неглубокий сон.

А пробуждение было сюрреалистичным.

— Доброе утро, госпожа Таши Кинриу. Господин Ичиру Исами ждет вас к завтраку.

Сначала показалось, что я все еще в папахенском дракарате. Три Аки поначалу вот такими же бесцветными голосами со мной разговаривали. Потом мелькнула мысль, что должно быть, Юки из-за вчерашнего нагоняя, полученного от кузена, заговариваться начала.

А потом глаза открыла, и, взвизгнув, на кровати вскочила, покрывало натягивая.

У двери, сложив ладони в приветственном жесте, стояла... кажется, Юки назвала ее Хикэри. В общем, та самая блондиночка, которая вчера отрапортовалась будущей госпожой Исама, а мне не преминула указать на мое место наложницы...

Глава 12

— Эм, — это было первое, что вырвалось у меня. — А что ты тут делаешь?

— Я — ваша джошу, — тихо, но что-то мне подсказало, тщательно сдерживая ярость, ответила...

— Хикэри? — уточнила я. — Так, кажется, тебя Юки вчера назвала?

— Так точно, госпожа Таши, — скрипнув зубами, ответила девушка.

— Что ты делаешь в моей спальне, Хикэри? — вскипела я. — Я тебя не звала! То есть не приглашала... И что ты делаешь в доме Исама?

Глаза девушки сверкнули торжеством, а я про себя взвыла, понимая, как опростоволосилась.

— Господин Ичиру Исами понимает, что вы не ведаете традиций, госпожа Таши Кинриу, — елейным голоском ответили мне. — Видимо он выбрал меня, как самую достойную в качестве вашей джошу. Должен же кто-то объяснить вам, где место женщины.

— Если ты сейчас ляпнешь что-то типа «у ног мужчины», меня стошнит, — пообещала я.

Хикэри захлопала ресницами и подчеркнуто скорбно поджала губы, явно сетуя на мою грубость. Но мне как-то не до этого было.

Я вскочила с кровати и хмуро поинтересовалась:

— А где этот? Погонщик джошу и победитель насекомых? Говоришь, за завтраком меня ждет? Ну-ка, подвинься.

Отодвинув оторопевшую девушку, я ринулась к лестнице. Благо дорогу к ней запомнила.

— Вы! — взвизгнула за моей спиной Хикэри. — Ты не смеешь представлять перед господином в таком виде! О небо! Растрепанная, в халате! Нет! Он решит, что я плохо справляюсь со своими обязанностями и отправит меня домой! Только не это...

Хикэри продолжала восклицать за моей спиной, не отставая почти не на шаг, но мне было не до ее терзаний. Вот какого демона она делала в доме Исама — вот это вопрос из вопросов!

Не знаю, что Хикэри не понравилось в моем внешнем облике.

Исам, увидев меня в одном развевающемся халате, с растрепанными после сна волосами, судя по тому, как он быстро поднялся из-за стола, восторженно сглотнув, явно обрадовался. Даже на мое выражение лица, ничего хорошего ему не обещающее, внимания не обратил. И зря.

— Что она здесь делает?! — прошипела я, приближаясь к блондину.

Блондин с трудом отвлекся от... скажем, декольте, в общем чересчур распахнутого во время бега халатика, и снова сглотнул. А потом, когда кое-кому явно невероятными усилиями удалось на моем лице сфокусироваться, улыбнулся. И, судя по этой самой глупой улыбке, выражения моего лица по-прежнему не заметили.

— Какая ты красивая, Саша, — пробормотал Исам.

И вот за это многое ему простить захотелось... Кроме того, что с пшеничной косой, которое за моей спиной стояло!

И поэтому я свой вопрос повторила:

— Что, демоны меня деря, она здесь делает?!

Исам недоуменно перевел взгляд мне за спину, я тоже хмуро обернулась и увидела, как Хикэри попятилась назад, а затем и вовсе скрылась под аркой выхода на крышу.

— Она твоя джошу, — ответил Исам и сделал приглашающий жест к столу. — Присаживайся. Все такое вкусное.

Драконца внутри просто взревела!

— Ты издеваешься?! — вырвалось у меня.

— Почему? — пробормотал Исам и осекся, потому что подозреваю, взгляд мой из негодующего просто убийственным стал.

— Да потому что ты поселил в своем доме эту... свою... невесту, — возмутилась я.

— Она больше не невеста мне, — возразил Исам. — Я вернул обещание всем семерым невестам.

— Вот как? — как-то быстро успокоилась я. И тут же посетовала: — Даже жаль как-то девчонок.

— Двоих уже пообещали другим принцам, — отмахнулся Исам. — Понимаю, для тебя это звучит странно, но для нашего мира это норма. Статус обещанной дракону невесты дает девушке довольно высокое положение в нашем обществе.

— Прогони ее, — перебила я Исама. А когда его брови непонимающе поползли вверх, поправилась. — Ну, то есть отошли

домой.

— Кого? — не понял Исам.

— Ты что, издеваешься? — возопила я. — Думаешь, я буду жить под одной крышей с твоей невестой...

— Бывшей невестой, — вставил Исам.

— Вот это как раз неважно! — взорвалась я. — Бывшей невестой, которая еще вчера недвусмысленно дала мне понять, что имеет на тебя виды!

Непонимающий и, не побоюсь этого слова, невинный вид Исама бесил несказанно! Захотелось метнуть в дракона каждым блюдом, приготовленным руками этой самой Хикэри, надеть ему на голову миску с салатом, а сам стол просто сбросить с этой самой парящей горы!

Пока наслаждалась «кровавыми мальчиками в глазах», Исам скрестил руки на груди и смотрел на меня как-то странно. Очень пристально и с нежностью, так мама на Кирлика смотрела, когда он только ходить начал, и, несмело ковыляя на пухленьких ножках, то и дело садился на памперс. У мамочки тогда такое же умилительно-внимательное выражение лица было.

— Чего улыбаешься? — хмуро поинтересовалась я.

— Ты ревнуешь, Саша, — просто сказал Исам. — И это делает меня самым счастливым во всем мире.

— Размечтался! — буркнула я, но не слишком возмущаясь, видя, какую радость сама мысль о моей ревности доставляет дракону. Поэтому мои губы тоже расплзлись в глупой улыбке.

А потом дракон все испортил.

— Вот что значит, держать женщину на своем месте. Кочевники это называют «в узде».

— Что-о? — тоном, не предвещающим кому-то ничего хорошего, протянула я. — Что ты только что сказал?!

Отступая (наверное, все же что-то такое он прочитал на моем лице), Исам, на свою беду, пояснил:

— Ну как же! Стоило поступить с тобой, как с женщиной, указать на свое место, дать дом, заботу и защиту, оградить от опасностей всего мира, как ты действительно стала что-то испытывать ко мне. Например, эта ревность. Это очень хороший знак.

— Я сейчас покажу тебе хороший знак, — прорычала я.

Обернуться я не могла, да и не пыталась, хорошо помня, чем это может закончиться. Но свою фантазию о летающих в голову Исама предметов воплотила, что называется, на все сто! При этом не переставала напоминать Исаму о том, что он дурак, болван, гад чешуйчатый и вообще летающий осел!

Отступая и уворачиваясь, дракон пытался увещевать меня:

— Таша! Принцесса Таши! Александра! Да прекрати же ты! Я ведь просто хотел доказать тебе, что я к ней плохо отношусь!

Я так и замерла с поднятой в двух руках миской.

— Что? — непонимающе переспросила я.

— Да ты же сама говорила, что сторожить тебя — действительно тяжкий труд. И что в следующий раз я не должен поручать его тому, к кому мало-мальски хорошо отношусь. Я всего лишь хотел показать тебе, что плохо отношусь к бывшей обещанной невесте, вот и все!

Миска-таки полетела по заданной траектории.

— Какой же ты гад все-таки! — сказала я Исаму.

А потом до меня дошел смысл его слов.

— Так значит, все эти разговоры о джошу — суть пыль, да? На самом деле это мои сторожа? Тюремщики? Я убью тебя, чешуйчатый!

Догнать Исама, правда и не удалось. Реакция, да и скорость у него покруче моей.

Скирон, явно думая, что мы играем, носился то за мной, то за Исамом, а потом каким-то чудом выдернул из-под оставшихся предметов скатерть, и снова стал изображать дикое, но симпатичное привидение.

Сдернув с духа ветра скатерть, я накинула ее на Исама, а пока дракон пытался избавиться от нее, гордо развернулась и пошла обратно, в свои покои. Скирон полетел за мной.

На оклик Исама ответила только одно:

— Дурак.

И то, посчитала, что это было лишним.

В коридоре столкнулась нос к носу с Хикэри. Девушка, увидев меня, сглотнула, отпрянула, давая пройти. А у самой глаза на мокром месте!

— Ты чего? — хмуро поинтересовалась я. Мне как-то после скандала ни до чего было. Но пройти мимо плачущей девчонки я не могла.

— Он, — пробормотала Хикэри. — Он и в самом деле ко мне ничего не чувствует.

— Да что ж такое, — простонала я, закатывая глаза. — Ну-ка, пойдем.

И увлекла ее на кухню.

В бытовых заклинаниях я разбиралась уже достаточно, чтобы суметь кофе с молоком сварганить. А еще кто-то (подозреваю, кто) рогаликов с утра напек. Исам появиться не спешил. Может, летал (гад!), а может стратегически правильно избегал столкновения с двумя женщинами — одной разгневанной, второй просто с мокрыми глазами.

За кофе и рогаликами я постаралась объяснить Хикэри, что в том, что произошло, никто не виноват... Исама выбрала моя драконица. А меня выбрал его дракон. Это сложно понять здесь, на земле, но там... в хрустальной синеве небес... Все понятно, как день и ночь, белое и черное, мужское и женское. Как инь и ян.

— Это гармония, — закончила я рассказ. — Даже если бы хотела, я бы не смогла ничего изменить. Правда, так быстро сдаваться я не собираюсь. Гордость надо иметь, в конце концов... Что он думает? Заточил в башню, я от безысходности растекусь лужицей? Не дождется.

— Ты не любишь его? — спросила, шмыгая носом, Хикэри.

— Прежде, чем я сюда переехала, мамочка мне замечательную фразу сказала, — подумав, ответила я.

— Какую? — снова хлюпнув, спросила девушка.

Я подлила ей кофе и серьезно ответила.

— Она сказала: как можно не любить дракона?

Глаза девушки затуманились.

— Госпожа Джун права, — с придыханием сказала она.

Я назидательно подняла палец

— А вышла мамуля за человека.

Хикэри заморгала, а я пояснила:

— За настоящего человека. Все драконы этого мира по сравнению с Виталием Владиленовичем — тьфу и растереть, это я сейчас поняла.

— Почему ты так говоришь? — пробормотала Хикэри и испуганно обернулась, словно все драконы этого мира подбираются к нам, дабы покарать меня за длинный язык.

— Потому что он — по-настоящему сильный, — серьезно ответила я. — Сильный — это тот, кто никогда не будет самоутверждаться за

счет слабого.

— Что ты имеешь ввиду? — спросила девушка. Она уже не хлюпала носом, а с азартом прихлебывала из чашки и уминала рогалики.

— Женщина объективно слабее, — пожав плечами, ответила я.

— Ты слабой не выглядишь, — усмехнулась Хикэри. — Я впервые вижу, чтобы женщина так вела себя с драконом.

Она запнулась, прежде, чем добавить:

— И, кажется, ему это нравится.

Я отмахнулась.

— А вот это неважно. Главное — что я остаюсь сама собой. Мамочка говорит, что только если по-настоящему чувствуешь себя с мужчиной в безопасности, можно оставаться самой собой. Когда-то нежной и любящей, когда-то взрывной, капризной и вообще истеричной. И вот без повода. А не потому что там эти дни и все такое...

— А, связь с луной, — поняла Хикэри. — У нас во время связи с луной женщина имеет право запереться в своих покоях, дабы не оскорблять господина перепадами настроения.

— Тоже мне, господа, — фыркнула я. — А ничего, что именно когда тебе плохо, когда чувствуешь себя особенно уязвимой, больше всего нуждаешься в добром слове, в ласке, ты, черт меня подери, «имеешь право не портить настроения господину» и должна сидеть в одиночестве?

Хикэри нехотя согласилась.

— Да и потом, — продолжала я рассуждать. — Что это за высочайшее дозволение? Можешь быть капризной и взбалмошной, но только в эти дни, в дни, когда тебе плохо и вообще ты болеешь.

Бывшая невеста Исама непонимающе похлопала ресницами.

— А если у меня просто настроения нет? Если так звезды встали? Я не знаю, в транспорте на ногу наступили, в магазине плохо обслужили.

Хикэри даже шею вытянула и даже рот приоткрыла. Готова поспорить, могла бы — записывала бы. Но слова «магазин» и «транспорт» явно показались девушке чем-то сродни магическим заклинаниям.

— Я имею ввиду — господи, ну неужели нужны причины, чтобы просто быть самой собой? — подвела итог я. — И тот по-настоящему

сильный, с кем ты даже своих эмоций не боишься! Вот вообще ничего не боишься, понимаешь? Он просто есть, и все. И ты этим счастлива.

Голубые глаза Хикэри обрели некое новое выражение.

— Наверное, я непонятно объясняю, — вздохнула я.

— Ты — дракон, — с завистью сказала Хикэри. — Значит, тебе действительно позволено больше, чем нам, обычным женщинам. У тебя есть свобода быть собой, потому что ты нужна мужчинам. Мы — нет. Таких как мы, много. Ты — одна.

— Глупости какие! — взорвалась я. — И что, что я — дракон? Ты, кстати, правильно подметила — я одна. И хотя бы по этой самой причине меня на всех не хватит. Мне одного... этого... белобрысого, на кого я злая просто сверх меры... по глаза! А остальным драконам по-прежнему нужны женщины. Нужны, понимаешь? Зачем им их сила, если не для того, чтобы защищать слабых? Зачем им этот мир, если не для того, чтобы положить его к ногам женщины, не почувствовать себя нужным? Ты меня, конечно, извини за такие слова, но вы сами себя обесценили. Вы позволили себя обесценить!

Хикэри попробовала что-то сказать, но я протестующе хлопнула ладонью по столу. А что, я дракон, мне можно.

— И это я еще инициацию не вспомнила! — продолжала возмущаться я.

— К-какую инициацию? — переспросила Хикэри.

— Такую! — буркнула я. — Никто из вас даже не попытался ее пройти. А вдруг, нет, ты просто только подумай, ну, вдруг, не только мужчины могут быть драконами?

— Драконами могут быть только мужчины, — опешила Хикэри. — Это мировой, издревле устоявшийся порядок. Так было заведено... богами.

— Вспомни, кто ваша богиня? — коварно поинтересовалась я.

Девушка захлопала ресницами.

— А теперь просто посмотри перед собой, — продолжала я.

Хикэри продолжила хлопать ресницами. В азарте она запихала в рот пол рогалика.

— Да, я себя имею ввиду. Я — дракон. И что-то мне подсказывает, что вряд ли я — чудо из чудес.

Хикэри снова принялась что-то бормотать о традициях, о том, что только мужчины владеют силой и магией, и всю эту чушь, на что я

заметила:

— Я не спорю. Возможно, кто-то сильно постарался, чтобы в этом мире перестали рождаться драконицы.

— Ты думаешь, раньше они были? — почти со священным трепетом спросила Хикэри. — Но история учит нас обратному.

— Нас тоже история чему только не учит, — отмахнулась я. — А потом, когда спрашиваешь преподав по истории, верят ли они в то, чему учат, они только отводят глаза или смотрят на тебя снисходительно.

Хикэри попыталась что-то возразить, но я опередила ее.

— И это, заметь, в нашем мире, без магии! Даже там полно странных удивительных мест, где происходят такие вещи, что не в силах объяснить ни наука, ни история... А ты говоришь...

Хикэри больше ничего не говорила. Ее глаза горели новым огнем. А я подумала, что не такая она и противная...

— Ладно, — допив остывший кофе, подытожила я. — Я, между прочим, еще даже зубы не чистила. Пойду к себе.

Обернулась, когда была уже в дверях и поняла, что Хикэри вряд ли заметила мое исчезновение.

Девушка смотрела в пространство перед собой, не замечая ничего вокруг, а на губах у нее блуждала мечтательная улыбка.

* * *

Стоило мне войти в покои и закрыть за собой дверь, как тут же застыла, как вкопанная.

Потому что в моей комнате был Исам. И не просто был, а ждал меня на одном из диванчиков, перед низким круглым столиком. Сервированным.

Скирон метнулся мне навстречу и ноздри защекотал аромат цветов.

Перевела взгляд на столик — в центре красуется белоснежная пузатая ваза с целой охапкой цветов. Я не встречала таких в нашем мире, похожи на подснежники и незабудки одновременно, только даже при свете дня видно, что с фосфоресцирующими краями лепестков и аромат... восхитительный.

— Я собрал их для тебя, — белозубо улыбаясь сообщил Исам, наблюдая мой восторг. — В низине.

Я представила место, где растут вот такие восхитительные цветы и захотелось ответить что-то вроде «как здорово было бы собрать их самой», но сдержалась. Потому что не здорово. То есть не так здорово, когда это делают для тебя.

— А еще залетел в поселение и принес свежих сырных лепешек, — сказал Исам. И добавил: — там делают чудесный козий сыр. За ним прилетают со всей территории Ледяного клана.

Он кивнул на небольшой круглый чайничек.

— В дороге тебе нравился этот отвар.

— Спасибо, — вырвалось у меня. — Только я хотела бы... переодеться.

— Я подожду, — кивнул Исам.

— Чур не подглядывать, — пригрозила я. — Мне еще в эту, как ее... в омывальную нужно, вот.

Говорю и краснею.

Исам улыбнулся. Улыбка получилась не слишком веселой.

— Я не настолько сдержан, — ответил он.

Покраснев еще больше, я кивнула, и, кутаясь в халатик, утонула в купальню. Оказавшись одна, перевела дыхание и порадовалась, что купальня соединяется с гардеробной, и мне не придется бегать туда-сюда перед Исамом в полотенце. И не суть, что дракон сообщил, что не настолько сдержан. Что-то внутри подсказывало, что не настолько сдержана и я.

Через полчаса я робко вышла из гардеробной. Платье, которое выбрала сегодня, было нежно-голубым (должно быть, навеяно незабудками), длинным, с тонким золотым ремешком под грудью, из легкой струящейся ткани. Верх был выполнен в греческом стиле, тонкая ткань соединялась на плечах узкой каймой, верхняя часть рукава отсутствовала, открывая плечи. То есть платье было закрытым, куда более закрытым, чем те, в которые мы с Ариэлькой привыкли наряжаться для походов по ночным клубам, но в то же время от него буквально веяло чувственностью и, не побоюсь этого слова, эротикой. А еще учитывая, что белья на мне нет... И кое-кто прекрасно об этом осведомлен...

В общем, когда я вышла из гардеробной, очи долу потупила и замерла вся такая смущенная.

В ответ — тишина. Я конечно, решила, что тишина эта моей

божественной красотой вызвана и кого-то дар речи пропал, надеюсь, что временно. Поэтому постояла так какое-то время, разглядывая золотой ремешок сандалика, которые выбрала, ориентируясь на ремешок платица.

Но поскольку тишина не прервалась, сама взгляд подняла. И не смогла сдержать улыбки. Потому что кое-кто блондинистый, кто показал, что умеет быть заботливым, меня не дождался. Нет, он никуда не ушел. Просто спал на моей кровати. А на лице такое мечтательное выражение застыло, за какое можно простить решительно все. Потому что вид у дракона был какой-то трогательный и мальчишеский, где-то даже беззащитный.

Хмыкнув богатырскому сну, я осторожно приблизилась, ожидая, что дракон проснется. Но он не проснулся, только губами во сне чмокнул, от чего сердце прямо-таки нежностью затопило.

Только сейчас я увидела, что под глазами Исама пролегли глубокие тени, черты лица, и без того хищные, заострились. Вспомнилось, что ночью он улетел биться с инсектами... А утром я, даже не поинтересовавшись, как все прошло, набросилась на него со скандалом. И стало стыдно. Совсем чуть-чуть. Но вот то, что Исам меня этим даже не попрекнул, словно то, что он уходил навстречу какой-то опасности было и в самом деле чем-то обиденным, само собой разумеющимся... И это было приятно. А еще было чертовски приятно получить от него цветы... И эти сырные лепешки, за которыми он летал в низину.

Я присела на диван, на котором до этого сидел Исам и налила остывшего отвара в пустую чашку. Проголодаться после кофе и рогаликов Хикэри я не успела, но сырные лепешки, заботливо прикрытые салфеткой, так дразняще пахли, что не удержалась, отломил кусочек... Потом еще один... Еще... И вот когда вся лепешка исчезла в какой-то черной дыре, что находится, если смотреть моими глазами под розово-прозрачными крыльями носа, я блаженно откинулась на спинку дивана и отхлебнула отвара.

Исам спал, и как-то не хотелось тревожить его сон. Я даже Скирону погрозила пальцем, когда дух ветра стащил со стола салфетку и принялся гонять ее по комнате.

Поскольку сидеть просто так было скучно, я поднялась, и, стараясь ступать бесшумно, подошла к подоконнику, на котором со вчерашнего дня лежали те самые книги, что приволокла из библиотеки.

Машинально открыв одну из них, вздрогнула: буквы больше не прыгали по всей странице. Начало «Истории сотворения мира» рассказывало об изначальной истине, из которой и родились тысячи миров... И изображение богини Инари здесь было. Но какое! В красках! Трехмерное! Прямо над страницами книги появилось, как только я первые две строчки прочитала. Точь-в-точь вход во «Врата дракона» увидела, или в священную гору Сусаноо...

Я поморгала и захлопнула книгу. Изображение исчезло.

— Это значит, что Исам не забыл, — прошептала я. — Дал мне «допуск» к библиотеке... Значит ли это, что у меня теперь есть допуск и к его комнате тоже? Что-то мне подсказывает, что мой пропуск в Альма-матер спрятан именно там...

И вот ничто не мешало тихонечко вышмыгнуть из комнаты и отправиться на разведку по дому. Ничего, кроме совести. Потому что дракон, тот самый дракон, которого выбрала моя драконица, спал, здесь, на моей кровати, уставший, обессиленный... А еще я не могла не признать, что он и вправду старается. Просто в этом их драконьем мире, видимо, ухаживать за женщинами разучились. А как тут не разучиться, когда местные кумушки сами так себя обесценили. Ведь всего-то надо было просто сказать о том, что хочешь, чтобы за тобой ухаживали. Ну и парой тарелок запустить... Но это вообще мелочь, учитывая, что как я ни целилась, ни одна не попала...

В общем, я, проклиная собственную слабыхарактерность и обещая себе, что вот вскорости об этом своем решении пожалею, зажимая подмышкой увесистый том, забралась на кровать. Поближе к Исаму.

Стоило мне устроиться рядом, дракон пошевелился. Я замерла, испугавшись, что разбудила. Какой там. Не открывая глаз, меня обняли и к себе поближе придвинули. А когда горячая ладонь скользнула по обнаженной коже (платышко тоже с разрезами, наверно специальная мода такая, для наложниц), дракон нахмурил брови, и, пошарив по кровати ладонью, еще и покрывалом меня укрыл.

Я какое-то время тихонечко сидела, боялась разбудить, а потом, когда убедилась, что даже у Скирона ничего не вышло (дух ветра со скуки снова затеял игру с летающими салфетками), что называется, выдохнула, и, откинувшись на подушки, погрузилась в чтение.

И вот с самых первых страниц обнаружила странность.

Потому что после красноречивого в общем-то описания сотворения

мира, шло повествование истории народа драконов. Вот именно, что не начиналось с легенды о матери драконов, с создания этой самой расы, а как будто продолжалось с момента, как драконы воевали с первыми людьми и какими-то перворожденными (это что за народ такой, вообще не поняла). Но вот это все мне, когда ожидала обнаружить описание самого рассвета драконьей расы, было вообще без надобности. Хоть и картинка книга предлагала довольно захватывающие. Всякие там воздушные бои, растущие прямо на глазах горы, подрагивающие, словно живые, вулканы, иссыхающие и вновь зарождающиеся словно из ниоткуда моря и океаны... И все это в беззвучном режиме. Хотя, готова поспорить, у них еще и звуковое сопровождение имеется, просто я пока не поняла, как со всеми этими магическими книгами обращаться.

Последняя мысль снова напомнила о цели: Альма-матер.

Попасть в которую для меня уже даже не мечта, а дело принципа. Как принято было раньше выражаться, чести.

Я уж подумала было по-тихому свалить и пойти пошерстить по дому в поисках так называемого пропуска в святая святых местного студенчества, но что-то не пускало. Точнее, кто-то. Этот кто-то по-прежнему дрых, обнимая мои бедра одной рукой. И даже во сне хватка у дракона была крепкая и собственническая.

К тому моменту, как дракон проснулся, я успела перечитать легенду о Такэхая Сусаноо-но Микото, который, победив дракона, сам стал им и теперь способен наделять силой дракона других, о богине Инари, матери всех драконов, о великой войне и смутных веках, о том, как драконы заключили союз с людьми и перворожденными, о том, как драконьим огнем изгонялись с человеческих земель инсекты...

Но ни слова о том, как возникли четыре дракарата, по каждому на стихию, как появился Ледяной клан, который не относится ни к одному из дракаратов и существует сам по себе, а также ни слова о первых драконах... Учитывая, что «первым людям» было посвящено целых две главы... все это было странно.

— Саша, — пробормотал Исам, подтягивая меня ближе (хотя куда уж ближе?). — Какая же ты красивая!

И кто-то зарделся. И это был не Исам.

Отложив книгу, я запустила пальцы в белоснежную шевелюру. Дракон зажмурился, вот-вот заурчит, а Скирон, который понял, что теперь игры никто не запрещает, принялся, наконец, гонять по комнате

салфетку, от чего перед глазами замелькали белые круги, а потом вместе с ней вылетел в окно.

— Это точно первый том истории? — спросила я.

Исам приподнялся, бросил взгляд на книгу и кивнул.

А затем стащил меня вниз и прижал к себе. И лежать с драконом просто обнявшись, это было так... просто ми-ми-ми, как говорит Ариэлька. Но то, что не давало мне покоя, пробралось и в эту самую ми-мишность, и разворошило ее, разобрало на тряпочки.

— Там отсутствует начало, — недовольно сообщила я дракону, высвобождаясь из его объятий. — Честно слово, отсутствует... Его словно нарочно заменили несколькими легендами, которые можно трактовать двояко... Да что там, двояко... Как угодно там можно трактовать. А о первых драконах — ни слова!

Исам попытался возразить, но я предупреждающе подняла палец и нахмурилась.

— Я имею ввиду о настоящих драконах... Готова поспорить, раньше вы жили как-то по-другому. И инициацию, скорее всего, не в одном только озере получали... Не знаю, но что-то подсказывает, что не единственное это озеро. Вот не единственное и все тут! Надо еще покопаться в твоих книгах по истории.

— Что касается истории нашего народа, то это правда, первый том, Таша, — сказал Исам. — Других нет.

— А в других... хм... изданиях? — уточнила я.

— Ты имеешь в виду ту книгу, с которой делалась эта? — уточнил Исам.

— Переписывалась, — подтвердила я, кивая.

Исам снисходительно улыбнулся.

— Ты недооцениваешь нас, Таша, — сказал он, притянул к себе и поцеловал в висок. — Книги копируются с помощью магии.

— И кто по ней главный у вас? — тут же ухватила за появившуюся ниточку.

Исам пожал плечами.

— Ковен, — сказал он.

— Ага, — протянула я.

— Средоточие самых сильных магов нашего мира, — продолжил объяснять Исам. — Они — основали Долину Знаний, в которой находится Альма-матер и другие магические учебные заведения нашего

мира. А накопленный тысячелетиями расами нашего мира опыт структурировали и поместили в Хранилище Знаний.

— Ага, — кивнула я. — То есть Альма-матер — это подшефная организация вашего Ковена. А это самое Хранилище знаний? Оно в этой самой Долине Знаний находится? Что это вообще? Как оно связано?

Исам прервал поток моих вопросов нежным поцелуем, но, когда, несмотря на бунтующие гормоны, отстранилась от него с недовольным видом, все же ответил.

— Учащимся и выпускникам Альма-матер есть доступ в Хранилище Знаний.

При этом показалось, что сообщил это дракон как-то неохотно. Но это было решительно все равно. Главное, что честно. И, что даже главнее — я услышала, что хотела.

— Мне надо в это самое Хранилище Знаний, — сообщила я Исаму. — Короче, мне в Альма-матер эту вашу теперь еще нужнее.

А Исам промолчал. И вот как-то неестественно промолчал. А затем, клюнув поцелуем в щеку, поднялся.

— Мне надо идти, Таша, — сказал он. — Нужно облететь окрестности, проверить, не появились ли новые инсекты, а также проверить земли людей.

— Исам, — протянула я. — Мне показалось, или ты специально переводишь тему?

И он взгляд отвел!

— Не скучай, — сказал, словно жене-домохозяйке. — И прости за Хикэри. К тебе сегодня придет другая девушка.

— Хочу Юки, — вспомнила я о его кухне, думая, что и эта бывшая невеста в общем-то не противной оказалась. — И мы об Альма-матер не договорили, между прочим!

— Нет, — этот тон называется, «сказал как отрезал».

Причем непонятно, к чему это «нет» относится. То ли к моему упоминанию об Альма-матер, то есть о том, что мне туда позарез нужно, то ли о Юки!

— Исам? — переспросила его, усаживаясь на краю кровати.

— Я все сказал, — холодно ответили мне.

— Ах вот как! — воскликнула я, складывая на груди руки. Значит, ты будешь решать, с кем мне общаться?

Говорю, а сама так нехорошо прищурилась на гада блондинистого.

— Я — дракон, — величественно ответили мне, словно этим было все сказано.

Соскочив с кровати, напомнила:

— Я тоже.

Словно не замечая моего настроения, Исам повторил:

— А за Хикэри, правда, извини. Это все Рио... Он прибыл из Альма-матер, где преподает магию ветра, ненадолго. Это связано с нестабильностью магического фона местности. И, как всегда, прибыл ненадолго, а уже успел напакостить мне. Рио перенес Хикэри на этот остров. Я не знал об этом. Ты не должна была видеться с ней.

— А кто такой Рио? — не поняла я.

— Кузен, — ответил Исам. — Сын родного брата отца. Он с детства метит на место преемника. Ведь правящим крылом у нас объявляется не прямой наследник, а сильнейший. Я сильнее Рио. Но он до сих пор не может смириться. Узнав, что у меня появилась слабость, решил сыграть на этом. Думал, твой конфликт с Хикэри меня ослабит. Ведь женщины как флюгер, следуют за своими эмоциями. А те меняются сотни раз на дню. Рио рассчитывал, что, ударив по слабому месту, доберется до меня. И он за это ответит.

Исам холодно усмехнулся. В нем с трудом угадывался парень с нежной улыбкой, который не хотел выпускать меня из объятий.

— Кузен, как всегда, просчитался.

От перемены в Исаме (и это женщины у нас «флюгера», да), от обилия новой информации, от того, что кто-то старательно уводил меня в разговоре от темы Альма-матер и думал, что я этого не замечаю, у меня голова пошла кругом. А еще разозлилась очень.

— Ты только что сказал, что у тебя появилась слабость, — тем не менее, повелась на уловку Исама я. — Какая еще слабость?

— Ты — моя слабость, Александра, — ответил Исам, глядя в глаза. Я помотала головой.

— Не отвлекай меня! Мы с Альма-матер не закончили.

— Я полагал, с этой темой все предельно ясно, — ответили мне холодно.

— Значит, неправильно полагал! Мы еще вернемся к этой теме! — возмутилась я. — И прямо сейчас вернемся!

— Нет, Таша, — ответил Исам. — Не сейчас. Поврежден

магический фон границ и моя очередь выходить в патрулирование. Еще нужно встретить мага, которого прислали из Ковена. Нужно проверить защитные магические контуры границ.

Он подошел ко мне с явным желанием поцеловать, но я вывернулась.

— Исам, ты понимаешь, что я не прощу тебе того, что держишь меня взаперти и решаешь за меня? — хмуро спросила я, обхватив плечи руками и глядя на дракона исподлобья.

Мне не ответили. Пожали плечами, мол, ничего не поделать.

— Надеюсь, когда вернусь, твое настроение улучшится, Таша, — сказал Исам и, преодолев расстояние в двадцать шагов, легко запрыгнул на подоконник.

— Не надейся, — пробурчала я вслед, чувствуя, что в глазах щиплет от злых, очень, очень злых, слез.

А когда серебристый дракон взлетел в синее небо прикрикнула на взревевшую было драконицу так, что та испуганно притихла.

— Что ж, Исам, — стиснув зубы, задумчиво проговорила я. — Ты не оставил мне выбора.

Остаться в доме своей истинной, чтоб ее, пары, я больше не собиралась.

Несколько раз вдохнула и выдохнула, успокаиваясь, а потом направилась в комнату Исама. Документы свои, которые из Алматы за мной пришли, искать. Что-то внутри подсказывало, что как только увижу их — узнаю.

У двери в комнату Исама я замерла. Как-то неправильным казалось входить внутрь в отсутствие хозяина. А потом вспомнила его жесткое «Нет», «Я все сказал» и «Я полагал, с этой темой все предельно ясно» и решительно нажала на ручку.

В следующий момент застонала в голос.

Ожидаемо. Дверь в комнату Исама оказалась заперта. Судя по расположению — она рядом с моей, соответственно, его окно тоже на пропасть выходит. Вот только... никак, кроме как по воздуху, в его комнату не пробраться...

Из груди снова вырвался стон разочарования.

— Приветствую, принцесса Таши, — раздалось за спиной.

Я оглянулась на голос и замерла.

Глава 13

На этот раз соглядатайствовать меня поручили взрослой, судя по седине в иссиня-черных волосах, очень даже взрослой женщине.

Несмотря на моложавый вид, подтянутую фигуру в длинном темно-синем платье, я как-то сразу поняла, что женщина передо мной старше мамули. На сколько — не ясно. Исходя из опыта общения с женами папахена и другими женщинами Огненного дракарата, я уже знала, что в этом мире продолжительность жизни людей под двести лет, что значит, все же намного дольше, чем у нас. Что касается драконов и других рас, то они и здесь по сравнению с людьми долгожители. Люди, рождаемые в семьях драконов, живут куда дольше остальных. Не так долго, как драконы, правда, но все же. Также завидной продолжительностью жизни отличаются жены драконов. Госпожа Митсуко просветила, что семя драконов какими-то невероятными свойствами обладает, в общем жены и наложницы драконов остаются молодыми, красивыми, здоровыми очень-очень долго, что опять же, в пользу того, что многие хотят место рядом с драконом занять, говорит.

Я помню, внимательно очень слушала жену папахена, она, кстати, весьма дружелюбно о мамуле отзывалась, даже интересовалась, как у той дела, правда видно было, что это по большей части, из вежливости. Мамочку в этом мире не сказать, чтоб осуждали, скорее не понимали, мол, как можно вообще будучи женой дракона куда-то уйти, а потом еще в чужом мире замуж выйти... то есть дорогу к долгоиграющей красоте и молодости для себя закрыть навсегда (и это, не говоря о блаженстве, которое на своем, хоть и неполном, опыте поняла, познает женщина в объятиях дракона...).

А я мамочку и Виталия Владиленовича вспоминала... И понимала, что эти тут все... не поймут. Вот если бы хоть раз увидели мамулю рядом с отчимом. Такую красивую и пронзительно-счастливую... и слов бы не понадобилось, и никаких других доказательств, чтобы понять, что она счастлива. Просто счастлива до самых кончиков волос, и все.

— Принцесса Таши? — позвала меня женщина, когда я не откликнулась на ее приветствие. При этом озабоченно нахмурила лоб.

— Да-да, простите, — опомнилась я и сложила ладони у груди в

приветственном жесте. — Вы, непонятно почему, мне мою маму напомнили, вот я и задумалась.

Женщина повторила мой жест и усмехнулась улыбкой вдовствующей королевы-матери.

— Мне доводилось встречаться с Джун, — сказала она, а я отметила про себя, что она не назвала мою маму «госпожой», как остальные.

Я присмотрелась к женщине получше.

Брюнетка. Иссиня-черные прямые волосы с обилием серебра в них гладко зачесаны назад и собраны в аккуратный пучок. Правильные, чуть резковатые черты лица. Глубоко посаженные голубые глаза в тоненьких лучиках «лапок», что говорит о том, что женщина любит посмеяться, правда, по ней этого не скажешь. Тонкому, с едва заметной горбинкой, носу позавидовала бы любая грузинская княжна. Четко очерченные губы. Сама высокая, статная, с прямой, как жердь, спиной. Удивительно, что она напомнила мою живую, очень теплую и яркую, как райская птичка, мамулю. К тому же моя мамуля — блондинка с задорно задранной носиком, а эта женщина брюнетка.

— Значит, вы новая джошу, — задумчиво пробормотала я и подумала, что в присутствии этой мой побег точно обречен на провал. Уж очень взгляд въедливый.

Услышав, что ее назвали джошу, женщина приподняла точеную бровь.

— Меня зовут Норайо, — сказала она. — И я не джошу. Мне сказали, тебе нужна компания.

— Ну, не джошу так не джошу, — проговорила я, пожимая плечами. — Ну что ж, пойдете кофе пить. В вашем мире он вполне сносный. Да и с магией этой кухонной я более-менее освоилась.

Женщина странно, одним уголком рта, улыбнулась и последовала за мной по лестнице на первый этаж.

Как-то быстро я стала ориентироваться на кухне Исама, и это было сюрпризом даже для меня. Норайо (почему-то все время хотелось назвать ее госпожой Норайо) наблюдала за мной, как показалось с любопытством и каким-то одобрением.

Поскольку время подошло к обеду, я достала из холодильного отсека несколько больших замаринованных отбивных, быстро расположила их в чем-то похожем на духовой шкаф, непонятно по

какому принципу действующий (хотя это как раз понятно, по принципу «встроенной» магии), в другой отсек сунула пару рыбин, предварительно очистив их и отделив кости с помощью... не запомнила названия утвари, в общем, каких-то кухонных «ртауаров», вымыла и порезала овощи для салата, забросила в кипящую воду гигантских креветок и тут же щелчком пальцев, погасила огонь... Норайо вызывалась помочь, но я отказалась. Во-первых, интересно было все это проделывать при помощи магической кухонной утвари и отсеков, в которых невозможно пережарить или не дожарить, а во-вторых, как я ей заявила:

— Ну что вы! Вы же, должно быть, утомились в пути. Пока сюда заберешься... Знаем, пробовали, мы с Юки к сердцу ветра ходили в гости и обратно.

Норайо хмыкнула, но на известие о том, что мы ходили к сердцу ветра, почему-то кивнула.

Правда, на том, чтобы помочь мне сервировать стол на веранде перед кухней, Норайо настояла. Вместе мы справились в два счета, еще и Скирон помогал. Правда, ему больше нравилось с салфетками носиться, а когда одну случайно в узел завязал и вовсе расплясался эдаким воздушным щенком.

А я на эту связанную в узел салфетку посмотрела и, отобрав у духа ветра, попыталась развязать. Не получилось. Хватка у Скирона оказалась мертвая.

За обедом я заговорила. Начала, что называется, издалека.

— Здесь что ни имя, что-то обозначает...

— А в зеркальном мире не так? — удивилась новая соглядательница.

— Так, — согласилась я. — Но не все значения помнят. В этом мире, насколько я успела понять, трепетнее относятся к традициям.

— Это правда, Александра, — сказала она. — Тебе же приятнее, когда тебя называют именем из зеркального мира?

— Вообще к «принцессе Таши» я тоже привыкла, — призналась я. — Да это как-то непринципиально, что ли. В зеркальном мире Александру постоянно сокращали до Саши, а чаще переделывали в Ташу. Так повелось, что я на все откликаюсь.

— И что же означает имя Александра? — поинтересовалась Норайо. — Знаешь?

Я кивнула и ответила:

— Защитница людей.

Норайо усмехнулась.

— Тебе подходит.

— Для вашего мира надо придумать какое-то, которое будет означать «защитница женщин», — пошутила я. — А что означает ваше имя?

— Норайо — значит человек принципов, — усмехнувшись, сказала странная компаньонка.

— Вам, пожалуй, тоже подходит, — протянула я, не отводя взгляд.

— Что ты имеешь ввиду? — поинтересовалась женщина.

— Да Исам хорошо придумал вас ко мне приставить, чтобы не сбежала, — сказала я честно. — Заметьте, вас одну. До этого девушки были, но тоже по одной. Кстати, в нашем, то есть в зеркальном мире говорят «у семи нянек дитя без глазу». У папахена так было. Там много кто меня пас. И в итоге сбежать оказалось проще простого. Исам, надо отдать ему должное, умеет делать выводы. Эти чешуйчатые вообще понятные.

Норайо хмыкнула. Мне показалось, одобчительно.

— А дальше? — попросила она. — Ты интересно рассуждаешь.

Я пожала плечами и продолжила.

— Девушек мне больше не доверяют. Боятся, что об инициации начну рассказывать. И подбивать, значит, на эмансипационный бунт. А я правда считаю, что это какое-то отклонение от нормы. Ну, то что дракониц здесь, мол, не бывает. Я же есть. Как-то слабо верится, что я исключение.

Норайо слушала меня внимательно. Даже очень внимательно. А мне как-то очень хотелось мыслями поделиться. Особенно, учитывая, что некоторые блондинистые и слушать меня не хотят...

— Опять же, — продолжала я. — Еще опасно мое влияние на молодые неокрепшие умы тем, что я об Альма-матер начну рассказывать... Сманивать, так сказать, из-под родительско-мужниной опеки. А вместе с тем, у себя, там, на родине, ну вы поняли, я студентка. Лучшей военной академии страны. И вот, несмотря на то, что заведение серьезное, куда уж серьезнее, оно в честь Александра Васильевича Колчака названо, потом расскажу, кто это, так вот, несмотря на всю серьезность, прям своим примером могу подтвердить, что студенческие

годы — самые веселые. А здесь девчонок, получается, их лишают. Да ладно девчонок, тут все вроде как в рамках этих ваших традиций, а ведь даже меня лишают! Не имея на это никакого права! Потому как мне этот самый вызов в Альма-матер пришел, а мне не отдают...

Слушая меня, Норайо то улыбалась, то хмурила брови.

— Значит, ты хочешь попасть в Альма-матер, чтобы как следует повеселиться? — спросила она.

С ликующим воплем я вскочила с задраным вверх пальцем, и, попросив Норайо никуда не уходить, потому что я мигом, унеслась в дом.

Она как раз отпивала из крохотной чашечки, когда я вернулась с первым томом «Истории сотворения мира».

— Вот! — торжественно объявила я, предъявляя магическую книгу благодарной слушательнице.

Та задумчиво прочитала надпись на синем томе и вопросительно посмотрела на меня.

— Драконы — первая раса, — пояснила я ей. — Они до перворожденных и тем более до первых людей появились. Даже до кицунэ.

Женщина задумчиво кивнула.

— И об этом не слова! — воскликнула я. — Ни слова о рождении самой могущественной расы мира. Я уже Исаму говорила, но меня не очень-то слушали, не то что вы... У меня такое ощущение, что несколько страниц вообще то ли отсутствуют, то ли заменены другими, с этими вашими легендами...

Я снова подняла палец.

— Не спорю: красивыми! Поучительными даже! Но меня не покидает ощущение, что в книге чего-то не хватает.

— И поэтому ты хочешь, — начала было Норайо, и я ее самым невоспитанным образом перебила (потому что на нервах была).

— И поэтому я хочу в эту самую Альма-матер, понимаете? Оттуда доступ к Хранилищу Знаний есть, Исам проболтался. А меня, если что, не покидает ощущение, что с этим миром что-то не так... И я не успокоюсь, пока не узнаю, что!

В общем, эта Норайо тоже какая-то нормальная оказалась. Мы дома сидеть не стали, посуду убрали и пошли гулять. На этот раз не вниз, а вверх по тропинке ходили. И даже на специальном подъемнике на

самую верхушку поднимались, любовались окрестностями и вели прогрессивно-эмансипированные беседы. Скирон с нами летал. Я с собой специально для него несколько салфеток стянула и до вечера учила их в узелки завязывать. Дух ветра сначала не понимал, чего от него хотят, а может, просто придурился. Но к вечеру научился. Завязывал крепкие такие. Прямо по щелчку пальцев.

К моменту, как Исам вернулся, мы с Норайо и Скироном расположились на небольшой полянке недалеко от дома. Притащили туда пару покрывал и сидели болтали в компании фосфоресцирующих цветочков, светлячков, что чертили дуги вокруг и мотыльков со светящимися крылышками.

Проступающий в небе месяц (один из трех) на миг заслонили кожистые крылья, раздался свист, затем огромный такой и невероятно красивый дракон перевернулся в воздухе и устремился вниз. Не долетая до земли, снова кувыркнулся, и на землю приземлился уже Исам. Тоже красивый до невозможности с развевающимися белоснежными волосами, в серебристом камзоле, распахнутом на груди, темно-серых брюках, обутый в черные башмаки.

Я ожидала, что он мне сразу какую-нибудь претензию предъявит, мол, почему не дома, почему без шапки, а где мой горячий ужин, женщина и все такое... Но вниманием Исама (как это ни уязвимо для самолюбия было наблюдать) сразу завладела наша гостья.

— Госпожа Норайо? — воскликнул Исам, приближаясь к нам. Мы с Норайо поднялись при его появлении. — Вы здесь? Но как?

— Приветствую, Ичиро Исами, — ответила Норайо и Исам тут же исправился.

— Приветствую, госпожа, — сказал он.

— Ты долго, Ичиро Исами, — сказала Норайо, и я уже прислушивалась к их разговору в открытом ртом, потому что поняла, для Исама эту женщину видеть здесь было сюрпризом, а вот она вроде как нарочно его здесь поджидала. — Что со вторжением насекомых?

— Последних выловили, — ответил Исам, причем стоял чуть ли не навытяжку, ни дать, ни взять, рапорт старшему по званию. — Вчера двадцать три насчитали, сегодня оставшихся семерых.

— Личинки уничтожены?

— Да, госпожа Норайо.

Только мне послышалось за этим «Так точно!»?

— Что по соображениям?

— Колебания магического фона, госпожа Норайо. Наблюдали подобное в Идзумо, когда перенеслись с принцессой Таши к священной горе. Также было в Огненном дракарате, и вот, здесь.

— Одна я вижу закономерность? — спросила госпожа Норайо, нахмурившись.

— Никак нет, — отрапортовал Исам, продолжая стоять «навытяжку».

— Если территория зачищена, можно повторно пройти по магическим контурам? — спросила госпожа Норайо.

— Так точно, госпожа Норайо, — ответил Исам. — Мы все проверили, чисто. Я вас провожу.

Исам сделал какое-то едва уловимое движение, по которому я поняла, что он собирается перекинуться в дракона, и таким же неуловимым движением госпожа Норайо остановила его.

— Не стоит, Ичиро Исами, — сказала она. — Я попрошу Рио. Ты же знаешь, мы прибыли вместе с твоим кузеном. Тебе же следует побережь силы. Они завтра понадобятся.

Сказав это, госпожа Норайо развернулась ко мне и сказала:

— Не прощаюсь, Александра.

А затем растворилась в воздухе.

Я в последний момент подавила визг, который готов был сорваться с языка.

— Эт-то, — пробормотала я, заикаясь, потому что видела такое впервые. — Эт-то чт-то это она? Куда? Как?

Исам был тут как тут. В следующий миг меня обняли и прижали к себе. В объятиях дракона было так уютно, что голова сама как-то легла ему на плечо.

— Госпожа Норайо — маг Совета, — пояснил мне непонятное непонятым Исам.

Я голову подняла и на дракона пристально посмотрела.

Тот вздохнул и пояснила:

— Совет Ковена магов. Они сильнейшие в нашем мире. Из магов, — пояснил он.

— А, — поняла я. — Так она и есть тот самый маг, которого тебе нужно было встретить, и который должен был обновить магические контуры земель?

Исам кивнул и поцеловал меня в висок. Поцелуй как-то плавно «съехал» на щеку, почти незаметно подобрался к губам. Время остановилось. Мы целовались долго, жарко, ненасытно и нежно одновременно. И снова подкашивались ослабшие колени, и снова плавилась воля, и, если бы не сильные руки Исама, рухнула бы прямо в сверкающую неоновым светом, траву.

Отстранившись от губ дракона и тяжело дыша, я спрятала лицо у него на груди. Меня прижали крепче и поцеловали в макушку.

— Я так соскучился, Саша, — выдохнул Исам мне в волосы.

И так приятно было это слышать... Потому что я тоже скучала! Хоть он и зараза белобрысая подвида тиранов... Но вслух я сказала:

— Значит, она маг, из Ковена, чья подшефная организация Альма-матер и есть! Черт! Черт! Черт! Надо было лучше жаловаться ей на то, что ты меня притесняешь, и документы из «волшебной школы» мне не отдаешь, как в Гарри Поттере! Ведешь себя, как маг!

Меня чуть отстранили, бережно держа за плечи, заглянули в лицо, а затем снова к себе привлекли и опять в макушку поцеловали.

— Я не знаю, что такое маг, Таша, но я в своем праве. И госпожа Норайо это знает.

— В каком еще праве, — попыталась отстраниться я.

Мне снова заглянули в глаза и пояснили:

— В праве дракона, Таша. Драконы — господа этого мира. Ни один маг, даже сильнейший, не будет противостоять традициям драконов. И госпожа Норайо это понимает. Я в своем праве, принцесса Таши.

Отпихнув от себя Исама, я пробормотала:

— В своем праве, в своем праве, заладил... Ты дракон или попугай?

Бровь Исама приподнялась.

— Я так надеялся, что сегодня обойдемся без ссор.

И вид при этом такой несчастный. И замученный. И даже несмотря на то, что спина прямая, взгляд уверенный, подбородок уверенно торчит вперед... Я же вижу. Тем более, что ссориться с драконом вообще не хотелось. Хоть он и зараза белобрысая... А все-таки сил злиться на него не было.

— Пойдем, — сказала я и потянула его за руку. — Ты голодный, наверное.

Исам так и замер.

— Ты ждала меня.

Я пожалала плечами.

— Не сказать, чтобы прямо вот ждала... но... Черт побери, Исам, ты ужинать будешь, или нет?

Когда с ужином было покончено, мы с уютом расположились на той самой «взлетной площадке», на которой сегодня не задался наш завтрак. Исам притащил широкую кушетку со спинкой, покрывало, чтобы укутать меня. Хоть я и заверяла, что рядом с ним мне всегда жарко, но кто-то воспринял мою жалобу на отсутствие ухаживаний всерьез. Скирон где-то стащил скатерть и теперь с воодушевлением гонял ее кругами. Что-то мне подсказывает, если бы дух ветра умел говорить или хотя бы издавать звуки, сейчас ухал бы от удовольствия.

Он хотел было продемонстрировать нам, как здорово научился завязывать узлы, но я, пользуясь тем, что Исам отвлекся «на внутреннюю связь», по которой, как уже поняла, общаются драконы, я пригрозила Скирону отобрать скатерть и вообще запереть все салфетки на ключ, если он вздумает показать Исаму, как чудесно мы с ним научились вязать узлы.

Скирон явно не хотел, чтобы у него отобрали скатерть, а потому старался держаться от меня подальше.

Я бросила взгляд на Исама и облегчено выдохнула, когда убедилась, что он по-прежнему общается «по внутренней связи». Вид у дракона был хмурый.

Я вздохнула и устроилась поудобнее.

Вообще вечер получился настолько идеалистическим, насколько вообще это можно было представить. По-крайней мере, если бы ничего не смыслящей в отношениях меня спросили бы, как должны коротать вечера влюбленные пары, я бы предположила, что именно так. Вот так обниматься, обмениваться нежными поцелуями, говорить обо всем на свете, смотреть на звезды, которые здесь, в драконьем мире, были удивительно большие и яркие, а на парящих горах, казалось, совсем близко.

Я чувствовала себя в каком-то фантастическом фильме, самом красивом, что мне доводилось видеть и самом печальном, потому что знала, что наша идиллия скоро закончится. И не потому, что мне не нравилось с драконом. Наоборот. Сердце обливалось кровью, когда представляла, что оставлю свою истинную пару. Но я не потерплю

посягательств на свою свободу и не позволю никому распоряжаться своей жизнью. Даже Исаму. А что касается отношений... У меня был пример перед глазами. Слишком яркий, чтобы пренебрегать им. Я знала, что пока мужчина не даст мне того, что отчим — мамуле, мне будет мало. Недостаточно. Потому что любовь, как говорит Виталий Владиленович, невозможна без уважения.

— Влюбленность да, любовь нет, — пояснил он мне как-то, когда мы обсуждали фильм, где уважением между героями и не пахло, и в то же время они позиционировали свои отношения, как любовь. Виталий Владиленович еще окрестил то, что между ними происходит, как болезнь.

— А как узнать, что встретила любовь? — спросила я тогда у него.

Отчим убедился, что мамочку поглотил чей-то видеоблог, и пояснил, улыбаясь:

— Я могу сказать с позиции мужчины, Таша.

— И? — поторопила я его, тоже почему-то покосившись на мамулю.

— Когда встретил женщину, которую тебе захочется терпеть, это любовь, — спокойно сказал отчим, явно наслаждаясь моим возмущенным видом.

— Терпеть? — шепотом переспросила я.

— Именно, — подтвердили мне и усмехнулись улыбкой Ходжи Насреддина.

— То есть как это, терпеть? — не сдавалась я. — А как же совместная радость, чувства, счастье, внутреннее ликование?

— Поверь, Сашенька, — сказал Виталий Владиленович. — Помимо этого всего, что ты перечислила, и многого другого, любой паре приходится друг друга терпеть. И счастлива та пара, где мужчине нравится терпеть свою женщину. Это говорит о том, что он хочет и может сделать ее счастливой. Если ему в женщине все нравится, но вот терпеть ее капризы, решать проблемы, выслушивать жалобы и страхи он не намерен, он не любит эту женщину.

Я поморгала и уточнила:

— А женщине тоже должно хотеться терпеть мужчину?

Виталий Владиленович хмыкнул.

— Женщине вредно терпеть в принципе.

Когда я непонимающе заморгала, он пояснил:

— Как раз-таки вам, Саша, терпеть не нужно. Где-то нужно, конечно, закрыть глаза на недостатки, с которыми человек не в силах справиться, но не терпеть его поведение, если он ведет себя недостойным образом.

— Недостатки — это как? — уточнила я на всякий случай. — Если у человека отвратительный характер и он дня прожит не может, чтобы не обидеть кого-то? У девчонок в школе родители то и дело ссорятся... У Аньки Быстровой. Ее отец то уходит от них, то возвращается, а мать, принимая его, говорит, что у каждого свои недостатки.

— Ох уж эти современные женщины, — невесело усмехнулся отчим. — Они терпят, когда мужчины курят им в лицо, и в то же время, как Анна Каренина, ненавидят, что у мужей большие уши.

— Я поняла! — воскликнула я. — Уши — недостаток, а курение в лицо — табу, недостойное поведение для мужчины.

Виталий Владиленович кивнул.

— А если женщина ведет себя недостойным образом? — не унималась я.

— Женщина делает это из страха и неуверенности в себе, в завтрашнем дне, — терпеливо пояснили мне. — А мы, мужчины, всегда в себе уверены. С нас и спрос.

И мне весело подмигнули.

Кажется, сейчас, именно когда сама влюбилась просто без памяти, когда не владею ни собой, ни телом, когда остатки разума то и дело норовят присоединиться к успевшим предать меня и здравый смысл эмоциям, я еще лучше понимаю отчима. Сила — она не в ее сиюминутной демонстрации. Благородство — тем более.

Вздыхнув, я решила, что отчим одобрил бы то, что я задумала.

— Почему возишься? — спросил меня Исам. — Что-то не так?

— А почему тебе силы завтра понадобятся? — вопросом на вопрос ответила я. — Госпожа Норайо говорила.

Хоть и не видела лица Исама, поняла, что дракон нахмурился. Повернулась к нему, прижалась теснее к теплому боку. Переплетя пальцы, положила ладони на его широкую грудь и подбородок сверху поставила.

Лицо Исама казалось непроницаемым, только брови столкнулись у переносицы.

— Мичио Кинриу требует возвращения дочери в Огненный

дракарат, — нехотя сообщил Исам.

От мысли что могу снова оказаться у папахена, внутри все сжалось.

Почувствовав, что задрожала, Исам обнял меня, прижимая еще сильнее и поцеловал в макушку.

— Ты в безопасности, Саша, — сказал он. — Ты не вернешься к отцу. Я обещаю.

— Я верю тебе, — сказала я. — Но как... как ты сможешь противостоять главе целого дракарата? А если отец соберет все кланы, чтобы идти на вас войной? Нет, я понимаю, самооценка у меня, что надо, Виталий Владиленович постарался... Но все же? Ведь сам говорил, вы, Ледяные, стоите обособленно? Один клан против целого дракарата? Даже я понимаю, что шансы... очень невелики.

— Если бы не обострение с Водными, Мичио Кинриу так бы и поступил, — не стал спорить Исам. — Но сейчас не станет. Учитывая, что отец поддержал Водных. Да, это один дракарат против трех, но самый многочисленный. Нет, Мичио Кинриу намного умнее.

— И что задумал отец? — чувствуя, как внутренности сжимает ледяной лапой, проговорила я.

— Твой отец потребовал поединок чести, — не стал юлить Исам.

Я так и подскочила.

— Но он... Но ты...

Я не могла подобрать слов, просто вспоминала силу... силищу, исходящую от отца, его жестокость и непримиримость.

— Исам, — прошептала я. — Ты не можешь биться с ним.

Меня притянули к себе и поцеловали в висок. Затем чуть отстранили, и, заглянули в глаза.

— Саша, — серьезно сказал Исам. — За тебя я бы вышел на поединок даже со всеми богами этого мира.

— Исам, — простонала я.

— Я нашел тебя, это главное, — перебил Исам. — И нашел бы снова. В тысяче миров. Ты — моя, принцесса Таши. Только моя.

Твоя, — хотела подтвердить я, но не стала. Зачем говорить вслух, что итак понятно? Но даже несмотря на это, несмотря на то, что нас с Исамом соединило нечто большее, чем влечение в человеческой ипостаси, я понимала, что это не то, о чем говорил отчим, когда рассуждал о любви. А на меньшее я была не согласна.

Глава 14

Я мерила шагами «взлетную» площадку. Второй час ходила по крыше дома Исама кругами, не в силах остановиться.

Он улетел на рассвете. Несмотря на то, что мои настоятельные советы взять меня с собой и прекратить, наконец, это шоу с подавлением моего дракона, которые, как всегда, остались без ответа, я не чувствовала злости. Почти...

Во-первых, потому, что стоило вспомнить папахена, могучего дракона, верховного предводителя Огненного дракарата... Мороз шел по коже...

А во-вторых, потому что бессильная ярость — это не совсем злость.

Из головы не шло заверение отца, что лучше мертвая дочь, чем непокорная. Я знала тогда и знаю сейчас, — он не шутил, и понимаю, что Исама он не пощадит. Я надеялась, что предводитель Ледяного клана не даст сыну погибнуть... и одновременно понимала, что никто не вмешается. Насколько я успела узнать драконов, понятие чести для них превыше всего. Тем более болезненными были упреки Исама в том, что я, как и мой отец, не ведаю чести. И я в упор не понимала, о чем он, а дракон не объяснял.

— Черт! Черт! Черт! Черт! — только и могла повторять я.

— Оставайся на территории дома, — попросил Исам, прежде, чем обернуться. — Пожалуйста, Таша. Пообещай, что будешь ждать меня.

— Обещаю, — сказала я, зная, что свое обещание сдержу.

— Если со мной что-то случится, Ледяной клан защитит тебя.

— Зачем всему клану вставать на защиту твоей наложницы? Чтобы отдать меня другому? В качестве породистой самки, да? — не удержалась я.

Твердые пальцы Исама взяли меня за подбородок, поднимая лицо.

— Пожалуйста, Таша, — проговорил он. — Не говори так.

И я промолчала. Потому что что скажешь тому, кто идет биться за тебя?

Конечно, было бы просто феерично, если бы Исам бился за мою свободу... Но, видно, для драконов это чересчур. Единственная свобода,

за которую они готовы сражаться до последнего — их собственная.

И все же Исам сражался за меня. Должно быть, на языке драконов это значило... любовь? Я не знала. Исам ни разу не говорил о любви.

Вчера я самым решительным образом пресекла его попытки домогательства. Это было легче обычного.

Потому что обычно я привыкла бороться со своим телом... и натиском дракона... Вчера же страх за него пересилил даже желание. Не хотелось думать, что эта ночь, которую мы проводили в одном доме, могла быть последней... Не хотелось, но думалось.

И все-таки удалось выставить его из комнаты. Мотивируя тем, что я все равно не соглашусь, а он не оставит попыток совратить меня с пути праведного, и в итоге не выпится перед боем, а Мичио Кинриу... Отец слишком серьезный противник, чтобы им можно было пренебречь.

На удивление, меня послушались. И даже ушли.

Стоило Исаму покинуть комнату, я без сил упала на кровать и разрыдалась. По-детски, с надрывом, потому что было страшно, было плохо, грустно и неправильно.

А потом кто-то спрыгнул с подоконника и тихо сказал:

— Саша... Пожалуйста, не надо. Я же тебя чувствую.

И это так волнительно прозвучало, так интимно, как тогда, когда он сказал мне: «Я в тебя верю» ... И неважно, что между нами встало что-то, что превратило прежнего Исама, заботливого, понимающего в шовиниста-собственника... Хотя может и не превращало, сколько мы там знакомы... И да, это все неважно, потому что он был рядом и он меня чувствовал.

— Если действительно хочешь, чтобы я провел эту ночь спокойно, чтобы выспался, как следует, пожалуйста, не грусти. Не рви сердца ни мне, ни себе. Я справлюсь, Таша. Просто дождись меня.

И я тогда, устыдившись своей истерики по-быстрому в купальню сгоняла, а потом вернулась к Исаму, который в постели меня поджидал.

Дракон окинул меня, в халатик закутанную напряженным таким взглядом и поинтересовался, а нельзя ли мне еще платье надеть... Несколько. Все.

— Еще бы трусят, исключительно контрацепции ради, — буркнула я под нос, но меня не поняли. Должно быть, в мире драконом слова «контрацепция» нет.

А потом я свернулась калачиком под боком Исама, я — под

одеялом, он — сверху. И меня обняли и в макушку нежно-нежно поцеловали, и заверили, что все будет хорошо. И я как-то сразу провалилась в сон, и спала спокойно до самого утра.

... И вот, он улетел, поцеловав на прощание, заверив, что все будет хорошо. И настала моя очередь сказать ему, что я в него верю...

Должно быть, какой-то гадости от папахена Исам все же опасался, потому что помимо Скирона меня охраняло еще четверо драконов. По крайней мере, столько я насчитала. Драконы близко не подлетали, на площадку нашего дома тем более не приземлялись, но по тому, что держались поблизости, я поняла, что они здесь не просто так...

Шаги по площадке перемежались отжиманиями, потом снова возобновлялись шаги, потом я снова отжималась, снова шагала, снова вглядывалась вдаль. Когда поняла, что несмотря на небольшую площадь, намотала энное количество километров, уселась прямо на теплый камень.

Скирон пробовал развлечь меня, показывая, как здорово он научился не только завязывать узлы на салфетках, но и связывать их между собой. Я рассеянно понаблюдала это действие и похвалила духа ветра. А потом попробовала погладить его, точнее, представлять, что глажу твердую поверхность (в Скирона то и дело проваливалась рука).

Сосредоточившись, я стала водить ладонью над Скироном, и пытаться максимально сконцентрироваться на ощущениях в ладони. Дух ветра, который изображал воздушного дракончика, принялся довольно посвистывать и выгибаться под моими прикосновениями, как самая обычная кошка.

— Ты молодец, — бормотала я, радуясь, что могу отвлечься от тревожных мыслей. — Настоящий герой. Вон какие узлы научился вязать. Интересно, там в комнате Исама есть к чему привязать спасительную «соломинку»?

Скирон посмотрел на меня вопросительно, соскользнул с колен и, подхватив с поверхности площадки салфетку, завязал ее вокруг ножки стола.

— Ай, молодец! — обрадовалась я. — То есть ты все понимаешь?

В подтверждение того, что действительно понимает, Скирон подлетел к арке-выходу с площадки, а затем обернулся на меня, мол, долго тебя ждать?

— Какой же ты умница! — умилилась я и дух ветра пошел волнами

от похвалы.

— Но сначала я дождусь Исама, — твердо сказала я. — Я обещала дождаться его, и слово свое сдержу. Что бы он там ни говорил про меня, папахена и честь, точнее ее отсутствие...

Дух ветра, который снова был тут как тут, потянулся, открывая воздушную пасть и снова принял прежние размеры, что должно быть означало, что он зевнул.

— Ты забавный, — сообщила я Скирону, улыбнувшись, и снова нахмурилась: — Исам...

Мысль о том, что где-то там, в хрустальной синеве небес сошлись в поединке моя истинная пара и деспот-отец, была почти невыносимой.

— Никогда ему не прощу того, что запер меня, — пожаловалась я Скирону, потому что общение с духом ветра успокаивало. А вот от общества джошу я попросила меня избавить. Исам хотел было поспорить, но, наверное, все же не до этого ему было, и на сегодня я осталась одна.

Я снова принялась гладить Скирона, концентрируюсь на своих ощущениях и эта концентрация натолкнула на мысли:

— Что-то давно я не медитировала. Как-то не до этого было... А в Альма-матер за такую халатность вряд ли похвалят... Да и для дракона вредно...

С этими словами я выпрямила спину и сложила ноги в позу лотоса. Сидеть на нагретой солнцем площадке было удобно. Твердо, конечно, но к этому привыкаешь. Зато вид такой, что ни в одном фильме, ни в одной игре не увидишь. Парящие горы, кружащие над ними драконы, синева неба, белое, почти белоснежное солнце — этот момент был бы идеален, если бы не мысли об Исаме и об отце.

Глубоко вздохнув, я медленно закрыла глаза и попыталась сконцентрироваться на дыхании.

Словно поняв, что я пытаюсь медитировать, Скирон перестал носиться над головой, растрепывая волосы и насвистывая.

Вдох-выдох.

И концентрация на специальной точке под носом.

Вдох-выдох.

Тревожные мысли о воздушном поединке, который идет где-то прямо сейчас, хлынули будто со всех сторон, накрывая девятым валом! Учатившееся сердцебиение и внутреннее сжатие красноречиво

говорили о подступлении паники.

Вдох-выдох.

Перед мысленным взором понеслись страшные картинки, на которых неизменно присутствовал воздушный бой. Вот черный дракон со сверкающей золотом чешуей наносит смертельный удар серебряному, небеса окрашивает алой дугой, а сверкающее в солнечных лучах тело падает вниз, беспомощно трепыхая крыльями и лапами.

Вдох-выдох.

Все вокруг окрашивается в алый, но я напоминаю себе, что это не кровь Исама, это солнечный свет, который пробивается сквозь прикрытые веки. А еще я напоминаю себе дышать.

Когда страшные картинка готовы обрушиться снова, а паника уже почти взяла верх над разумом, нечеловеческим усилием заставляю себя сконцентрироваться на небе. Просто небе. Чистом. Синем. Прозрачном.

Где-то глубоко внутри раздался рев. А в следующий момент перед мысленным взором в синем-синем небе закружила золотая драконица.

Я впервые видела своего дракона со стороны. Огромный, как и все драконы, с широкими кожистыми плоскостями крыльев, золотая чешуя отсвечивает мириадами отблесков на солнце.

Почувствовав, что драконица внутри меня рада даже такому, мысленному полету, я полностью отдала власть ей. Сама же просто наблюдала ее полет, похожий на диковинный танец в хрустальной синеве небес.

Драконица кружила, переворачивалась в воздухе, делала виражи и кульбиты, ликуя оттого, что вырвалась на свободу. Ее полет был то хаотичным, то наоборот, исполненным какого-то королевского величия, она взмывала высоко-высоко и камнем бросалась вниз, распахивая крылья, когда до парящих гор оставалось совсем недалеко.

Победный рев огласил небесное пространство... а потом я посмотрела вниз и внутри екнуло, когда увидела далеко внизу, на одной из «взлетных площадок» крохотную фигурку в белом платье, застывшую с закрытыми глазами в позе лотоса.

В тот же миг я оказалась внизу, снова в своем теле, и в то же время как будто не совсем в нем, потому что несмотря на плотно закрытые веки отчетливо видела каждую деталь. Едва заметные выбоины в плите площадки... Воздушную чешую замершего рядом Скирона, который

снова был в облике дракона... Деревья, растущие на склоне горы у подножия нашего дома. Парящие горы напротив. Виляющие тропинки, светлые дома с плоскими крышами...

Я подняла взгляд и с трудом сдержала возглас.

Прямо к моим стопам спустилась воздушная лестница. Хлипкая и эфемерная на первый взгляд, но что-то внутри подсказывало, она выдержит и дракона.

Скирон принялся летать вокруг кругами. Дух ветра пытался схватить воздушной пастью за платье, дул в спину, подталкивая к лестнице.

Пожав плечами, я поднялась, чувствуя свое тело непривычно легким и ступила на воздушную лестницу. Казалось, мир вокруг качается, плывет, перетекает из одного в другое, как будто вдруг расплылись границы между предметами и воздухом. Незыблемо прочной в этом новом мире оставалась только полупрозрачная лестница в небеса.

Не знаю, сколько я поднималась, помню только, что очень старалась не смотреть вниз. Где-то в уголке сознания я понимала, что все происходящее — нереально, что это образы, вызванные медитацией, и в то же время страшно было оступиться на этой странной лестнице без перил. Оступиться и сорваться вниз.

Когда ступени закончились, я оказалась на небольшой прозрачной, будто хрустальной, площадке. А когда оглянулась назад, лестницы уже не было. Вместо этого, там, где-то далеко-далеко внизу каким-то чудесным зрением я по-прежнему видела хрупкую фигурку в белом платье, которая застыла в медитативной позе.

В следующий миг небеса потряс рев и тут же моим вниманием завладел воздушный бой. Прямо как в самых страшных фантазиях в небе сошлись два дракона: черный, с золотой чешуей... и серебристый. Остальные кружили поодаль, наблюдая за боем. Я знала, что бы ни произошло, они не вмешаются.

Противники сходились и расходились... наносили друг другу сокрушительные удары лапами и крыльями! Уворачивались от зубов противника... и снова атаковали. По четким, выверенным движениям угадывалось, что оба сильные бойцы и достойные соперники. Но черный, больший по размеру, был опытнее, и, бесспорно, сильнее, но серебристый — подвижней и напористее.

Я не знаю, сколько длился этот страшный бой. Должно быть, долго, очень долго. От меня не укрылось, что оба дракона вымотаны, оба подгадывают неверное движение или выпал соперника. На черном теле не было видно отметин боя, серебристая чешуя не скрывала многочисленных порезов и рваных краев ран.

Даже непривычной к подобным зрелищам мне было понятно, что черный — в более выгодном положении, благодаря своей силе и опыту. Он нарочно изматывал серебристого, выжидая, когда тот, ослабленный схваткой, подпустит противника слишком близко и пропустит решающий удар!

И это было понятно всем драконам, наблюдающим схватку, понятно и самим сражающимся!

И все же я верила в победу серебристого дракона.

Верила в победу своей истинной пары.

Ладони отчего-то зачесались и я опустила взгляд вниз, на свои руки.

Над ладонями клубилось золотистое сияние, кожу рук щекотало и обдавало теплом. Не до конца понимая, что делаю, я вытянула руки перед собой и мысленно приказала золотому потоку течь по направлению к Исаму. Сначала ничего не происходило, затем золотой туман послушался. Из центра моих ладоней шел свет, прямо по направлению к дракону. Чувствуя, что сейчас упаду от напряжения, я принялась представлять, как золотое сияние окутывает израненное тело серебристого дракона. Как только получилось представить, золотое облако принялось рассредотачиваться по серебристой чешуе и движениям дракона вернулась прежняя ловкость и подвижность.

Почувствовав силу Ледяного дракона, черный взревел, и не дожидаясь, пока золотой туман полностью укроет серебристого энергетическим щитом, пошел на таран.

Подмяв противника под себя, черный принялся наносить удар за ударом. Серебристый не старался увернуться, но я откуда-то знала, что золотой туман из моих ладоней глушит смертоносные удары. Исам ударил только один раз.

И попал в цель.

С диким ревом оба дракона принялись падать. Огромный, хлопающий крыльями, ревуший клубок, в котором каждый вцепился в другого мертвой хваткой...

Внезапно я поняла: серебристый дракон легче. Он окажется сверху. Удар о землю придется на спину черного дракона.

Стоило этой мысли промелькнуть, я раскинула руки в стороны и спрыгнула.

Я переворачивалась в воздухе, летя навстречу земле, и вскоре упала на серебристо-черную гору, хлопающую крыльями.

Я попала в самую гущу горы, оказалась между двух драконов. Заглянув в синие глаза серебристого, увидела в них смерть. Не его. Он готовился убить противника. Он знал, что его следующий удар будет решающим.

— Исам! Нет! — закричала я и на миг показалось, что синие глаза серебристого дракона вспыхнули узнаванием.

А в следующий миг я открыла глаза.

Я по-прежнему сидела на «взлетной площадке», на крыше дома Исама, в жутко неудобной позе. Тело затекло, застыло, и при этом суставы словно выворачивало, а мышцы кололо иголками, как когда бывает, когда отсидела ногу. У меня было ощущение, что я отсидела сразу все тело.

Стараясь не стонать, ладно, не орать в голос, я вытянула ноги перед собой, согнувшись, потянулась к стопам, преодолевая боль, и вскоре уже поднялась на четвереньки.

Но стоило оказаться на ногах, как пришлось снова сесть на пятую точку. Я бы даже сказала — осесть.

Слава небу, Скирон успел подложить под эту самую точку одеяло. Я даже не задумалась, где он его взял, моим вниманием полностью завладела крохотная голубоватая фигурка со стрекозиными крылышками, что замерла передо мной в воздухе.

Личико феи было недовольным, впрочем, довольной я ее и раньше не видела, ручки крохотуля сложила на груди. Фея была точь-в-точь такой, как я ее запомнила. В последний раз я видела ее недалеко от священной горы Сусаноо.

— Привет, — брякнула я, не ожидая, что мне ответят.

Фея, насколько помню, разговорчивостью не отличалась. Да и показывалась редко, предпочитая просто находиться рядом, наблюдая и помогать в том случае, когда сама я не справлялась. Вспомнить мое «утопление» русалками, нападение древней на селение Моку, или риск потерять дракона, которому подверг меня Кеншин...

— Привет, привет, — ответили мне, словно хрустальные колокольчики зазвенели в воздухе. — Высокато забралась. Еле нашла тебя.

— Меня? — не смогла сдержать удивления я.

Фея скривилась.

— А кого еще? Здесь есть еще одна принцесса, за которой я обещала присматривать королеве фей?

Я часто заморгала.

— Королеве фей? — переспросила я, чувствуя себя донельзя глупо.

Крохотуля со стрекозиными крылышками за спиной пожалала плечами.

— Ну да, — сказала она. — Королева до сих пор смеется, когда тебя вспоминает.

— Наверное, тамошние охотники за смехом фей обогатились, — пробурчала я и добавила: — А я так бездарно потратила ее амулет!

Фея кивнула.

— Да уж. Сообразительностью ты никогда не отличалась.

Мне стало немного обидно.

— Слушай, ну вот раз ты такая умная, почему не помогла у папахена? В Огненном дракарате? Знай я тогда, как Исам поступит, нипочем бы амулет не разбила. Да и с ним бы не полетела.

— Полетела бы, — уверенно сказала фея. — А что касается твоих претензий, я прямо в восторге от твоей наглости!

— На том и стою, — не осталась я в долгу. — И все же?

— Во-первых, за тобой не угнаться, — сообщила фея, поднимая глазки к небу. — Скорость у феи и у дракона очень отличается. А во-вторых, я не летаю в Огненный дракарат!

Я кивнула. В чем — в чем, а в этом я могла понять фею.

— Знала бы, тоже не полетела бы. Понадеялась на свой дар убеждения. Ну и на родственные чувства.

— И как? — поинтересовалась фея. — Взыграли?

— Не-а, — я развела руками. — Даже близко. Мне ясно дали понять, что мое место — место призовой кобылицы для приплода драконов, а если буду возбухать, меня попросту прихлопнут, как муху.

Фея вздрогнула.

— Попросила бы без таких страшных аллегорий, — попросила она, и, дождавшись моих извинений и заверений, что этого больше не

повторится, протянула задумчиво: — Да уж, это слишком даже для Мичио Кинриу.

— И не говори, — вздохнула я.

Надо сказать, я была очень рада фее. Словно перенеслась в свой первый день в этом мире, когда портал непонятно с чего выбросил нас недалеко от священной горы Сусаноо... И со мной был лук, который отчим сделал, и вещички из дома, и много планов и надежд впереди... И Исам меня не предавал и не обвинял в бесчестье... А сейчас даже неизвестно, жив ли он вообще, потому что увиденное в медитации я сама себе напридумывать могла... И как-то не хотелось, чтобы фея по своему обыкновению взяла и исчезла.

— Ты как вообще? — поинтересовалась фея и опустила на мою коленку. Я замерла, боясь потревожить кроху. — За бой переживаешь?

— Жутко, — призналась я.

— Поэтому до сих пор не сбежала? — спросила фея, и когда я кивнула, сказала: — Я так и думала. А что вообще с планами на побег, раз уж смех феи профукала? Ты, кстати, права: тебе его дали потому что от королевы не укрылось, как блондинчик на тебя смотрел... Да и брюнет... Кто же знал, что ты попадешься, как ребенок. Хорошо, что я решила за тобой присматривать.

Я закивала, глупо улыбаясь, и фея ответила на улыбку. Но через секунду снова стала серьезной и деловой. Она закинула ножку на ножку и продолжила сыпать вопросами:

— Так что с побегом твоим? Или передумала уже в Альма-матер бежать? Решила остаться тут и драконят нянчить?

Я даже закашлялась от такого дикого предположения.

— Еще чего! — возмутилась я, и, откашлявшись, продолжила: — Мне учиться нужно. Зря мне что ли из Альма-матер вызов прислали? Я всю жизнь может, мечтала в магическую академию поступить! То есть раньше всю жизнь летать мечтала, а теперь, когда взлетела, ну, если бы не Исам... неважно, теперь всю жизнь мечтаю обучиться магии! Ты бы видела, как госпожа Нораёо может! Бах! И нет ее...

Фея задумчиво поцокала языком.

— Да, магией овладеть тебе не мешало бы. Нереализованный потенциал имеет разрушительный вектор, что совсем не здорово для нашего мира. Да и для зеркального тоже. Готова поспорить, там перед твоим отъездом сплошная чехарда не слишком приятных событий тебя

проводила.

Я хлопнула ресницами.

Со мной впервые говорили откровенно. Но насколько откровенно, настолько и непонятно!

— Перед отъездом и правда всякий треш творился...

— Это еще потому что за тобой сразу два дракона отправились. И, как ты поняла, не из слабых.

— Да уж, — я закусила губу. — Поняла. А что по поводу этого... нереализованного потенциала... я не поняла?

На меня махнули рукой, пробурчали что-то вроде «не удивительно», но потом все же пожалели и пояснили:

— Драконья магия самая сильная магия этого мира.

— Это я знаю, — кивнула я.

— Не перебивай! — наставительно посоветовали мне. — Так вот, магией владеет каждый дракон. И у каждого при обретении второй ипостаси, то есть при рождении дракона, она разрушительная.

— Поэтому все после инициации и чешут в Альма-матер?

— Именно, — согласилась фея. — Получают благословение главы клана, посвящение сердцем стихии, чтобы обозначить направленность магии и, как ты выражаешься, чешут. А вот когда некоторые пытаются проигнорировать магический потенциал, как Мичио Кинриу...

— И Исам, — вырвалось у меня.

— И Исам, — не стала спорить фея. — Это ожидаемо, ни к чему хорошему привести не может.

Внезапно меня озарило.

— Госпожа Норайо! — вырвалось у меня. — Когда Исам докладывал ей об инсектах и колебаниях магического фона, она еще спросила, мол, только я вижу закономерность? Значит ли это...

— Ты не безнадежна, — резюмировала фея. — Да, пока ты не научилась управлять своим даром, он, как бы это выразиться понятнее тебе, он рвет пространство. Поэтому тобой должны заняться сильные маги. В специально защищенном магическом пологом месте.

— Ну, папахен, ну, Исам! — вырвалось у меня. — Но ведь они местные! Ну как так-то? Сначала один даже слушать не стал, потом второй.

Фея пожала плечами.

— Насчет Мичио Кинриу я как-то не сомневалась, а вот

блондинчик удивил. Ему же хуже.

Тут я спорить не стала. Потому как тоже считала, как и фея, — ему же хуже.

Кроха продолжала рассуждать:

— Хорошо, кстати, что до сих пор в комнату Исама не пробралась. Хвалю.

— Почему? — изумилась я. — То есть, спасибо, конечно. Но все же? Я собиралась вообще-то. С помощью Скирона.

Словно в подтверждение моих слов дух ветра, который, казалось, внимательно слушал наш разговор, сорвался с места и принялся наматывать вокруг круги, играя взметнувшимися полами моего платья, и чуть не сдул с коленки фею. Насилу удалось его успокоить.

— Молодой еще, — сказала фея. — Ничего, научишь. Духи ветра редко выбирают кого-нибудь хозяином, но тут, по-моему, случай очевидный. Ты явно ему нравишься.

— А что ты имела ввиду под научишь? — не поняла я.

Фея махнула рукой.

— В Альма-матер объяснят. Если тебя выбрал дух-хранитель, это не случайно. Такой не у каждого дракона есть. По мере освоения магии научишься понимать его и даже сможешь общаться. Значит, побег на сегодня запланировала? — спросила она, неожиданно переходя к главному, насущному вопросу.

Я потупилась.

— Думала вчера еще драпануть, — призналась я. — Но там о предстоящем поединке узнала, а сегодня обещала Исаму его дожидаться.

Фея хмыкнула и серьезно кивнула.

— Если бы раньше в комнату к нему сунулась — он бы заметил. Так что момент подгадала хорошо. Ослабленному после боя, ему не до контроля будет.

Я почувствовала себя предательницей.

— Эй! Прекращай! — тут же пропищала фея. — С драконятами нанянчиться успеешь, а всю жизнь за тобой магический фон латать здесь никто не нанимался.

— Но я думала, — пробормотала я. — Магический фон нарушен из-за вторжения насекомых. У них какая-то сильная магия.

Фея посмотрела на меня задумчиво.

— У тебя с причинно-следственными связями совсем беда, да?

— В академии по логике высший бал был, — зачем-то сообщила я.

— И кто только поставил, — пробормотала фея. — Таша! Ау! Очнись! Если бы ты не вернулась в наш мир, никакого вторжения бы не было! Эти твари просочились в разорванное магическое пространство. Хорошо еще, вовремя отследили... Но задерживаться здесь тебе нельзя.

— А почему же папахен с Исамом так поступили со мной? — пробормотала я. — Ведь оба драконы. И владеют магией.

Фея пожалала точеными плечиками.

— Мужчины, — сказала она.

Я непонимающе на нее покосилась.

— А ты — женщина, — пробормотала фея. — Тебя просто не воспринимают всерьез. К тому же силы твоего дара они не видят. И не увидят, пока он в потенциале.

И стало обидно до дрожи просто, до пощипывания в глазах. Получается, я здесь совсем одна. И вот вроде как отец есть, но ему до меня никакого дела нет, только власть и политика на уме, и вроде истинная пара есть... Но ему до моих желаний и целей тоже нет никакого дела. И если бы не крохотная фея, мне никто ничего бы не объяснил.

Я почувствовала, как внутри закипает злость. Ведь если бы не эта вот крохотуля, я бы так и осталась за кадром понимания реалий этого мира. А если бы Исам меня уговорил? Что-что, а это дракон умеет... И сидеть бы мне на этой парящей горе, как выразилась фея, драконят нянчить, а он будет окрестности облетать и насекомых вылавливать... Такая идиллия, что плюнуть хочется!

И вот страшно стало, что фея сейчас после разговора со мной улетит...

— Как тебя зовут? — спросила я и добавила: — Извини, я должна была раньше спросить.

Фея передернула плечиками.

— Фай, — ответила она. А потом добавила: — Значит, тебе никто ничего? Ни по поводу магии, ни по поводу Альма-матер?

Я покачала головой и вздохнула.

— Как посвящение стихией умудрилась получить? — спросила Фай.

Я рукой махнула.

— У Исама кухня вменяемая оказалась.

Фея посмотрела на меня с недоумением и я исправилась:

— Понимающая.

— Ясно, — сказала она, поджав губы. — Прямо стесняюсь спросить... Чем вы тут вообще занимались?

Я покраснела.

— Понятно, — пробормотала Фай и хихикнула. — Не объясняй. Он красавчик, конечно. И дракон. Это многое объясняет.

— Ничего не понятно! — возмутилась я. — Ничего не было.

И покраснела еще больше.

— Ну и зря, — сообщила фея, складывая на груди ручки. — Он же твоя истинная пара. Рано или поздно это произойдет. Так зачем отказывать себе в удовольствии... М-м... Я была знакома с драконом... Это было довольно увлекательное знакомство. Видела бы ты его лицо, когда он понял, что не сможет увезти меня с собой, в Подземный дракарат... А... общаться, — фея подмигнула, — по душам можем только на острове фей...

И она картинно закатила глаза. Я же слушала ее, открыв рот. Заметив мою реакцию, Фай передернула плечиками.

— Ой, да ладно тебе. Противостоять дракону... Для этого самой надо быть драконом, конечно.

Не успела я порадоваться комплименту, как Фай отрезала:

— Причем, довольно глупым драконом. Не противостояла бы... давно выманила свой вызов.

Я пожалала плечами, радуясь, что могу, наконец, поговорить с кем-то по душам. Потому что Юки — все-таки кухня Исама, и, что-то мне подсказывает, несмотря на правильно посеянные семена эмансипации, что касается нашего с Исамом конфликта, где-то в глубине души она будет на стороне брата. Хикэри — ну, она хоть и нормальная в принципе оказалась, но я как-то все равно не могла ей доверять. Норайо — она с самого начала была слишком странная и загадочная. Почему-то я была рада тому, что не была с ней до конца откровенной. Чувствовалась какая-то субординация, что ли...

— Знаешь, — сказала я Фай. — Как-то нет в наших отношениях доверия. И уважения нет. К сожалению. Или я давно в Альма-матер была бы.

Фея нахмурилась. И задумалась.

— Вообще непохоже на него, — сказала она после паузы. — Он

довольно смышленным показался. Что-то произошло.

— Тебе не откажешь в наблюдательности, — съязвила я. — Что-то и вправду произошло. Но он не говорит мне, что именно.

— А что говорит? — поинтересовалась Фай.

— Обвиняет в отсутствии чести, — призналась я.

— Серьезное обвинение, — протянула фея.

— Никаких предположений? — спросила я ее, и фея помотала головой.

Фай замолчала, наморщив лобик и молчала долго. Когда заговорила, я вздрогнула от неожиданности.

— Ты на Исама сильно не злись...

— Ничего себе совет! — возмутилась я. — Как это не злись? Это же он не только шовинист, получается, он еще и предатель! Да и папик тоже! Значит, моя магия, эта, потенциальная, или нереализованная, как правильно-то, она, значит, для мира опасна! Вон, пространство рвет, что этих ужасных насекомых питает, мне ребята рассказывали по дороге к священной горе, деструкция магического фона делает этих тварей сильнее, питает их магию! Они, заразы, размножаются, а личинок своих кровью вскармливают, знаю, видела! То есть мне само небо проложило дорогу в Альма-матер эту... А Исам с папиком, получается, что? Пусть я, значит, живу себе эдакой домашней клушей, драконят нянчу, магия моя пусть пространство рвет, на деструкцию магического фона всякая нечисть лезет, а они героически будут ее истреблять... План-то какой-то чудной! Я бы сказала, сомнительный!

В запале я кричала, размахивала руками, Скирон принялся дуть на меня, пытаясь успокоить, нечаянно сдул Фай, отчего та принялась ругаться... Пришлось потратить какое-то время, чтобы успокоить духа ветра, а потом извиниться перед феей и дожидаться, чтобы она вернулась на прежнее место, на мою коленку.

Фай сердито фыркнула, сдувая голубую прядь со лба, недобро покосилась на пристыженного и временно затихшего Скирона, который принял вид крохотного пушистого ягненка с честными-пречестными глазами и проговорила успокаивающе.

— Говорю же, не злись. Такой магический потенциал, как у тебя — даже для нашего мира событие. Даже королева фей, чей возраст тебе сообщить не могу, по той причине, что сама не знаю, как-никак, у женщин его не спрашивают, а мы, феи, чуть ли не бессмертными здесь

считаемся, так вот, даже королева фей не помнит, чтобы в наш мир приходил кто-то с таким даром, как у тебя. Думаешь, многие здесь могут с феями разговаривать? Или многим мы помогаем? Да нас вообще не интересует, чем развлекаются остальные расы... Но пришла ты, причем пришла довольно разрушительно для магического фона мира, чего мы, феи, проигнорировать не могли. Присмотревшись к тебе получше, разглядели силу дара, точнее то, что она огромна. Ты не дрейфь, в Ковене тоже в курсе, раз тебе приглашение в Альма-матер прислали. В самом Свитке — заклинание переноса, телепорт, только на тебя настроенный. Приложишь палец куда надо и перенесешься в Альма-матер, а здесь магический фон придет в норму. Исам не мог знать о силе твоего дара... Что касается Мичио Кинриу... Мы думали, он отослал тебя в зеркальный мир, чтобы спрятать единственную в своем роде дочь дракона, но вот то, что зеркальный мир не отображает магии наталкивает на новые, очень интересные выводы, которые неплохо бы обдумать... Получается, зеркальный мир — идеальный способ спрятать до поры настолько сильного мага...

— Значит, Исам ничего не знал? — с облегчением спросила я.

— Спроси у него сама, — посоветовала Фай.

Я с тоской посмотрела на небо и, когда увидела знакомый силуэт, ахнула, зажав рот ладонью. Одним прыжком оказалась на ногах и застыла, прижимая ребро ладони ко лбу.

Этого дракона я отличила бы из тысячи!

Потому что он был для меня единственным.

— Исам! — пробормотала я. — Как... неровно он летит...

Я беспомощно обернулась к фее, но та только отмахнулась и пробормотала, что чешуйчатые — живучие.

А потом лукаво улыбнулась.

— Удачи, — сказала она, подмигивая.

— Подожди! — перетаптываясь на месте, бросая взгляды то на приближающийся силуэт дракона в вечернем небе, то на Фай, взмолилась я. — Ты же еще прилетишь?

— А куда я денусь? — вопросом на вопрос ответили мне. — Но, знаешь, я за тебя спокойна. Думала ты тут растеклась от драконьего обаяния, а ты ничего, соображаешь.

— Но...

— Что касается вызова в Альма-матер, то да, он его в своей

комнате держит, не догадался, что ты найдешь способ магическую печать на двери обойти, наивный. Найдешь. Я в тебе не сомневаюсь!

С этими словами Фай упорхнула, оставив за собой светящуюся линию, которая постепенно растворялась в воздухе.

Я снова посмотрела на серебряного дракона в небе и с удивлением отметила, что начало смеркаться. Это сколько же я просидела в медитации? И проговорила с Фай?

Исам рухнул на посадочную площадку драконом, видно сил, чтобы перекинуться в воздухе у него не было. Крыша под ногами заходила ходуном и я поняла, зачем в драконьих жилищах такие толстые стены.

Одного взгляда на Исама хватило, чтобы понять — ему больно. Очень больно.

И вместе с тем внутри все ликовало — живой!

Теперь только мысль об отце не давала покоя...

Я подбежала к распластавшему крылья дракону. Дрожащему, израненному.

— Исам, — вырвалось у меня и ком стал в горле, когда увидела глубокие, чуть не до кости порезы на спине, шее, голове, возле глаза. Прошептала: — Исам... Тебе нужен лекарь.

Веки Исама сомкнулись.

По телу дракона пошла дрожь. Словно сквозь толщу ваты в голове раздалось:

— Мичио Кинриу жив...

Я не смогла сдержать выдох облегчения.

Упав на колени возле дракона, я принялась гладить его по голове, стараясь не касаться ран. Дракон тяжело дышал.

Серебристая чешуйчатая шкура на ощупь оказалась твердой и теплой, почти горячей. Страшно было представить, с какой силой нужно ударить это существо, чтобы ранить его. Впервые прикасаясь к дракону в истинном облике, я поняла, почему драконы — истинные господа этого мира.

Даже от израненного, обессиленного, от него веяло мощью и величием.

— Исам, — прошептала я, чуть не плача, прислушиваясь к неровному дыханию. — Тебе нужен лекарь...

Дракон не услышал, или не показал, что слышит.

Я беспомощно обернулась на Скирона, который превратился в

полупрозрачный глаз и с явным интересом наблюдал за происходящим. Заметив, что я смотрю на него, дух ветра вдруг принял мой облик, уселся в позу лотоса и закрыл глаза.

— Скирон, ты умница, — прошептала я, вытирая слезы.

В следующий миг я приподнялась, чтобы сесть поудобнее, а Скирон перетазил мне под зад одеяло. Я выпрямила спину, сложила ноги в «лотос», а пальцы в мудры и закрыла глаза.

В этот раз войти в нужное состояние удалось почти сразу. Ладони привычно защекотало, и, когда я посмотрела на них истинным зрением, увидела, что из центра каждой исходят тоненькие золотые лучи. Усилив мысль я принялась направлять золотистый туман на дракона, что лежал рядом со мной, израненный и обессиленный.

Но меня ждало разочарование. Несмотря на то, что в нужное состояние я провалилась практически сразу, «лечить» не получалось. Золотистый туман был прозрачный, едва заметный, но при этом какой-то твердый и слушаться не хотел.

Я чувствовала, как тело задеревенело, суставы выкручивало, словно с каждой каплей золотого сияния меня покидала собственная жизнь... но оставить Исама, который бился за меня, в таком состоянии я не могла.

Поэтому, сцепив зубы, пыталась и пыталась.

Наконец, дело пошло, золотистое сияние достигло самых страшных ран на шее дракона и те принялись потихоньку затягиваться. Внутренним зрением я видела, что остальные раны дракона тоже затягиваются, только очень медленно. В том, что Исам в безопасности, уверенности у меня не было. Поэтому я продолжала и продолжала. Пока мир не померк и не наступила тьма.

Глава 15

Снилось, что меня нежно-нежно целуют в висок и шепчут:

— Саша... Александра, ну зачем? Я бы и сам справился! У драконов сильная регенерация! Саша, ты меня слышишь?

Мое лицо покрывали поцелуями, по рукам и ногам, совершенно ледяным, скользили чьи-то горячие ладони. Понемногу я начала сознавать, что это не сон.

— Исам, — пробормотала я.

— Я здесь, Таша, — ответил дракон.

Меня снова погладили по щеке и поцеловали. На этот раз в губы.

Я открыла глаза.

Первым, что увидела, лицо Исама, низко склонившееся надо мной.

Я была в своих покоях, лежала на кровати, укрытая одеялом. Голова покоилась на какой-то горячей и удобной подушке, было тепло и уютно, причем тепло шло с одного бока.

Я пошевелилась и через секунду поняла, что моя голова лежит на плече Исама, горячо с одного бока — потому что под одеялом я лежу не одна. А еще я голая. И, кажется, не только я...

Я закусила губу и потупилась.

Меня снова нежно поцеловали в уголок рта, а губы Исама растянулись в улыбке.

— Ты очаровательна, когда краснеешь, Таша.

Я часто заморгала. В комнате царил полумрак. В огромное окно было видно звездное небо и два полумесяца, один побольше, другой поменьше. Третий, должно быть, скрыла туча.

— Здесь слишком темно, чтобы увидеть, что я краснею, — прошептала а.

Меня погладили по щеке, и этот жест был таким... волнующим, что ли.

— Драконы прекрасно видят в темноте.

Я сглотнула и снова потупилась.

Лежать было уютно и очень приятно... А учитывая, что гормоны принялись просыпаться вслед за мной, даже очень приятно... Чувство острого стыда понемногу вытесняла страсть. Дикая, необузданная,

всепоглощающая.

Дракон снова припал в долгом поцелуе к губам и я почувствовала, что он дрожит. Учитывая, что он, судя по тому, что перенес меня спальню и раздел, проснулся намного раньше, его гормоны тоже взбунтовались раньше, и сейчас Исам с трудом сдерживает себя.

— Исам, — прошептала я, когда дракон отстранился, казалось только для того, чтобы впитаться пристальным взглядом в мои губы. — Исам, почему я голая?

Дракон несколько раз моргнул, а потом чуть потряс головой, словно отгонял наваждение.

— Ты отдала мне все силы, Таша, — тихо сказал он. — Ты поступила, как истинная спутница дракона из древних легенд...

— Из древних легенд? — переспросила я.

— Только истинная спутница может уберечь энергетическим щитом...

— Истинную пару, — закончила я за Исама, и дракон кивнул.

Я закусила губу, а дракон продолжил:

— Я знаю, что одержал победу над Мичио Кинриу только благодаря тебе. Это ты сделала меня таким сильным, Саша. Без тебя бы ничего не получилось...

Внутри все потеплело от слов дракона, а гормоны взбунтовались так, что голова пошла кругом.

— Истинная спутница, — задумчиво повторила я.

Исам улыбнулся мне, нежно-нежно, а потом сказал:

— И еще, Таша... Прости меня.

— За что ты просишь прощения? — захлопала ресницами я. Неужели жалеет, что запер меня? Как-то неожиданно.

Но оказалось, еще круче.

— Теперь я знаю, что ты не выбирала Кеншина, — сказал Исам.

И у меня банально шок.

— Что?! — переспросила я.

— Я говорил с твоим отцом, Таша. Там, в Огненном дракарате. Он сказал, что ты выбрала Кеншина и советовал по-хорошему отказаться участвовать в поединке за тебя.

У меня просто дар речи пропал.

— Это ты поэтому обвинял меня в отсутствии чести? — возмутилась я, когда дар речи вернулся и попыталась отпихнуть от себя

дракона. Но он держал крепко.

— Мичио Кинриу сказал так, — ответил Исам. — Дракон не может лгать другому дракону. Это противоречит нашим традициям! Твой отец сказал, что ты поклялась покончить с собой, если он отдаст тебя мне.

Тут мне только и оставалось, что ресницами хлопать и ртом воздух хватать.

— Да как он посмел?! — прорычала я. — Но ладно, папик. От него после угрозы убить меня я как-то ничего хорошего и не ожидала... Но ты! Ты, Исам! Свинья ты, а не дракон!

После того, как поняла, отпихнуть дракона не получится, я замолотила кулачками по его мускулистой груди.

— Ты! Как ты мог поверить в эту чудовищную ложь! Ты говорил, что веришь в меня! И я верила тебе! Верила! Я думала, ты хоть немного узнал меня, увидел такой, какая я есть! Да я... Я чуть не умерла оттого, что отцу выбор бросила, тогда, перед всеми, в Святилище, когда отец сказал, что ты не допускаешься до боев!

— Мичио Кинриу объявил всем, что ты воспротивилась тому, чтобы я бился за тебя. Он объявил во всеуслышание, что из-за меня его дочь выбрала смерть, — глухо сказал Исам.

А у меня по щекам потекли горячие дорожки.

Я с силой ударила Исама в грудь, но он все равно не выпустил из объятий.

— Ты, — сквозь рыдания, проговорила я. — Ты — летающий осел, вот ты кто!

— Прости меня, Таша, — тихо, с болью в голосе сказал Исам. — Я действительно вел себя, как болван.

Я отвернулась, когда Исам попытался поцеловать. Я все еще упиралась в его грудь ладонями, не давая приблизиться к себе. А Исам снова и снова просил простить его и повторял, что был полным болваном, и, действительно, летающим ослом.

А потом мои руки как-то внезапно ослабли, словно налились тяжестью. В следующий миг грудь расплющилась о могучую грудную клетку дракона, а руки почему-то обвивали его шею.

Исам впился поцелуем в губы, так неистово и страстно, что поначалу меня напугал его напор. Но спустя несколько мгновений я уже отвечала на поцелуй, и делала это с той же жадностью.

Тело пронзило острым удовольствием, внизу живота

сосредоточилось тепло.

Странное напряжение внизу дернуло, вынуждая выгнуться и прижаться к Исаму еще теснее, а во рту ощутила солоноватый привкус.

Должно быть, не только я, потому что Исам отстранился и принялся покрывать нежными и легкими поцелуями губы... лицо, шею. Руки дракона скользили по всему телу, которое таяло в его объятиях. Кожа стала почти невыносимо чувствительная, грудь налилась странным топлением, внизу, казалось, просто полыхал пожар.

Приподнявшись, Исам стал осыпать горячими поцелуями тело, усиливая мое удовольствие касаниями рук.

Словно со стороны, я слышала собственные всхлипы и стоны, выгибалась в руках дракона, тоже скользила ладонями по его, покрытому мускулами, телу, не желая пропускать ни единой клеточки.

Перед глазами все плыло от каких-то разноцветных сполохов, в голове странно шумело, тело просто больше не принадлежало мне. Небо! Я и не подозревала, что чья-то близость способна творить такое со мной...

Отвечая на ласки Исама, лаская его в ответ, в один момент я провалилась в какое-то осознание, что не ощущаю границ между нами. Физически! Мой мир, мои ощущения, эмоции, словно дополнились другими, яркими, сильными, неистовыми!

В облаке цветных вспышек, сполохов, каких-то ярких пятен я увидела лицо Исама, его мощное, сильное тело, и одновременно... увидела себя его глазами! Словно смотрела сразу и из моих, и из его глаз! Я понимала, что он испытывает тоже самое, и для него все это оказалось таким же сюрпризом, как и для меня!

Не удержавшись, задержалась его взглядом на себе... и увидела, как я покраснела! Оттого, что отсюда, сверху, с разметавшимися по подушке волосами, припухшими губами и широко распахнутыми глазами была просто невообразимо прекрасной... и желанной просто до умопомрачения! А еще такой хрупкой, что физически ощутила, как Исам боится ненароком причинить мне боль...

Вот я поднимаю голову, впиваюсь поцелуем в его губы, и мир снова переворачивается, а потом снова и снова... Больше не удастся сконцентрироваться только на моих или только на его ощущениях... Есть только общность, только цельность, только единство!

Словно со стороны я услышала, как мой пронзительный крик

взрезал пространство, чьи-то губы выпили мой стон, а кто-то большой и родной рядом разделил мою боль. И хоть весь мир сузился до размеров этой боли, она была недолгой.

А потом мир вернулся обратно, разворачиваясь, раскрываясь, расцветая миллионами оттенков! Яркими цветными сполохами, запахами, эмоциями, целым спектром восхитительных ощущений! Мир расширился, разлился до бесконечности, до целой Вселенной, которая оказалась живой, пульсирующей в едином ритме!

Я и представить не могла, что близость... что любовь... что она так восхитительна!

Сладкие судороги пронзали тело снова и снова, каждая новая была ярче и как будто объемнее предыдущей...

Я взлетала, падая, проваливалась в воздушные ямы, взлетала снова, видела, как два дракона — золотой и серебристый кружатся где-то там, высоко-высоко, в пронзительно-черном звездном небе.

Очередной взрыв удовольствия оглушил, пронзая тело сладкой судорогой, заставил взлететь и... распасться на тысячи радуг, раствориться в пространстве. На самой высокой точке наслаждения я исчезла, утратив сознание.

Пришла в себя от поцелуев и нежностей, что Исам шептал на ухо.

— Единственная. Любимая. Истинная. Истинная спутница, Таша. Ташенька. Александра. Моя любимая принцесса. Моя сладкая девочка. Как же я люблю тебя! Возможно ли это... Небо! Люблю! Люблю! Люблю!

Я чувствовала себя настолько слабой и какой-то умиротворенно-опустошенной, что сил едва хватило на улыбку. Я хотела ответить Исаму, сказать, что тоже люблю его, люблю больше всех на свете, но не смогла. Рот отказался открываться, и следом за непродолжительной вспышкой в сознании, на меня снова стала наваливаться блаженная тьма.

Повозившись, я устроилась в объятиях дракона поудобнее, и, глубоко вдохнув и выдохнув, заснула.

Проснулась оттого, что меня дернули за волосы.

Я дернулась, пошевелила головой, думая, что как-то неудобно легла. Исам, который лежал сзади, прижавшись и обнимая обеими руками, притянул к себе еще ближе.

Я снова прикрыла веки и почти провалилась обратно в сон, как

дернули опять.

Открыв глаза, я увидела Фай.

Фея стояла рядом, на подушке, такая легкая, что даже не оставляет вмятины и смотрела на меня с недовольным видом.

— Ты долго дрыхнуть будешь? — пробормотала она и в ответ на мой недоуменный взгляд пояснила: — Пора.

Внутри все сжалось. Я знала, что Фай права, помнила, что сама готовилась к побегу, но эта ночь... То, что произошло между нами... Оно не только еще больше сблизило нас, а как будто даже вовсе размыло границы, стерло недосказанность, недопонимание.

Исам был искренен, когда просил прощения, я чувствовала это. И еще он говорил, что любит меня, называл своей истинной спутницей... Я не знала, что значит это для драконов, впервые в этом мире слышала это выражение, но казалось, что то же самое, что истинная пара. В первый же полет я поняла, что Исам — моя истинная пара. А он понял, что я — его. И вот сейчас, после всего этого... Сбежать? Даже не объяснившись?

— Таша, — пропищала фея. — Опомнись! Твоему дракону понадобится время, чтобы принять новое положение вещей... Время, понимаешь?

Я часто заморгала.

— А такой роскоши, как время, у нас нет, — терпеливо пояснила Фай. — Твое пребывание здесь — губительно для этого места! Твой потенциал растет, особенно после того, как получила посвящение стихией, и твоя магия обрела истинное звучание! Чем раньше ты скроешься под магическим пологом Альма-матер — тем лучше.

Вздохнув, я медленно-медленно, чтобы не потревожить Исама, выбралась из-под его руки. Затем так же медленно отползла на другой конец кровати. Прислушавшись к мерному дыханию дракона, села, спустив ноги, и, наконец, встала. Ступая на цыпочках, направилась в гардеробную. Потому что на мне по-прежнему ничего не было, а переносится в Альма-матер голой... Мне казалось, что это моветон даже для потенциально сильного мага, которому выслали специальное приглашение.

Стоило прикрыть за собой дверь, привычно щелкнула пальцами и под потолком вспыхнул круглый магический фонарь. Быстрыми, выверенными движениями я натянула на себя закрытое платье-кимоно

под одобрительным взглядом феи. Когда потянулась к туфлям, Фай посоветовала выбрать те, что завязываются на щиколотках ремешками.

— Тебе еще в комнату к Исаму лезть, смотри, потеряешь, — напомнила фея.

Я вздохнула и остановила выбор на легких, почти невесомых сандаликах на плоской подошве.

— Фай, — тихо позвала я фею. — А может, рассказать все Исаму? Он поймет...

Фея, скривившись, окинула меня, с ног до головы, скептическим взглядом.

— Мне кажется, что поймет, — добавила я.

— Таша, — сказала, качая головой, Фай. — Пойми... Исам — дракон. И мужчина. Влюбленный мужчина.

Я покраснела, а Фай продолжала.

— Даже то, что он понял и разглядел тебя, что, безусловно, выделяет его из многих... Но при этом он не перестает быть драконом, понимаешь? Они слишком привыкли быть господами этого мира, привыкли быть главными. Даже Исаму на то, чтобы понять и принять новые обстоятельства, потребуется время.

— А у нас его нет, — прошептала я. — Находясь вне стен Альма-матер, я подвергаю опасности других. Сюда, на парящие горы, инсекты не заберутся... а люди, кичунэ, другие оборотни... все в опасности...

— Ты понимаешь, Таша, — пропищала фея. — Все именно так. Кроме того, я сказала, что Исаму может понадобится время, чтобы понять... Но неясно, сколько времени потребуется. И даже если поймет, у тебя нет гарантий, что отпустит...

— Как это, нет гарантий? — прошептала я.

— А вот так, — отрезала фея. — Ему, единственному из всех драконов, выпала просто невероятная, невообразимая удача, встретить свою истинную спутницу! Думаешь, так легко отпустить свое дыхание? Свой полет? Свои крылья? Ты для него больше, чем просто женщина для мужчины, Таша.

Я зарделась и закусила губу.

Слышать такое и знать, что собираешься сбежать... бросить... обмануть... Как бы то ни было, какую бы я цель не преследовала, обман есть обман!

— Но не в другой же мир меня надо отпустить, — пробормотала я.

Фея застонала.

— Ты не понимаешь! Вход в Альма-матер доступен только студентам! Ты думаешь, дракон, который только-только нашел тебя, так и отпустит на десять лет?

— На десять лет?! — ахнула я.

И что-то мне как-то самой туда лететь расхотелось. Немного. Совсем чуть-чуть...

— Есть и такие, кто заканчивали обучение и за семь лет, — сказала Тинь. — Но, сама понимаешь, это все равно долго. Действительно долго.

А я поняла, что, если еще минуту промедлю — могу смалодушничают. А этого допустить было нельзя. Поэтому сглотнула и осторожно выскользнула из гардеробной. В руках у меня было несколько простыней.

Убедившись, что Исам спит, подошла к подоконнику и, перегнувшись через него, тихонько свистнула. Скирон был тут как тут, словно щенок, истосковавшийся за ночь по хозяйке. А когда протянула ему целую стопку простыней, превратился в сотканное из тумана, улыбающееся солнце.

— Ты знаешь, что делать, малыш, — шепнула я. — Связывай их между собой, а потом найди, где закрепить конец в комнате Исама.

Свой конец симпровизированной веревки я надежно затянула на ножке массивного стола. Проверяла уже: без помощи Скирона этот стол сдвинуть с места мне было не по силам.

Вскоре дух ветра вернулся и фея, вылетев из окна, замерла в воздухе, поджидая меня.

Я уже подобрала подол, чтобы не запутаться, залезая на подоконник, но в последний момент обернулась на Исама.

Вид у спящего дракона был трогательный и какой-то мальчишеский, а на губах застыла счастливая улыбка. Я впервые видела Исама таким счастливым и сердце, зацемившее от нежности, сдавило ледяной лапой, когда поняла, что должна обмануть его. Но Фай была права — у меня просто не было другого выхода. Исам проснется, эмоции улягутся, чувства, ощущения, станут привычными... Может, я усомнилась бы в правильности того, что собираюсь сделать, если бы Исам сам не обманул меня, заманив в свой дом и не запер, лишив крыльев. Да, он действовал на порыве, будучи сам обманутым моим

отцом... Но что мешало ему рассказать все мне? Спросить у меня? Дать мне шанс? Даже не поверить, черт с ним, а просто допустить, что я была честна с ним?

Но он поверил не мне, не своей истинной паре, а отцу. И не потому, что Мичио Кинриу — дракон, я ведь тоже дракон... Просто отец — мужчина. А значит его слово весит больше моего. Он ведь даже не дал мне шанса оправдаться! В том, в чем виновна я не была! Просто поверил, обвинил в бесчестье, запер.

Фай права. Этому миру следует еще многому научиться. В том числе и научиться признавать равнозначность женщины. Видеть в ней нечто большее, чем самку для оплодотворения и предмет, существующий для удобства мужчины.

Вздыхнув, я смахнула слезы и, наконец, взобралась на подоконник.

Лезть по свитой из простыней веревке над пропастью оказалось легче легкого. До этого, когда представляла, думала, что придется собираться, концентрироваться, уговаривать себя не смотреть вниз... Все это оказалось несущественным, сейчас, по сравнению с ноющим сердцем и застилающим глаза слезами. Я не боялась упасть и сорваться вниз. Я боялась, что Исам не простит мне обман, боялась вскоре оказаться одна, без него, пусть и в магической академии, куда стремилась всей душой.

Наконец, я прыгнула с подоконника в комнате Исама.

Скирон, который пока лезла, страховал снизу (непонятно, мог поймать, или нет), влетел следом.

Фай прочертила несколько дуг в комнате и замерла перед массивным комодом. Сжавшись, пролезла в замочную скважину и вскоре оттуда донесся звон и скрежет: вероятно, фея отпирала замок. Я угадала: через несколько мгновений шуфляда выдвинулась, словно приглашая заглянуть в нее.

Я послушно подошла поближе и заглянула внутрь. Внутри было пусто. Почти. Потому что здесь лежал перевитый лентой свиток с печатью-сургучом, а рядом... моя фотография.

В рамке с бабочками. Я в джинсах и топе на бретельках в венке из одуванчиков, стою посреди желто-зеленого поля (Ариэлька затащила туда фоткаться, ехали на это самое поле через весь город!). Ветер треплет волосы, руки раскинуты в стороны, на лице — улыбка.

Я провела пальцем по стеклу, а губы сами-собой растянулись в

улыбке. Ну, Исам! Ведь это он, когда я вещички собирала, спер! И не признался.

Видеть здесь, в этом мире, в комнате Исама, мою фотографию было чертовски приятно. Так, что глаза снова защипало. Вспомнилось некстати, как Исам меня истинной спутницей называл, и защипало еще больше...

— Таша, — пискнула фея, — время! Ты хочешь, чтобы Исам проснулся, никуда тебя не пустил, а свиток-приглашение отобрал и перепрятал? Имей ввиду, он так и сделает! И лучше сам будет охотиться на насекомых, чем расстанется с тобой в следующие несколько лет!

Фай говорила жестокие вещи, но была права.

Протянув руку, я взяла свиток, и по пальцам словно пробежал электрический ток. Стоило свитку оказаться в моей руке, лента вспыхнула и исчезла, не повредив бумаги, а сургучная печать расплавилась. Дрожащими руками я развернула свиток и в тот же миг на нем вспыхнула огненная надпись. Я прочитала:

— Уважаемая Александра Кинриу! Имеем честь сообщить Вам, что вы являетесь потенциальным драконом и сильным магом. Посему автоматически зачисляетесь в Альма-матер для драконов, где сможете получить образование, соответствующее вашему дару, ипостаси и статусу. По получению данного вызова, инициации в священном озере Риу и посвящения любой из четырех стихий вам следует немедленно прибыть в Альма-матер во избежание эксцессов, связанных с отрицательным вектором вашего нераскрытого дара. Для того, чтобы воспользоваться индивидуальным одноразовым телепортом, приложите палец к красному кружку внизу страницы.

Стоило мне закончить читать, как внизу страницы несколько раз полыхнуло алым.

Фея прочертила в воздухе молнию и уселась на моем плече, из чего я заключила, что Фай решила отправиться в Альма-матер вместе со мной. Скирон, который, пока читала, превращался в большое ухо, тоже подлетел ближе и обвился вокруг руки, превратившись в полупрозрачный воздушный браслет наподобие того, что носят драконы.

— Давай, Таша, — скомандовала Фай с плеча. — Жми!

Я вздохнула и занесла палец.

В этот момент сзади скрипнуло.

Я оглянулась и увидела, что в дверях застыл Исам.

На лице дракона явственно проступило удивление, непонимание, словно отказывается верить своим глазам и... боль.

Я виновато улыбнулась и зажмурилась. Видеть боль в глазах Ледяного дракона было выше моих сил.

— Таша, — тихо позвал Исам. — Александра...

Я открыла глаза. Исам не сдвинулся с места, только чуть приподнял руку, словно надеялся все же остановить меня.

— Не делай этого, — попросил он. — Пожалуйста.

— Прости, Исам, — сказала я. — Если сможешь. Я должна. Ты... потом поймешь.

— Таша...

— Прости. Но... такие отношения не для меня. Честно. У нас слишком разный взгляд на любовь. Мне невероятно, просто невозможно хорошо с тобой, но я не позволю забирать у себя крылья. Я не могу без неба, Исам.

Исам хотел что-то сказать, но я остановила его жестом и заговорила быстрее.

— Я не верю, что любить — это ограничить другого. Не верю, что любовь — это слабость. Моя любовь — это сила, это полет, крылья, свобода! Я хочу видеть тебя свободным и счастливым, Исам. Я хочу, чтобы ты был со мной... не связанный словом, не по договоренности, не по принуждению... И согласна принадлежать тебе только на тех же условиях. Я имею те же права, что и ты.

— Принцесса Таши...

— До встречи, Исам, — сказала я и тыкнула пальцем в свиток.

Глава 16

Меня закрутило в каком-то диком то ли водовороте, то ли смерче. От грохота заложило уши, а глаза пришлось зажмурить, потому что от круговерти перед глазами затошнило. Исчезли верх, низ, право, лево, куда-то делось время и пространство, осталось только это ощущение кружения и падения, и было неясно куда я падаю, вверх или вниз.

Наконец, круговерть закончилась и осталось только падение.

Я по-прежнему не открывала глаз, просто падала, переворачиваясь, радуясь про себя, что оглушающий грохот исчез. Радоваться пришлось недолго: меня с силой дернули за волосы, так, что я взвизгнула. А потом еще и пропищали на ухо:

— Оборачивайся, Таша, разобьешься!!

Ничего не понимая, я помотала головой, открыла глаза и заорала: я действительно падала с большой высоты. Земля стремительно приближалась, в ушах свистел ветер, а тело и разум словно сковало льдом.

— Да оборачивайся же! — крикнула с плеча фея. — Мне-то тебя не удержать!

От ужаса, охватившего меня, я понимала, что фея что-то говорит, понимала каждое слово по отдельности, но смысл всех слов вместе ускользал. Помог Скирон: дух ветра перестал изображать браслет и превратился в воздушного дракончика, который несся рядом, заглядывая в лицо и усиленно хлопая крыльями.

Не слушая воплей Фай, я закрыла глаза и позвала драконицу.

— Здесь небо, — сказала я ей мысленно. — Много неба!

И пространство потряс чей-то рев!

Спустя несколько мгновений падение прекратилось, а новое, покрытое сверкающей золотой чешуей тело принялось ввинчиваться в воздух. Драконица стремилась вверх, выше и выше, к самому солнцу, столь щедрому на эти золотые лучи и теплые, словно материнские объятия!

Я кружилась, опьяненная небом, делала какие-то кульбиты, проваливалась в воздушные ямы, переворачивалась в воздухе, взлетала и скользила вниз... Не знаю, сколько это продолжалось: драконица, что

так надолго была заперта внутри, просто ошалела от счастья.

Поэтому не сразу различила писк над ухом:

— Таша! Александра Кинриу! Еще налетаешься! Снижайся давай!
Ап, ой, ай, что ты делаешь! Снижайся, вон, видишь, тебя уже ждут!

Ждут? Меня? Кто?

Драконница оглянулась по сторонам и весело взревела.

— Оглушишь, сумасшедшая! — пропищала над ухом Фай, которая, в отличие от Скирона, моего веселья почему-то не разделяла.

— Да не туда смотришь! — воскликнула фея, видя, что я захожу на очередной вираж. — Вниз посмотри!

Я послушно посмотрела вниз.

Далеко-далеко, на круглой площадке, утопающей в зелени, стояли и смотрели в небо несколько человек.

Только почему Фай решила, что они ждут меня?

Оглянувшись по сторонам, я увидела еще двух драконов в небе и заревела, приветствуя собратьев.

— Она совсем ошалела от неба, — раздался писк над ухом. — Таша! Вспомни, для чего мы здесь!

Скирон, который только что был воздушным драконом, превратился в какой-то полупрозрачный замок, в несколько этажей, с плоской крышей.

Я задумчиво перевела взгляд вниз и определенно узнала эту самую крышу.

Впервые за время полета задумалась: зачем я здесь?

И тут же пришел ответ: я в Альма-матер. В Альма-матер для драконов, меня выкинуло здесь телепортом!

И тут же пошла на снижение.

Снижаясь, я кружилась над просторной низиной, окруженной горным плато со всех сторон. С одной стороны горы были покатыми, больше похожими на холмы, с другой — впивались вершинами в небо, их верхушки были скрыты периной облаков.

Внизу, по центру низины были разбросаны дома, виднелись дороги, по которым передвигались крытые и открытые телеги... хотя, кажется, это были экипажи.

В моих представлениях Альма-матер была чем-то вроде старинного замка в готическом стиле, что стоит на горе и навевает ужас в грозу. В реальности, то, что я видела, было целым низинным городом. Причем

довольно большим!

Приглядевшись внимательнее, я увидела, что часть зданий представляет собой дома с крышами-площадками, в которых можно сразу угадать учебные корпуса и общежитие для драконов. Другие же здания — довольно обычные, есть даже одноэтажные, со шпильями на крышах. Группы похожих зданий стоят на отдалении друг от друга, окруженные мелкими домишками и хозяйственными застройками, из чего я сделала вывод, что здесь не только драконья академия, но и целый студенческий городок!

Снизившись, я заметила стайку рыжих девчонок, напомнивших Хоккайду и Ариэльку одновременно. В серых укороченных, до колена платьицах и широких брючках, с луками за спинами, девчонки спешили по направлению к зданию с остроконечной крышей.

Я сделала над ними круг. Они замерли, провожая меня взглядом, а потом приветливо помахали руками. Я проревела в ответ и устремила к самому большому зданию с круглой площадкой на крыше, где, по словам Фай, меня ждали.

Из увиденного сделала вывод, что здесь учатся не только драконы, но и кицунэ, и даже, наверно, человеческие маги и другие расы. Очень удобно — поместить несколько учебных заведений в одном месте и защитить всю эту огромную низину магическим пологом, чтобы неуправляемая студенческая магия не рвала пространство.

Мысли о магическом пологе промелькнули еще когда снижалась. Только сейчас я поняла, что стоило преодолеть какую-то определенную высоту, как опьянение небом кончилось и вернулась способность ясно мыслить. Наверно, я так расшалилась в небе, вырвавшись на свободу как раз из-за этой неконтролируемой пока магии... Следующей мыслью было, что оборачивание прошло не так болезненно, как в первые разы, а полет стал каким-то легким, что ли. Я подумала, что это явно потому, что получила посвящение от сердца ветра, и теперь звучание моей магии — ледяной ветер, или как-то так.

По мере снижения приближаясь к площадке, подумала, что чего-то не хватает, и поняла, чего: на протяжении некоторого времени я не слышала писка Фай. Покрутив головой, не нашла феи рядом и поняла, что она умчалась куда-то по своим делам.

Зато Скирон, как послушный щенок кружил вокруг, он явно получал удовольствие от полета, не меньше меня. Каким-то образом я

начала слышать его эмоции... временами, далеко не всегда, но довольно отчетливо. Дух ветра наслаждался полетом и воздушной игрой и еще очень радовался оттого, что я рядом.

Благодарно подмигнув Скирону, я пошла на снижение.

Когда круглая площадка взмыла вверх прямо к моим лапам, мелькнула даже мысль, что обернусь в воздухе. Но не удалось. Лапы спружинили о твердую, нагретую солнцем поверхность, я еще пару раз расправила и сложила крылья, и зажмурившись, приготовилась оборачиваться.

Мир привычно взорвался болью, но на этот раз я успела отметить, что несмотря на остроту и интенсивность, боль была привычной и терпимой.

Старательно удерживая сознание, я осознанно наблюдала, как горит ледяным огнем каждая клетка тела, как меняется костная ткань, мышечная масса, внутренности, кожа. Отслеживать процесс обращения было невероятно сложно, но это отвлекало от боли и позволяло не утратить сознания.

Наконец, когда я оказалась сидящей на коленях на теплой каменной поверхности, упирающейся ладонями в камень перед собой, я подняла голову. Пространство плыло, пока зрение перестраивалось из драконьего в человеческое, но, когда несколько продолговатых предметов принялись обретать очертания, поняла, что справилась. Что впервые не утратила сознания при обращении.

Осторожно, потому что голова очень кружилась, я поднялась, стараясь не качаться и увидела перед собой троих мужчин и женщину. Женщина оказалась знакомой. Госпожа Норайо поприветствовала меня скупой улыбкой и кивком.

Лица мужчин я разглядеть не успела. Что-то подсказывало, что буквально вытаращенные глаза и раскрытые рты у них вовсе не оттого, что видят перед собой первую женщину-дракона. Я перевела взгляд вниз и в тот же миг покраснела, казалось, всей поверхностью тела. Потому что одежды на мне не оказалось. Я была голой.

Ахнув, порадовалась тому, что распущенные по плечам волосы прикрывают грудь и одновременно пожалела, что их длины не хватает для прикрытия других частей тела.

Одного взгляда, брошенного на встречающих, хватило, чтобы понять: двое из них драконы. Тот, что самый старший и тот, что совсем

молодой. Причем возраст старшего угадывался не по внешнему облику и даже не по седине в угольно-черных волосах, а скорее по глазам.

Первым заговорил тот, что самый старший. Причем обращался он не ко мне, а к госпоже Норайо.

— Вы совершенно правы, — сказал он. — Принцесса Кинриу именно такая, как вы и рассказывали. Сильная, решительная, упрямая. Эти качества пойдут на пользу в становлении на крыло. Вот только...

— Вот только, мастер Акихиро, вы совсем забыли, что она девушка, — перебила его Норайо, и дракон покраснел. К слову, тот дракон, что помладше и кицунэ итак уже были красными как раки. Видимо, почтенный возраст этого самого мастера Акихиро не помешал ему увидеть в прилетевшей драконице в первую очередь — женщину. А остальным ничего не помешало.

С этими словами госпожа Норайо приблизилась ко мне, взмахнула рукой, и нагота моя закончилась.

Теперь на мне был легкий камзол без рукавов из плотной, но приятной для тела ткани, узкие брюки и туфли с острыми носами на небольшом каблуке.

— Спасибо, госпожа Норайо, — вырвалось у меня и магиня ответила подмигиванием.

На лицах молодого дракона и кицунэ проступило явное разочарование, которое оба тут же постарались спрятать за маской радушия. Опомнился и тот, что постарше.

Сделав шаг вперед, он представился:

— Я — мэтр Акихиро, ректор Альма-матер для драконов. А это, — он указал на кицунэ, — мэтр Тэкэо, ректор Академии оборота.

Оборотень поклонился.

— С госпожой Норайо вы знакомы, — продолжал представление, как я понимаю, мой ректор. — Она — ректор Пансиона благородных волшебниц.

— Я думала, что вы входите в совет Ковена магов, — вырвалось у меня.

Госпожа Норайо снова подмигнула и обернулась к мастеру Акихиро.

— А я говорила, что Ичиру Исами ей ничего не скажет. Несмотря на наше знакомство.

— Думаю, Ичиру Исами было не до этого, — вставил слово

молодой дракон, которого не успели представить.

— Ах, да, Таши Кинриу, познакомься, Рио Тэтсумо, преподаватель магии ветра.

Я перевела взгляд на дракона, отметив про себя, что ректор обратился к нему без «мэтр». Рио Тэтсумо оказался высоким светловолосым драконом с аристократичными чертами лица, и, надо сказать, кое-кого сильно напоминал. Да и имя прозвучало знакомо...

— Ты — кузен Исама? — спросила я прямо.

Дракон усмехнулся и сказал:

— Когда адепты обращаются к преподавателям, они используют обращение «мастер», — сказал он, подмигивая. — И говорят «вы». И да, я действительно, кузен Исама.

— Ректор Университета магии сейчас ведет занятия и не смог встретить тебя лично, адептка Кинриу, хоть и хотел, — сказал ректор Альма-матер. Как я поняла, он тут главный. — Мы все давно ждем тебя, надо сказать, для нашего мира ты настоящая сенсация.

— Так что готовься ко всеобщему вниманию, по-крайней мере, в первое время, — добавил кицунэ и сочувствующе улыбнулся.

— Я спешила, как могла, — ответила я ректору. А потом вспомнила прошлую ночь и потупилась. — Честно.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, кивая. — Мастер Рио проводит тебя в учебный класс. Вижу, ты получила духа-хранителя, — он кивнул на Скирона, — это большая редкость и большая удача. Духи стихий, особенно воздушные, как никто другой ценят свободу и независимость. Что ж... Мы к этому еще вернемся, а пока тебе стоит поспешить на занятия. Дух-хранитель может посещать все занятия с тобой.

И он выразительно погрозил Скирону пальцем и предупредил того, чтобы без глупостей.

Дух ветра превратился в какое-то странное существо с глазами-блюдцами, чем-то напоминающего котика из Шрека, только с куда более умильной мордочкой и старательно заморгал.

— Занятия? — переспросила я. — То есть, мне сейчас это... прямо в учебный класс?

Моему изумлению не было предела. Я рассчитывала, что меня сначала ну, расселят в общежитие, да и поесть бы не помешало...

— Именно, в учебный класс, Таши Кинриу, — ответили мне. — Несмотря на то, что спешила, ты припозднилась и учебный год уже

начался. Кроме того, сейчас как раз начинается практическое занятие по магии иллюзий, а судя по отсутствию на тебе одежды после оборота, ты ей пока не владеешь.

Я покраснела, а ректор, к вящему неудовольствию мужской половины, добавил:

— И чем скорее овладеешь, тем лучше. Не забывай, ты единственная драконица в Альма-матер.

— Пока единственная, — тихо сказала госпожа Норайо.

Они с ректором обменялись многозначительным взглядом. Но потом мастер Акихиру вновь стал серьезным.

— Поспеши, адептка Кинриу. После занятия по магии иллюзий тебя ожидает обед, следующие занятия — пророчество и воздушный бой, сегодня можешь их пропустить, потом наверстаешь. Затем мастер Рио, который на первое время назначен твоим куратором, покажет тебе комнату в общежитие, а после расселения проводит к мастеру Широ. После посвящения, полученного у сердца ветра, истинным звучанием твоей магии стал воздух, как у драконов Ледяного клана, но кровь в твоих жилах — кровь Огненного дракарата, поэтому мастер Широ должен определить характер твоей магии. Это нужно, потому что возможно, что придется скорректировать учебную программу индивидуально для тебя. Все остальное объяснит мастер Рио, он получил все необходимые инструкции.

Я хлопала ресницами. Ощущение было такое, словно попала с корабля на бал. После ожидания Исама, который после наговоров папика поехал мозгами и запретил мне летать, и медитаций на парящей горе, новая, студенческая жизнь обрушилась на голову стремительным водопадом. Возникло ощущение, что меня все еще несет и крутит тот самый вихрь, который забросил в небо над долиной телепортом.

Тот, который ректор Академии оборотней, кивнул на прощание и растворился в воздухе. Мой ректор, не прощаясь, взлетел над площадкой и обернулся серо-голубым драконом. Дракон устремился к горам, что пронзают облака.

Госпожа Норайо задержалась дольше всех. К моему удивлению, она пожала мне руку, отчего я ощутила себя в собственном мире, и, скупно усмехнувшись, заверила, что будет рада видеть в своем Пансионе, когда я немного пообвыкнусь.

— Настраивайся на стремительный темп, Таша, — сказала она на

прощание. — Ты опоздала к началу учебного года, поэтому тебе предстоит многое наверстать. И в сжатые сроки.

С этими словами она исчезла, а я обернулась к кузену Исама и в очередной раз вздрогнула от их сходства.

— Высшая магия, — свысока бросил он, списав мою дрожь на растворение ректора Пансиона волшебниц в воздухе.

Я кивнула. Откровенный взгляд Рио мне не нравился. Дракон смотрел нагло и как-то изучающе.

— Вроде бы мне говорили, что нужно поспешить, — сказала я.

Рио кивнул, усмехнулся, но с места не сдвинулся.

— Долго будем в гляделки играть? — хмуро поинтересовалась я, представив на месте Рио кого-нибудь из курсантов-однокашников. Представлялось с трудом, все-таки драконы, несмотря на человеческий облик, отличались от людей, как небо от земли. Но тем не менее, тон подействовал.

— Извини, — усмехнулся Рио и поманил за собой. — Просто интересно посмотреть на выбор Исама.

— Мне тоже интересно посмотреть, кому обязана появлением Хикэри на парящей горе, — не осталась в долгу я, потому что на конкретно этого дракона за тот случай была зла. Конкретно так зла. Несмотря на то, что блондиночка в итоге нормальной оказалась.

Рио широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами на загорелом лице.

— Она должна была увидеть истинное лицо Исама, — сказал он. Заметив мои поднятые брови, пояснил: — Я имею ввиду, его отношение к ней.

— Вот спасибо, благодетель, — буркнула я, спускаясь за Рио по винтовой лестнице. — Между прочим, это было не слишком-то приятно ни самой Хикэри, ни мне, ни Исаму.

Дракон пожал плечами.

— Я извинился.

А я подумала, что он напыщенный индюк, но вслух говорить этого не стала. Мало того, что он теперь мой препод, так еще и куратор, пока не освоюсь на новом месте. Обидится, бросит прямо на этой лестнице, куда я пойду? В академии незнание не избавляло от наказания. Сдается, здесь с нарушениями тоже строго.

Поэтому я решила чуть сгладить углы.

— Мне сейчас на это самое... Истинное звучание магии? К магу ветра? — я запуталась.

— Копия расписания есть у тебя в комнате, — сказал Рио, оборачиваясь. — Как освоишь ментальную магию, станет легче. Привыкнешь, — уверенно добавил он. — Сейчас практическое занятие по магии иллюзий. Судя по твоему эффектному обороту, тебе не помешает.

И он подмигнул.

— Готова поспорить, тебя госпожа Норайо не встречала, — обиженно проговорила я. — И другие преподаши тоже. Так что твое появление было вовсе не таким эффектным.

— Что ты, мне до тебя далеко, — признался Рио. — Когда я, двадцать лет назад, прилетел сюда телепортом, от которого чуть не стошнило, — я понимающе усмехнулась, — я не только, что голышом предстал перед мастером Акихиру, я сознание удержать не смог. Ректор в чувство магией привел.

Признание дракона прозвучало почти мило.

— Ты сразу более наглым представился, — призналась я. — Чуть ли не напыщенным индюком. Думала, драконы только и способны грудь колесом перед девушками выпячивать.

Рио рассмеялся.

— Ты — дракон, Таша, — сказал он серьезно. — В первую очередь, дракон. Хотя к мысли, что среди нас есть драконица, еще предстоит привыкнуть.

Я кивнула. Рио был прав. Судя по «Истории сотворения мира», которая описывает этот мир пяти тысячелетней давности, дракониц среди них все это время не было.

— И все же, рядом с другими адептами, лучше говори мне «вы», Таша, — сказал кузен Исама. — Если хочешь, чтобы по всей долине не поползли сплетни.

Я покраснела и потупилась. Сплетни мне точно ни к чему.

— Расскажи, как получила духа-хранителя? — спросил Рио.

Я перевела взгляд на Скирона, который с независимым видом кружил рядом в облике воздушного дракона. Затем пожала плечами.

— Секретничаешь, — сделал вывод дракон. — Нехорошо, мы, как-никак, родственники.

— Я правда не знаю, что сказать, — запротестовала я. — Там как-

то само получилось. Я его впервые увидела, когда с сердцем ветра разговаривала, а потом... Потом, кажется мы друг другу понравились.

Скирон превратился в воздушного щенка с крыльями и сделал вид, что лизнул меня в щеку.

— Забавный, — сказала я духу ветра и погладила его.

— Забавный? — иронично приподняв бровь, отчего еще больше напомнил кузена, переспросил Рио. — Знаешь ли ты, что такое дух-хранитель?

Я помотала головой.

Мы прошли по широкому коридору и свернули направо. По дороге встретились двое драконов, в сверкающих одеждах. Не сбавляя шаг, они прошли мимо, задержавшись взглядами на мне.

— Дух-хранитель — самый бесценный подарок, который могла сделать для тебя стихия. С личным хранителем магия воздуха будет удаваться тебе значительно легче и быстрее. Дух-хранитель является порождением Пути и Воли самой стихии, так же, как, например, домовый является порождением «сущности дома», в котором живет. Иными словами, по своей природе, Дух-Хранитель является Элементалью стихии, идеальным накопителем для ее магии. Чтобы увеличить, так сказать, «растянуть» магический резерв, расширить его до максимальных пределов, юные драконы, как и другие оборотни, и человеческие маги много времени уделяют медитации. Ты же сможешь питать свой магический резерв и восполнять его при выгорании, от своего духа-хранителя.

— Это для того, чтобы придется как бы «растягивать» свою оболочку для того, чтобы «вместить» свою потенциальную магию? — уточнила я, вспомнив разговоры с феей. — Иначе бесконтрольная магия имеет деструктивный вектор? И Скирон мне в этом поможет?

Рио присвистнул.

— Не думал, что кузен посвятит тебя в такие детали, — пробормотал он.

— Он и не посвящал, — хмыкнула я. — Информация из других источников.

— Госпожа Норайо? — поинтересовался Рио. — Она очень тепло о тебе отзывалась. Не думал, что она способна хоть о ком-то так отзываться.

Мне почему-то не хотелось говорить о дружбе с Фай. К тому же я

помнила, что Исам говорил о кузене. Точнее, не говорил о нем ничего хорошего. И я промолчала.

— Скрытная ты, — деланно обиделся Рио. — А как посвящение сердца ветра получила, расскажешь?

Я пожала плечами.

— Юки помогла, — ответила я. — Проводила.

— А какие испытания пришлось проходить? — не унимался Рио. — Воздушные бои? Борьбу с вихрями? Сбрасывание оков обледенения? Воздух — очень переменчивая стихия, и, пожалуй, самая капризная.

Настал мой черед удивляться.

— Да ничего такого не было, — сказала я, задрав голову, изучая анфиладу, по которой мы шли. Белые драконы на потолке выполнены так искусно, что казалось, вот-вот сорвутся вниз, оглашая коридоры ревом. — Мы просто поговорили, и все. А когда я пошла обратно, к Юки, Скирон полетел со мной. Правда, малыш?

Дух ветра нежно засвистел в ухо и сделал вид, что устраивается на моем плече.

Кузен Исама смотрел на меня, вытаращив глаза.

— Ты хочешь сказать, что сердце ветра говорило с тобой?

Я пожала плечами. А почему со мной не поговорить-то?

— Юки сказала, оно говорит с драконами, — ответила я. — Что такого?

— Что такого? — изумился Рио. — Сердце дракона говорит только с самыми сильными магами, Таша! Точнее, только самые сильные маги могут его слышать! Даже я, а я, между прочим, преподаю в Альма-матер магию воздуха, даже я услышал его лишь на седьмой год обучения.

«Ты еще скажи, что с озером Риу при посвящении не разговаривал!» — чуть было не вырвалось у меня. Но я смолчала. Впервые, вспомнила опять, что Исам с этим Рио не очень-то дружны, за власть они там борются, или еще за что обычно борются мужчины? То, что этот Рио к Хикэри неровно дышит, и специально Исама подставил, зная, что из нас двоих он однозначно выберет меня (от этих мыслей внутри потеплело) я уже просекла... А что касается во-вторых, мне кажется, не стоит тут, что называется, «звездить». Не хочу прослыть местным феноменом или легендой, хватит и того, что я единственная

драконица. Это, надеюсь, вскорости исправится. Вот носом чую... что-то здесь не так! Недолго мне оставаться в одиночестве!

Так что я снова пожалала плечами и решила сменить тему.

— Я правильно поняла, эта долина — своеобразный студенческий городок? — спросила я, вспомнив постройки различной архитектуры и группку девушек-кицунэ с луками.

Рио кивнул.

— Название этого места Долина Знаний. Вход сюда есть только магически одаренным студентам.

— Я правильно поняла, — уточнила я. — Только учащимся? А, скажем, бывшим учащимся?

Рио широко улыбнулся.

— Никому, кроме адептов, Таша, — сказал он. — Даже выпускникам.

Я ожидала ответа Рио с замиранием сердца. А потом выдохнула одновременно с облегчением и разочарованием.

— А если... меня будут искать? — спросила я, подумав, что меня наверняка будут искать.

И потом, неизвестно, как папахен воспринял свое поражение. Может, это не повод для него отказываться от дочки, которая — прямой путь в политическое превосходство...

Рио пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, Таша, — сказал он, неправильно истолковав мой интерес. — Вход в Долину Знаний закрыт всем, кроме адептов. И пока ты адепт — ты не можешь покинуть это место без специального разрешения. Даже для встречи с кузенком.

— И вовсе я не собиралась ничего покидать и ни с кем встречаться, — вырвалось у меня.

Рио странно на меня посмотрел и хмыкнул.

— Будем считать, я тебе поверил, — сказал он. — Но вообще, здесь четыре раза в год каникулы.

Не успела я ответить негодованием, как дракон замер у очередной двери. Предварительно постучав, он буквально втокнул меня внутрь, и вошел следом сам.

В светлой аудитории перед большим зеркалом стояло с пару десятков драконов. Причем трое из них были голыми. Но стоило им увидеть меня, как тут же «покрылись» одеждой. Правда, привычная для

драконов одежда возникла только на одном, второй оказался просто в трусах, а третий почему-то в белом банном халате.

Такая перемена в гардеробе этих двоих была встречена дружным смехом, причем смеялся даже Рио. А мне ничего не оставалось, как покраснеть и притвориться, что ничего такого не заметила и изучаю потолок (кстати, довольно высокий).

Прежде, чем Рио заговорил, успела отметить, что драконьи постройки отличает похожая архитектура, в которой есть что-то японское, только крыши не остроконечные, а покатые, изнутри тоже неизменно присутствует присущий Японии минимализм, только, в зависимости от дракарата, с нотками духа какой-то другой культуры. Если у папахена, в Огненном, однозначно, все дышало сочетанием Японии и древнего Египта, то в парящей долине Ледяного клана архитектура в непальском стиле гармонично пополнилась древнегреческими нотками: светлым цветом зданий, колоннами, амфитеатрами и монументальными лестницами. Здесь, в Альма-матер, явно преобладал древний Рим, как снаружи, так и изнутри. Величественные колонны, арки, изысканная внутренняя отделка с лепниной и узорами. Преобладание оттенков белого и серого расширяло пространство, а искусная внутренняя отделка добавляла ощущение величия и монументальности.

— Знакомьтесь! Таши Кинриу, принцесса Ледяного клана, — прервал моего внутреннего искусствоведа кузен Исама, и, надо сказать, сильно смутил меня тем, что представил как принцессу их клана. Вроде как временно поехавший головой Исам утверждал, что я — наложница без права голоса и вообще без какого-либо права, только с обязанностями, ага...

— Новая адептка Альма-матер, — добавил Рио. — Зачислена на первый курс.

— Ух ты, здорово, — донесся до меня шепот.

Хотела я того или нет, но, кажется, мое появление среди сокурсников произвело фурор. И куда там первому сентября позапрошлого года, кого мы с Ариэлькой являлись на первые в своей жизни занятия в академии... там, как-никак, кроме нас еще девчонки были, а здесь я одна. На целую анфиладу драконов...

— Драконица!

— Настоящая!

— Значит, это не рассказы!

— Настоящая и очень, очень красивая драконица, — ничуть не смущаясь банного халата, заявил мускулистый брюнет. Дракон широко расставил ноги и скрестил руки на груди. Взгляд при этом был такой наглый, что пальцы в кулаки как-то сами-собой сжались.

Не успела я ответить нахалу, его поддержал второй, тот, что, пардон, в одних трусах.

— Красивая — не то слово. Как же нам повезло, что мы, все вместе... будем... с ней... учиться!

Намек был столь очевиден, что дракон с огненно-рыжими волосами, убранными в хвост не получил пяткой в челюсть по чистому недоразумению.

Траектория прыжка выстроилась в голове за считанные мгновения, я рванулась было вперед и застыла, словно одеревенела. По комнате пронесся ледяной вихрь. Замерли все, даже кузен Исама. Даже Скирон завис рядом облачком, бессильно вращая глазами.

— Адепты Ютака, Хотэку, Кинриу, — проговорил пепельный блондин с выбритыми висками и крючковатым носом, в неярких, серых одеждах. — Вы втроем наказаны за невоздержанность в языке в присутствии преподавательского состава.

Не в силах пошевелиться, я яростно сверкнула глазами в сторону говорившего.

— Адепт Кинриу, к вам это не относится.

Одеревенение тела покинуло, я обрела способность двигаться. Обернувшись по сторонам, поняла, что эту возможность обрели все. Не успела я поблагодарить преподавателя, как он добавил:

— Вы наказаны за попытку нападения. Драки на территории Долины Знаний запрещены. Исключение — практические занятия по воздушному и наземному бою. Я ясно выразился. Вы проявили несдержанность, адептка Кинриу. За это вам надлежит убраться на территории гробницы мэтра Ясуо, основателя Альма-матер, первого наставника драконов. Вы займетесь этим после ужина, в личное время.

На лицах драконов и даже кузена Исама мелькнуло сочувствие. Всех, кроме этой двоицы в исподнем, из-за которых я не успела войти в класс, как уже схлопотала наказание.

— Что касается вас, адепты Ютака и Хотэку, я назначаю вам дополнительные два часа медитации сегодня. После ужина, в личное

время вам надлежит явиться в общий зал, где под контролем дежурного из преподавательского состава, вы промедитируете положенное время.

— Личное время на то и личное, — пробормотал под нос рыжий, кажется, Хотэку, и судя по взгляду брюнета, тот бы с ним согласен.

— Три часа медитации, — не глядя на них, отрезал препод. — Может, вы наконец, догоните свою группу в мастерстве иллюзий. Думаю, присутствие дамы среди нас должно повлиять на вас должным образом.

— Простите, мастер Шуджи, — начал было брюнет, но препод властно поднял руку, и тот замолчал.

— Еще слово, адепт Ютака, и я обяжу вас до вечера ходить в сотворенной вами одежде.

Учитывая, что Ютака до сих пор оставался в одном лишь в исподнем, хотя я откуда-то знала, что он не переставал предпринять попыток «одеться», угроза была не шуточной.

— Учитывая, что без моей помощи вы не сотворили бы даже этого, — препод брезгливо махнул рукой в сторону труселей дракона, — я не завидую вам, учитывая, что впереди совместный рукопашный бой с кицунэ.

Оба проштрафившихся дракона потупились и принесли самые искренние заверения в том, что уяснили преподанный урок. А я уяснила, что дисциплинка тут почище военного режима.

— Добро пожаловать в Альма-матер, адептка Таши Кинриу, — все с тем же отстраненным выражением лица сказал мастер Шуджи, стоило двери захлопнуться за Рио. На прощание кузен Исама подмигнул мне, мол, удачи. — А теперь давайте вернемся к тому, на чем мы прервались. Как вы уже поняли, мы учимся усилием мысли создавать одежду. Для этого...

Глава 17

К концу практического занятия с мастером Шуджи мне казалось, что вот-вот задымится голова.

Тот не только сразу просек, что одежда на мне магического происхождения (хотя я бы нипочем не определила, камзол, брючки, туфли — все было более, чем материальным!), но и то, что сие госпожа Норайо сотворила.

Мне объяснили, что госпожа Норайо каким-то образом замкнула иллюзию на моей собственной ауре, поэтому одежда эта продержится ровно столько, сколько я ее ношу. Но стоит снять и переодеться в другую — исчезнет.

Надо сказать, эта новость озадачила.

Все-таки я сюда налегке прилетела.

Что у папахена, что у Исама недостатка в шмотках не было, но вряд ли здесь адепткам гардероб предоставляют... Наверняка все необходимое можно купить, уверена, в таком обширном городке есть и магазины, и швейные мастерские, потому как никто, кроме драконов одежду чарами не создает. Я помню, Хоккайда и другие кицунэ, когда оборачивались, голышом бегали, да и инсект порвал свою одежду, когда обернулся... так что, купить здесь все необходимое наверняка можно, только вот, на что? Я даже не знаю, как местные деньги выглядят. Ведь с момента перехода в этот мир они мне как-то не нужны были, а мамуль ничего не сказала на этот счет. Предполагалось вообще-то, что я к любящему отче в гости еду...

— Адептка Кинриу, повторите, что я сейчас сказал? — спросил препод, и я захлопала ресницами, ожидая очередного наказания. Но мастер иллюзий, должно быть, решил, что уборки территории некоей гробницы на сегодня с меня довольно, поэтому просто посоветовал быть внимательнее.

От необходимости оголяться в присутствии бросающих то и дело жадные и любопытные взгляды драконов, он меня избавил. Посоветовал внимательнее следить за ходом занятия и, если получится, тренироваться менять цвет одежды. Камзол на мне был темно-синий, брюки и туфли — черные. Остальным драконам нужно было из той

одежды, что они научились создавать (насколько я поняла, поднатаскались за время, что я пропустила), сделать форму. А именно: простые синие камзолы и черные брюки, точь-в-точь, что меня госпожа Норайо нарядила. Собственно, этим в какой-то степени и объяснялось повышенное ко мне внимание. Парни просто помогали себе визуализировать.

Я сначала просто ресницами хлопала, наблюдая занятие. Затем отметила, что прежде, чем у одного дракона получилось одежды своего клана заменить на академическую форму, его шмотки как бы заискрились, словно на короткий-короткий миг покрылись пламенем. Вспомнила, как Исам одевался (и раздевался), покраснела, подавила гормональный бунт и поняла, что Ледяной покрывался какой-то легкой, воздушной дымкой. Буквально на мгновение. Из чего сделала вывод, что одежда создается силой магии, которой наделила тебя стихия.

Пользуясь тем, что драконы были заняты, упорствуя перед зеркальной стеной, отошла подальше, и, вместо того, чтобы смотреть на свое отражение, глаза закрыла. Вспомнила сердце ветра... Огромный воздушный кристалл, что завис в воздухе. Его гулкий голос:

— Приветствую, маленький дракон.

Затем вокруг поднялся вихрь, отчего мурашки побежали по коже, и я уже решила было, что Скирон принялся проказничать, не удержавшись в роли воздушного браслета, место которого он занял, стоило занятию начаться... А в аудитории вдруг наступила тишина.

Я открыла глаза и отчаянно покраснела.

— Ой, — пискнула я. — Простите.

Драконы синхронно сглотнули.

— Это форма для занятий по художественной гимнастике, — объяснила я и, разжав пальцы, выпустила ленту. Голубая атласная змейка красиво осела на пол.

Я снова зажмурилась, на этот раз от стыда, снова вспомнила сердце ветра, но при этом держала мысленный образ формы, в какую меня обрядила госпожа Норайо, только захотелось, чтобы она не синяя была, а зеленая. Почему-то представила форму на фоне нескольких деревьев.

А в следующий миг раздались аплодисменты.

Я сразу открывать глаза побоялась. А ну как, сейчас увижу себя в зеркале и вовсе обнаженной? Осторожно, затаив дыхание, провела рукой по животу... и в следующий миг, открыв глаза, с изумлением

разглядывала в зеркале ту самую форму, которую создала госпожа Норайо, только зеленого цвета!

— Адепт Кинриу, — сказал мастер иллюзий, и его голос донесся словно издалека. — Вам было велено попытаться изменить цвет одежды, но никак не создавать другую и потом не возвращать именно эту, на ходу меняя ее цвет!

В следующий момент дракон был рядом и, если бы не подхватил меня, я бы упала, потому что на мгновение потеряла сознание. Устояв на ногах, поблагодарила препода, и, плюнув на приличия, опустилась прямо на пол, потому что голова все еще кружилась.

— Сидите и ничего не делайте больше, — раздраженно сказал дракон. — Похвально, что вы пытаетесь наверстать упущенное, но давайте вы будете делать это не за секунду.

Я промямлила, что хорошо и попыталась подняться.

Мастер Шуджи скривился, помогая мне встать и тут же усадил в обитое кожей кресло, что возникло из воздуха. В нем я и просидела до конца занятий, поджав ноги, с интересом наблюдая, как драконы учатся «переодеваться».

А когда занятие подошло к концу и я, вслед за всеми вышла в коридор, меня уже поджидал Риу.

— Голодная? — усмехнувшись, спросил кузен Исама, одобрительно рассматривая камзол.

Я закивала, и меня поманили за собой. Чтобы спуститься на шесть этажей мы воспользовались лифтом, а затем прошли по широкому коридору.

Столовую нос почуял шагов за сто, рот наполнился слюной, а в животе заурчало.

Рио усадил меня за столик в углу и вскоре принес поднос, уставленный мисками и тарелками. Должно быть, никогда еще еда не поглощалась мной с такой скоростью, когда мимоходом чувствуешь вкус, и еле сдерживаешься, чтобы не урчать, когда откусываешь от свежей, ароматной сдобы.

Драконы за другими столиками то и дело поглядывали в нашу сторону.

— Неужели она и в боях участвовать будет? — спросил кто-то из них.

— Конечно, — ответили ему. — Она же дракон.

— Не знаю, как вы, — я по голосу узнала того самого брюнета «в халате», — но я никогда не встану с ней в спарринг. Она женщина. Биться с женщиной — позор.

Я поставила чашку с отваром на стол и осторожно разжала пальцы. К такому отношению я привыкла еще в академии, и отучила недооценивать себя еще на первом курсе. Похоже, здесь придется повторить воспитательный процесс. Только там меня окружали обычные парни, здесь — драконы. Которые с детства готовились к инициации, и которые получили благословление своих кланов... Я же сбежала сюда из положения наложницы. Наверное, после поединка отца и Исама, к клану Золотого дракона я не принадлежу... В Ледяной клан тоже не вошла. Кроме того, к началу местного учебного года (Рио успел объяснить, что здесь только-только началась осень) опоздала. Я понимала, что будет сложно. Но, в конце концов, я и не ожидала легкой жизни!

В конце концов, моя мечта сбылась.

Я в Альма-матер.

Я принята в Альма-матер для драконов!

Я получила защиту от внешнего мира на целых десять лет!

А то, что некуда будет уехать на каникулы... Как-нибудь переживу. На крайний случай поговорю с госпожой Норайо. Она вроде тетка правильная. Может, устроит мне отбытие на побывку в зеркальный мир...

— Таша, — вырвал из цепочки умозаклучений Рио. — Если ты поела, я покажу тебе твою комнату.

Я с сожалением окинула опустевшие тарелки и с удивлением отметила, что в теле присутствует чувство сытости. Надо же, я все съела? Даже не заметила...

По словам Рио, моя комната последняя на первом этаже общежития.

— Номер восемь уже тебя ждет, — сказал дракон, когда мы приблизились к местной «общаге». Простое и одновременно внушительное здание «древнеримско»-ступенчатой архитектуры, то есть похожее на буддистский храм, только продолговатое и с колоннами.

В просторном холле перед двумя лестницами Рио сдал меня «с рук на руки» почтенного возраста лисе с высокой прической и плотно

поджатыми губами и сообщил что зайдет перед ужином, после которого сопроводит к мастеру Широ, а потом к гробнице самого мэтра Ясуо, основателя Альма-матер.

— Перед ужином? — удивилась я. — А разве сегодня нет больше занятий?

— Практические занятия по воздушному бою отменены, — объяснил Рио. — По какой-то причине отозван преподаватель, а если бы и были, тебя же от них и остальных освободили, потому что переход для начинающего мага телепортом очень изнурителен. По-хорошему, тебе несколько дней восстанавливаться надо. Поэтому отдыхай, вечером поужинаешь и на общественные работы, — дракон подмигнул, — погуляешь, осмотришься, все же не в медитации лишних два часа сидеть.

— Мне медитацию тоже рекомендовали, — пробубнила я.

— Успеется, — беспечно махнул рукой Рио.

Затем, бросив взгляд на хмурящую брови лису, бросил: «Не скучай!» и оставил меня наедине с кицунэ.

Консьержка, или как тут называется ее должность, представилась госпожой Кэйташи, что означает твердость. Кицунэ это имя подходило. Высокая, статная, со складкой у губ и пронизательным взглядом. Увидев, с какой почтительностью Рио общался с этой кицунэ, несмотря на то, что она женщина и вроде как занимается расселением студентов, я в очередной раз подумала, что все не так просто с этим драконьим шовинизмом. И не так чисто с отсутствием дракониц в этом мире.

Госпожа Кэйташи с самым невозмутимым видом проводила меня в комнату, сообщила, что как дверь, так и окно настроены на меня, подчеркнув при этом, мол, только на меня (на этом месте я возмущенно покраснела, надеюсь, мое возмущение заметили), что там я найду расписание занятий и карту, как Альма-матер, так и Долины Знаний, а еще смогу привести себя в порядок после перелета. Все с тем же невозмутимым видом мне посоветовали отдохнуть и удалились гордой походкой королевы лис.

Стоило мне перешагнуть порог отведенной мне комнаты, как из груди вырвался восторженный вопль. Каюсь, заорала я во всю глотку, отчего дверь стремительно распахнулась, а на пороге застыла госпожа Кэйташи.

— Что случилось? — спросила она, оглядев комнату.

Причем взгляд у лисы был, как у нашего препода по оперативно-тактической подготовке, а он, если что, полковник на пенсии, всю жизнь проработал в органах. Из чего я заключила, что госпожа Кэйтиши явно маг, причем какой-нибудь, из боевых или что-то около того, не зря ее поставили студенческим общежитием драконов руководить. И судя по всему, благодаря ее железной длани здесь царит идеальный порядок.

— Адептка Кинриу, — строго повторила госпожа Кэйтиши, нахмурившись. — Я задала вам вопрос: что случилось?

Я, временно утратившая дар речи, тыкнула пальцем в три рюкзака, два на столе, один на стуле, и чемоданчик рядом... Идиллистическую картинку дополняли «Опыты» Монтеня и остальная философская литература, расположенная на отдельной полке (семи томов Гарри Поттера здесь не было, если что). Две другие полки занимали какие-то незнакомые книги.

А слева на стене висел мой лук! И колчан со стрелами! Тот самый лук, который Виталий Владиленович сам смастерил! Правда, после того, как его феи тюнингвали, его не узнать было, но все же. Мой лук!

— Ах, это, — правильно поняла меня госпожа Кэйтиши. — Ваши вещи прислали из Огненного дракарата несколько дней назад. Также вам сшили пару комплектов формы по вашим меркам.

Лиса кивнула на угловой шкаф.

Бросив взгляд на меня, она проговорила:

— Аналог того, что на вас, адептка Кинриу, только не магического происхождения. Поскольку вы единственная девица в Альма-матер, специальная форма одежды не предусмотрена, и на вас сшита такая же, как для остальных драконов. Мы посчитали, что до стипендии еще целый месяц, а носить вам что-то надо.

Ух ты, мне еще и стипендия положена? — пронеслось в голове. Хотелось спросить, много ли, но не стала. И так понятно, что немного. В этом, готова поспорить, учебные заведения всех миров одинаковы.

Пользуясь тем, что дар речи соизволил вернуться, я поблагодарила лису.

Прежде чем уйти, она подошла к стене, слева от письменного стола и нажала на желтого дракончика, которого я приняла за обычный рисунок.

В ту же секунду дракончик подмигнул и, взмахнув крылом, явил под лапками экран в виде развернутого свитка, на котором

обозначалось, как я поняла, мое расписание. Дата, время, предмет, корпус, номер аудитории или сектор поля (это, как я поняла, для воздушных боев и прочих практических дисциплин). Кроме того, еще одним нажатием на дракончика госпожа Кэйташи проявила на стене объемную карту.

Я ахнула, карта была точь-в-точь вид на Долину Знаний сверху, причем, стоило задержать ладонь над одним местом, оно начинало приближаться, расширяясь.

— Вот это технологии! — присвистнула я.

Лиса довольно усмехнулась. Может, это слово было ей незнакомо, но мой неприкрытый восторг говорил сам за себя.

— Как только освоишь ментальную магию, сможешь получать информацию напрямую, — пояснила лиса, явно довольная моей реакцией. — Для этого нужно поднатаскаться в визуализации, без которой в магии никак. Я бы рекомендовала медитировать не только в специально отведенные часы, но и в личное время.

Я закивала, и такая реакция тоже пришлась кицунэ по вкусу.

Из ее объяснения я поняла, что расписание занятий, также как объемная и очень детальная карта Долины знаний как бы встроены в магический фон местности, поэтому после того, как чуть поднаторею в ментальной магии, смогу «подключаться» к необходимой информации мысленно, напрямую. Пока же меня, как и остальных первокурсников подстраховывают, предоставляя карту и расписание занятий в комнате.

Желтый дракончик на стене оказался еще и будильником, кицунэ заверила, что проспав занятия еще ни одному студенту не удавалось и посоветовала подниматься по первому же зову.

Я пожала плечами и заверила, что без вопросов. Что-что, а режим встроеной гиперответственности, как я называю про себя эту свою особенность, был приобретен в различных спортивных секциях, военно-спортивных лагерях и многократно усилен военной академией.

Сказав, что с остальным я разберусь сама, кицунэ оставила меня в одиночестве.

Я тут же бросилась к расписанию, чтобы узнать, сколько у меня есть времени до ужина. Еще в доме Исама, когда читала магические книги, поняла, что и язык, и письменность, и календарь в этом мире другие. Что касается букв и языка — оно пришло как-то автоматически, должно быть, во время перехода. Не зря я тогда столько в отключке

провалилась, драконы, насколько помню, поругаться успели.

К календарю — привыкнем.

А то, что в сутках здесь вместо двадцати четырех двадцать пять часов (что вообще-то логично), и просто здорово.

Отметив, что до ужина у меня целых четыре с половиной часа, я первым делом заглянула в свои рюкзаки. «Свои» вещи обрадовали и как-то приободрили. Еще показалось странным, что папахен их отдать разрешил. Настолько странным, что я задумалась: может, местные маги их какой-то хитрой волшебной силой сюда перетянули, но потом подумалось, что отче тоже маг, и сильный. И вряд ли бы без согласия верховного предводителя Огненного дракарата получилось бы что-то с его территории «изъять».

Не удержавшись, я погладила висящий на стене лук, и в глазах защипало. Как-то сразу почувствовала себя дома.

Сунув нос в шкаф, я сглотнула.

Потому как увидела роскошное золотое кимоно-футляр и еще какие-то тряпки из тамошнего своего гардероба. И поняла, что действительно, с согласия папика оно все сюда переехало. Весь мой гардероб из Огненного дракарата в этой комнате просто-напросто не уместился бы, но пару нарядов прислали.

А еще госпожа Митсуко вспомнилась, и я поняла, кто все-таки настоял, чтобы мне не только местных шмоток прислали, но и моих, личных, что я из своего мира приволокла. То есть драконы приволокли, но это не так важно.

Омывальная, совмещенная с санузлом обнаружилась за дверью возле шкафа. Порадовало, что удобства здесь личные. Не такие шикарные, конечно, как у папашки во дворце или в доме Исама, но вполне себе.

Уютная, в уголке, душевая кабинка, небольшая лохань в другом углу, все такое аккуратное, почти миниатюрное, но удобное. В невысоком контейнере узнала местный аналог «стиралки». На нем бытовые заклинания нужно время от времени обновлять (подозреваю, что этим сами студенты занимаются). Окуная сюда вещицы, они почти мгновенно самоочищаются.

Первое, что я сделала, кинула туда магические одежды, что на мне были. Они все равно скоро развеются, а больше бросить их здесь некуда. Приняв душ, я с удовольствием переделась в собственные

шмотки.

Джинсы, майка, бельишко удобное — чего еще желать? Влажные волосы подсушила полотенцем и убрала в пучок. То, что форму проигнорировала, так это намеренно. Меня же на сегодня от занятий вроде как освободили, так что имею полное право ходить, в чем хочется.

Вниманием завладел Скирон. Дух ветра, который по мере того, как обустривалась на новом месте носился по комнате и пытался играть с моими майками (и не только, пардон), полотенцами и даже покрывалом, которым была застелена кровать, начал шмыгать туда-сюда из шкафа ко мне и обратно. Дух ветра явно стремился привлечь мое внимание.

Заглянув в шкаф, я послушно проследила взглядом за Скироном. Дух ветра сжался до размеров феи и скрылся в полумраке. Я часто заморгала. Внушительной резной шкатулки я сразу и не заметила.

Вынув шкатулку, я прижала ее к животу и донесла до стола. С облегчением и ощутимым стуком поставила на деревянную поверхность. Несмотря на изящный вид, вес внушительный. Шкатулка украшена камнями и расписана птицами. Узор похож на те, что видела у папахена во дворце.

Приподняв крышку, я ахнула.

Во-первых, здесь были мои украшения, из дворца папахена. Кольца, серьги, кулоны, диадемы, ожерелья... Все блискучее, даже при дневном свете глаза слепит.

Во-вторых, в отдельно огороженном отсеке, здесь обретались три кошелька. Два поменьше, один побольше. Ожидаемо, с золотом, серебром и мелочью.

Вот чего не ожидала, так это неожиданной отцовской заботы.

Особенно после заверения, что лучше мертвая дочь, чем непокорная.

Даже вспомнив об этом спустя столько времени, как-то не по себе стало.

А еще решила, что не возьму отсюда ни монетки. А зачем? Форму мне выделили, кормят тут обильно и довольно неплохо, потому как у драконов, тем более студентов, аппетит зверский. Глядишь, и стипендию выдадут... Так что я шкатулку захлопнула без сожаления и на то же место отволокла.

Раскладывая по полкам свои вещички, всерьез задумалась. Надо бы

отнести джинсики и маечки к местным искусникам... глядишь, введу новую моду, а заодно запатентую удобную одежду, и, конечно, заработаю на этом. А что до бельишка, то, судя по тому, что мне во дворце папахена выделяли, мои кружевные стринги и бюстики и вовсе должны произвести здесь фурор.

Глянув на часы (в правом верхнем углу, в расписании), обнаружила, что до прихода Рио, то есть, соответственно, до ужина, еще два часа.

Зависнув над картой, обнаружила, что обитель мастера Широ буквально в получасе ходьбы от общежития, надо только идти не по той дороге, что мы от Альма-матер шли, а обойти здание и пройти насквозь небольшой сквер.

Решив, что до ужина я по любому успею, я выскочила из общаги под внимательным взглядом госпожи Кэйтиши.

Глава 18

Обитель мастера Широ нашлась сразу.

Небольшой уютный домик на сваях показался из-за деревьев именно тогда, когда подумала, что пора бы ему появиться.

Обитель мастера Широ, который поможет определить характер моей магии и скорректировать учебную программу индивидуально, манил теплыми красными стенами, точь-в-точь сказочная лубяная избушка на непальский лад.

Миновав сказочной красоты сквер с высокими деревьями, стволами похожими на бутылки зеленого стекла и цветами с пышными, тяжелыми головками, которые, стоило Скирону пронестись над ними, звенели, как колокольчики, я подошла к обители мастера Широ.

Готова поспорить, когда только разглядела дом из-за деревьев, ни двери, ни лестницы тут не было. Сейчас же аккуратные, по моей ноге ступени вели к гостеприимно распахнутой двери.

Вдохнув и выдохнув, я принялась подниматься по ступеням, отчаянно надеясь, что мастер, который здесь определяет характер магии, не выгонит меня за то, что ворвалась без предупреждения. А еще не хотелось, чтобы этот мастер оказался какой-нибудь шляпой или другим неодушевленным предметом, которому потребуется садиться мне на голову и важно вещать с макушки.

Мастер Широ не был шляпой. Он скорее напомнил одного из тех золотых драконов, что охраняли вход в Святилище Инари. Только был он не золотым, а каким-то переливающимся. И сидел за низким столиком, скрестив ноги в лотосе.

Глаза мастера Широ были прикрыты, что позволило мне лучше разглядеть его. Присмотревшись к львиной мордочке с совершенно человеческим выражением (кто бы мне еще утром сказал, что так бывает), я поняла, что первое впечатление, которое возникло от этого странного существа — гармония.

Был он каким-то кругленьким и на удивление, действительно, гармоничным. Он казался огненным и воздушным одновременно. В то же время статичность и устойчивость позы говорила о некоем «правильном» заземлении. Я невольно подумала об единении стихий,

глядя на него, а стоило ему открыть голубые и словно плещущиеся глаза, все встало на свои места. Этот мастер Широ определял характер магии, потому что сам был магическим существом, причем владеющим магией всех четырех стихий.

Окинув меня безразличным взглядом, он изрек:

— Огня не хватает.

Увидев, как изо рта мастера Широ скользнул змеиный язык, я чуть было не отшатнулась. Затем, вспомнив, что у хранителей такие же были, успокоилась.

— Вы — Хранитель всех четырех стихий? — спросила я. — Те, что у входа в Святилище, огненные были, потому что я — огненной крови, а вы — гармоничный, да? Вы магией всех стихий владеете?

— Не владею, — ответил мастер Широ, а затем величественно кивнул. — Я — Хранитель магии всех четырех стихий.

— Как это? — не поняла я. — Если храните, значит и владеете.

Мастер Широ помотал головой.

— Хранить — не значит владеть, — опровергнул он мои домыслы. — А тебе нужен огонь. И земля. И вода.

— Как это? — не поняла я.

— Но огонь больше всего, — сказал мастер Широ.

И тут мне так захотелось в Огненный дракарат, просто со страшной силой туда потянуло. Так, что показалось, сейчас под воздействием какой-то странной тревоги прямо туда и рвану... Что-то подсказывало, что это более, чем возможно... и даже необходимо. А учитывая, что моего внутреннего дракона здесь никто не притеснял, улететь я могла в любой момент.

Слова Рио о том, что без специального разрешения не смогу покинуть Долину Знаний, словно нарочно из головы выдули, и такая паника накатила, что я прямо на пол перед мастером Широ уселась, на пятки.

Тот глаза открыл и посмотрел изумленно, мол, что ты здесь делаешь?

Чтобы скрасить неловкость, я пробормотала:

— Мне сказали, вы подскажете, как учебную программу под меня подобрать, — сглотнула, — индивидуальную.

Хранитель пожевал губами и глубоко вздохнул.

— Да, — сказал он, словно своим мыслям. — Огонь в первую

очередь. Потом нужно получить посвящение сердца земли. А потом уже воды.

И снова глаза прикрыл.

Осознав, что больше от Хранителя я ничего не добьюсь, да и паника благополучно отступила, я поднялась, и, несмотря на то, что на меня не обращали внимания, прежде чем покинуть домик, ладони у груди сложила и поклонилась.

Оказавшись снова в сквере со звенящими цветами, я заметила сразу трех крошек-фей, в розовом, зеленом и голубом платьицах, которые порхали над звенящими цветами. Присмотревшись, поняла, что Фай среди них нет. Поэтому просто помахала рукой и прошла мимо. Вслед раздался звон. Мне — приветственный, а Скирону, который вздумал, видимо, поиграть с крохами, — возмущенный.

Я подозвала духа ветра свистом. Подумалось, что это место, такое тихое и безлюдное, как нельзя лучше подошло бы для оборота. Только вещички надо бы снять предварительно и положить под каким-нибудь кустиком.

Услышав о полете, драконица внутри взревела и нервно забила крыльями.

Пришлось ее успокоить. Если решу полетать — не факт, что успею к ужину. А у меня еще общественные работы сегодня. В виде наказания. И хотелось бы перед сном помедитировать хотя бы часик, как мастер иллюзий посоветовал. Пренебрегать советом мага в первый же учебный день не хотелось.

— Таша, — окликнули меня, когда подошла к общежитию. — Ты где была?

— У мастера Широ, — ответила я Рио. — Мне же сказали у него побывать.

— У мастера Широ?!

Дракон посмотрел на меня, как красавица на торт после шести.

— То есть ты хочешь сказать, что нашла Хранителя? Сама?

Я пожала плечами и двинулась по направлению к главному корпусу Альма-матер. Там ведь у них столовая?

— И что сказал тебе мастер Широ? — поинтересовался дракон, догоняя.

Я пожала плечами как можно непринужденнее.

— Ничего особенного. Да он не слишком разговорчивый был, —

добавила я.

Должно быть, это было похоже на правду, потому что кузен Исама отстал.

После ужина Рио проводил меня к месту наказания. По дороге объяснил, что гробница основателя Альма-матер — единственное место в Долине Знаний, куда допускаются посторонние, в смысле, паломники, кто жаждет поклониться священному праху.

— Но они доставляются телепортом прямо в гробницу, и, выходя из нее, порталом переносятся назад, откуда пришли.

— Если я зайду в гробницу, я тоже перенесусь куда-то телепортом? — спросила я, поевшись.

— Нет, конечно, — снисходительно усмехнулся дракон. — Да и зачем тебе туда? Тебе окрестную территорию убрать — и все. Мусорят там, сама понимаешь, редко. Так что погуляешь, подышишь воздухом, а потом сразу домой.

Дракон вызвался было мне в помощники, но я заверила его, что сама справлюсь, тем более это мое наказание. А если увидят, как препод со мной на пару двор метет, вряд ли смолчат. Как сам Рио говорил, сплетни мне ни к чему. Хватит и того, что на правах куратора проводил до этой самой гробницы.

— Ну, тогда я пойду, — сказал Рио. — Инвентарь для уборки вон в том домике. Точно дорогу обратно найдешь? Или за тобой прийти, проводить?

Заверив, что с ориентированием на местности у меня всегда все в порядке было (почти не соврала), я избавилась от общества дракона. Каким-то он казался чересчур настойчивым и любопытным, а меня не покидала мысль, что они с Исамом в контрах.

Сжав зубы, решительно изгнала из головы мысли о беловолосом драконе и, пригнувшись, шагнула под свод арки, что вела во двор, где полукругом возвышалось здание гробницы.

С жухлой листвой и какими-то бумажными обрывками я справилась быстро. Все снесла в домик, где находился местный аналог мусорного контейнера, только в отличие от обычной «мусорки», хлам исчезал в нем в мгновение ока.

На все про все у меня ушло минут двадцать, не больше, а вид с холма, на котором расположилась гробница мастера Ясуо, открывался фантастический.

Долина Знаний была видно отсюда, как на ладони.

Вечерело, и пользуясь личным временем, студенты бродили от корпуса к корпусу. В основном народ стремился в центр, где по одному, загорались огни. Доносились звуки музыки и смех. И в то же время здесь, на холме с гробницей основателя драконьей академии царила какая-то особенная тишина, от которой накатывало спокойствие и умиротворение, и уходить почему-то не хотелось.

Решив, что с уборкой территории покончено, я решила все же навести порядок внутри гробницы.

Для этого вооружилась метлой и совком и, открыв тяжелую дверь, шагнула в полумрак коридора. Скирон в последний момент проскользнул за мной. И, когда подул на магические шары под потолком, те дали мерный, приглушенный свет.

Здесь было не то, что неуютно, скорее, как-то странно на контрасте с теплой улицей, легким ветерком и доносящимся то и дело смехом студентов. Поэтому я как можно быстрее подмела коридор, а затем тщательно вымела пол в круглом помещении с куполообразным верхом. Посередине, на ступенчатом постаменте, стояло монументальное каменное сооружение с четырехугольным основанием и треугольными боковыми поверхностями. Даже представить было страшно, каких размеров был этот самый основатель Альма-матер, если его останкам потребовалось столько места. Смущала также щель сбоку, зияющая черной дырой.

Размеры щели легко позволили бы мне проникнуть внутрь этой самой гробницы, и я в очередной раз подивилась, зачем ее здесь вообще оставили? Не для того ли, чтобы мэтр Ясуо мог выходить наружу и по ночам гулять по Долине Знаний?

Мысль, конечно, была идиотская, но после встречи с мастером Широ меня сегодня вряд ли что-то удивило бы.

Поэтому, когда из коридора раздались голоса, я пискнула и тут же зажала рот ладонью.

Судя по звуку шагов, сюда приближались двое.

— А я вам говорю, мэтр Акихиро, она и есть та самая королева драконов, приход которой предсказало пророчество. Именно ей надлежит вернуть истинную магию в наш мир, — произнес знакомый женский голос.

— О каком пророчестве может идти речь, госпожа Норайо, когда

оно утеряно? Удалось восстановить лишь несколько слов из него, которые можно трактовать и так, и эдак! А все эта холодная война между Огненным и Водным дракаратами, будь они оба неладны! — возразил мастер Акихиро. — Мы теперь можем только догадываться о содержании пророчества.

— Но вы, как и я, прекрасно знаете, что в нем говорилось об объединении стихий, — раздраженно сказала госпожа Нораёо.

— Там говорилось о некоей пятой стихии, которая не относится ни к одному из дракаратов! — не согласился мэтр Акихиро. — Многие в Ковене уверены, что это кто-то из Ледяного клана, поскольку он стоит обособленно. Будучи сами водного происхождения, Ледяные используют магию воздуха. Скорее всего, здесь и стоит и дальше искать отгадку древнего пророчества.

Ничего не понимая, я потрясла головой.

В голове скандировала мысль: вот-вот оба ректора войдут в гробницу и увидят меня!

— А как же то, что сказал Хранитель? — с жаром возразила госпожа Нораёо. — Таши Кинриу предстоит посвящение оставшимися тремя стихиями. Готова побиться об заклад, она и есть то самое недостающее звено! Кровь от крови огня, она получила посвящение в магию воздуха!

Клянусь, если бы речь не шла обо мне, я бы никогда не сделала того, что сделала.

А именно даже в страшном сне не сунулась бы в зияющую черную щель гробницы основателя Альма-матер!

Скирон юркнул за мной, растрепав волосы.

Так что когда оба ректора вошли в гробницу, я сидела, сжавшись, под самым надгробием в форме пирамиды и надеялась, что меня не стошнит адреналином прямо тут.

— Да, девочка феномен, не спорю, — проговорил ректор. — И возможно даже будет первой из драконьего народа, кто получит посвящение всеми стихиями... Но с чего вы решили, что она и есть так самая королева драконов, посланница Инари, о которой говорилось в пророчестве?

— А с того взяла, — тоном победительницы произнесла госпожа Нораёо. — Что девочка искренне считает, что остальные женщины драконьей крови тоже могут стать драконицами! И, поверьте, она в этом

очень и очень убедительна! Ей кажется, что она руководствуется логикой, но на самом деле за нее говорит интуиция посланницы Инари, которая подсознательно знает, что в ее власти вернуть в мир истинную магию. А истинная магия вернет в мир дракониц! После пяти тысячелетнего перерыва в истории. К слову, девочка и до этого докопалась. Она отслеживает причинно-следственные связи и видит то, что другие не видят, словно не изучает наш мир, а вспоминает.

— Она итак вспоминает, — вяло заметил мэтр Акихиро. — Она же отсюда.

— А чья неконтролируемая магия наделала столько дыр в пространстве? — не унималась госпожа Норайо. — Вот вы, зрелый, умудренный опытом, дракон, скажите, видели вы у кого-то дар такой силы?

Мэтр Акихиро не успел ответить.

Раздались голоса и даже как будто какая-то мелодия.

— Скорей! Сюда! — вскрикнул мастер Акихиро и в следующий момент оба ректора забрались следом за мной в дыру в надгробии основателя Альма-матер, мастера Ясуо... Я в последний момент успела отползти в угол, не то непременно столкнулась бы, или с драконом, или с магией.

— Паломники, — прошептал мэтр Акихиро.

А я порадовалась, что здесь темно. Иначе, боюсь, оба ректора узрели бы ту, о которой только что говорили. А еще, что у меня не столько от их разговоров, сколько от того, что следом за мной под плиту забрались, глаза вылезли на лоб.

Слава небу, гробница наполнилась гомоном и заунывным пением, и мое частое дыхание, как и биение сердца, были не так очевидны. Хотя я и не видела, что происходит снаружи, отчетливо слышала глухие удары по камню, вот прямо напротив места, где я сижу. Судя по звукам, чересчур рьяные паломники стучали о камень головами.

— Какие они бывают сентиментальные, — неодобрительно заметил ректор.

— Мэтр Акихиро, — прошипела госпожа Норайо. — А мы-то зачем сюда забрались?

— Сработала привычка, госпожа Норайо, — невозмутимо ответил ректор. — Вы же сами настаивали, чтобы никто в Долине Знаний не должен знать, что мы с вами любовники.

— Мы не любовники! — прошипела госпожа Норайо, и, как мне показалось, попыталась пнуть дракона в живот.

— Ну хорошо, — уворачиваясь от удара и чуть было не задев плечом меня, ответил ректор все тем же невозмутимым тоном. — В таком случае, вы сами настаивали на том, что никто не должен узнать, что мы с вами не любовники...

— Не потревожим ли мы почтенного мастера Ясуо, — недовольно прошептала госпожа Норайо.

— Да нет, — беспечно заметил ректор и (мамочки!) потыкал меня пальцем в бедро. — Он много места не занимает. Здесь, в уголке лежит, даже как будто теплый.

— Не толкайтесь, мэтр Акихиро, — прошипела я, и, прежде чем оба ректора успели возмутиться, добавила: — И что это еще за такая королева драконов из пророчества, которая вернет истинную магию в мир?

По щелчку пальцев под куполом совершенно пустой пирамидки загорелся магический светлячок. По второму нас накрыло пологом тишины, это я поняла по тому, что монотонные причитания паломников стали доноситься как сквозь вату.

— Адептка Кинриу, почему вы не в комнате? — поинтересовались у меня в один голос. Причем оба синхронно покраснели.

— Мне территорию гробницы убрать надо было, — пискнула я, пожимая плечами.

— А в гробницу зачем полезли? — поджимая губы, поинтересовался мэтр Акихиро.

— А вы? — вопросом на вопрос ответила я.

И тут мы все замолчали, потому что снаружи наступила тишина, что значит, паломники отправились восвояси.

— Вам не мешает хорошо выспаться после телепорта, — чопорно заметила госпожа Норайо.

— Завтра с утра практические занятия по воздушному бою, — проявил заботу мэтр Акихиро.

— Ага, — кивнула я. — Спасибоочки. Так я пойду?

— Не смеем задерживать, — сказала госпожа Норайо и щелкнула пальцами.

Голова закружилась и я зажмурилась. А в следующий момент открыла глаза и обнаружила, что сижу на своей кровати, в общежитии и

трясу головой, как щенок, который вылез из воды.

Похихикав над пикантностью ситуации, я помылась и, почистив зубы, улеглась в постель. Которая такой... холодной показалась. Невольно подумалось, что я последнее время без Исама засыпать как бы и не привыкла. И неважно, что разных комнатах, главное, знала, Ледяной дракон рядом... И, несмотря на свою несносность, такой при этом любящий и такой родной.

Попытки заснуть оказались тщетными. Переворачиваясь с бока на бок в двадцатый раз, пришлось признать, что сон просто-напросто не идет. Должно быть, он нервного перевозбуждения. Что и говорить, а день оказался щедрым на события. Закутавшись в одеяло, я села на кровати в полулотос, прислонившись спиной к стене.

Закрыла глаза и представила, что парю в звездном небе золотой драконицей... А рядом со мной парит серебряный дракон с синими и очень, просто необычайно грустными глазами...

Не знаю, сколько я просидела в медитации. Но одеяло под подбородком успело насквозь промокнуть от слез.

* * *

В ожидании занятия по воздушному бою наш первый курс выстроился на плацу перед главным корпусом Альма-матер. К построениям мне было не привыкать, к нахождению в «смирно» тем более.

Поэтому в ожидании препода стояла спокойно, не обращая внимания на шепоток однокашников, мол, что делать, если с новенькой поставят в пару... Вчерашний день красноречиво показал, что дисциплина здесь железная. Поэтому лучше не поддаваться на провокации, а потом, на деле, показать, на что я способна. И хоть драконицей я ни разу не билась, надеюсь это поправить с помощью специально обученного препода.

Ректор приблизился к нам чеканным шагом. Не один.

От одного взгляда, брошенного на дракона, который шел рядом с мастером Акихиро, хватило, чтобы помутнело перед глазами, а в голове раздался звон. Не знаю, как устояла на месте, когда ректор заговорил. Казалось, каждое слово мэтра Акихиро отдается отбойными

молоточками по вискам, а внутри все сжималось, то ли от шока, то ли от... чего-то еще.

— Адепты первого курса Альма-матер, — пророкотал голос ректора, совсем не похожий на те интонации, с какими тот общался вчера, в гробнице, с госпожой Норайо. — Позвольте представить вам вашего преподавателя воздушного боя, мастера Ичиро Исами, наследника клана Ледяных драконов.

Мои однокашники поприветствовали нового преподавателя каким-то выкриком, а я промолчала.

Просто стояла, и, хлопая ресницами, смотрела на Исама.

А он смотрел на меня.